

ЗВЕЗДЫ МИРОВОЙ ФАНТАСТИКИ

РОБЕРТ ХАЙНЛАЙН

Не убоюсь зла

Роберт Энсон Хайнлайн
Не убоюсь зла
Серия «Звезды мировой
фантастики (Азбука)»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48785589

Не убоюсь зла: Азбука, Азбука-Амтикус; СПб.; 2019

ISBN 978-5-389-17642-3

Аннотация

В новом переводе – классический роман мастера американской фантастики. «Если я пойду и долиной смертной тени, не убоюсь зла, потому что Ты со мной...» – гласит псалом 22, обычно читаемый на похоронах. Но престарелому миллиардеру Иоганну Себастьяну Баху Смиту до похорон еще далеко: врачи поддерживают в его дряхлеющем теле жизнь, а передоверить управление группой своих компаний решительно некому. И вот Смит решается дать бой самой смерти на последнем рубеже – решается на трансплантацию головного мозга. Кто бы мог подумать что первым же подходящим донором окажется его собственная секретарша, к которой он испытывал самые нежные чувства, и что адепты метемпсихоза были не так уж не правы... Настолько радикального переосмысления гендерных ролей не позволял себе раньше даже такой вольнодумец и возмутитель

спокойствия, как Хайнлайн. «Всех, кого я не сумел оскорбить „Десантом“ или „Чужаком“, я, возможно, сумею достать этой вещью, – пророчески писал он. – Если повезет, ее осудят и левые радикалы, и правые...»

Содержание

Эпоха Джаза	6
Не убоюсь зла	9
1	9
2	41
3	67
4	81
5	89
6	98
7	108
8	126
9	141
10	165
Конец ознакомительного фрагмента.	192

Роберт Хайнлайн

Не убоюсь зла

Robert A. Heinlein

I WILL FEAR NO EVIL

Copyright © 1970 by Robert A. Heinlein

All rights reserved

© Ю. Ю. Павлов, перевод, 2019

© С. В. Голд, предисловие, послесловие, 2019

© Е. М. Доброхотова-Майкова, примечания, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2019

Издательство АЗБУКА®

Эпоха Джаза

Третья мировая война встряхнула американское общество. Внезапно наступивший мир многие восприняли как второй шанс и постарались использовать его, чтобы изменить свою жизнь к лучшему. И некоторым это удалось – социальные лифты заработали, но длилось это недолго. Власть, вкусившая прелести чрезвычайных (и чрезвычайно эффективных) методов управления военного времени, не спешила с ними расставаться. Демократия эволюционировала, но, как оказалось, в своей высшей и последней форме она мало чем отличается от диктатуры. Власть концентрировалась и специализировалась, она больше не лезла во все сферы жизни, ограничившись управлением в ключевых точках промышленности, финансов и соцобеспечения. Все остальное было отпущено в свободное плавание. Последние десятилетия своего существования Америка наслаждалась свободой. Были легализованы наркотики, отменено обязательное образование, а соблюдение законов контролировалось лишь в зонах анклавов, где проживали специалисты, обеспечивающие поддержание статус-кво. Население свободных зон было предоставлено самому себе – миллионы праздных потребителей соцпакетов участвовали в жизни страны лишь раз в четыре года, приходя на избирательные участки (если, конечно, не находили себе занятия поинтересней). Большин-

ство из них не умело ни читать, ни писать. Единицы, пройдя жесткий отбор тестов, могли претендовать на какое-то образование. Остальные ограничивались «практическими курсами», где учили только считать и пользоваться общественными терминалами, а затем свободно выбирали между пожизненным пособием и какой-нибудь неквалифицированной работой.

Несмотря на строгое нормирование продуктов (мясо исчезло из обычного рациона и превратилось в предмет нелегальной торговли), никто не умирал от голода, напротив, начало нулевых годов XXI века осталось в памяти временем изобилия и успехов. Казалось, новые технологии вот-вот подарят всем счастье, покой и процветание. Медицина победила большинство болезней и билась над продлением жизни. Первая лунная колония готова была принять избыток населения, на Марсе был запущен процесс терраформирования, который должен был снизить демографическое давление в перспективе на сотни лет вперед, а проект на Ганиমেде обещал закрыть продовольственный вопрос навсегда. Америка с головой окунулась во вторую Эпоху Джаза – время всеобщего, немного нервного веселья, словно пыталась воплотить в жизнь лозунг полувековой давности – «секс, наркотики, рок-н-ролл» (альтернативные варианты прилагаются).

В ретроспективе легко разглядеть причины последовавшей за Эпохой Джаза катастрофы. Понятно, что куда проще

вырвать из одних рук и передать в другие централизованную власть, чем подмять под себя децентрализованную систему. Понятно, что электорат, не умеющий читать и писать, легко поддается влиянию не только официальной пропаганды, но и вообще любой пропаганде, особенно религиозной. И наконец, все знают, что Древо Свободы требуется время от времени поливать кровью героев, и если в критический момент окажется, что герои отправились осваивать Марс или устраивать жизнь на Луне, то «у меня для вас плохие новости, ребята». Но до выборов 2012 года и даже несколько лет спустя такие мысли мало кому приходили в голову – люди наслаждались свободой и вкушали те радости, которые были им доступны. Они жили одним днем, не осознавая перспективы и не задумываясь о ней. Словно старик, переживший все отмеренные ему сроки, радуется последним теплым лучам солнца в приближении заката.

С. В. Голд

Не убоюсь зла

Рексу и Кэтлин

1

Комната была старомодная, в барочном стиле 1980-х годов, но роскошная и очень просторная – широкая, длинная, с высокими потолками. У окна с регулируемым пейзажем стояла автоматизированная больничная койка. Чтобы не портить интерьер, ее частично скрыли великолепной китайской ширмой. В сорока футах от койки расположился столь же чужеродный стол для заседаний. Во главе его стояло инвалидное кресло с системой жизнеобеспечения, от которого к койке тянулись трубки и провода.

У кресла, за мобильным стенографическим столиком, оборудованным микрофонами, пишмашинкой-диктофоном, часами-календарем, пультом управления и прочими принадлежностями, сидела очень красивая девушка.

Она держалась как образцовая незаметная секретарша, но одета была по последней экзотической моде, «половина на половину»: правое плечо, рука и грудь в черном трикотаже, левая нога в алом чулке. Завершали образ двуцветные трусики с оборкой и сандалии – черная на левой ноге, алая – на

голой правой. Кожа была расписана теми же цветами – черным и алым.

С другой стороны от кресла стояла немолодая женщина в халате медсестры и белых чулках. Она внимательно следила за датчиками и пациентом в кресле, не обращая внимания на все остальное. За столом расположились чуть больше десяти человек, одетых словно зрители на скачках: стиль, принятый у пожилых управленцев высшего звена.

В инвалидном кресле сидел древний старик, которого, если бы не живые неугомонные глаза, можно было принять за плохо забальзамированный труп. На лице ни следа косметики – никакой попытки скрыть ужасающую дряхлость.

– Упырь, – тихо произнес старик, обращаясь к одному из мужчин за столом. – Парки, малыш, вы самый настоящий жадный упырь. Отец не учил вас, что невежливо хоронить человека, пока тот не откинул копыта? У вас вообще был отец? Юнис, сотри последнюю фразу. Итак, господа, мистер Паркинсон предлагает мне добровольно уйти с поста председателя совета директоров. Кто еще за? – Старик сделал паузу. – Ну как же так? Парки, кто из ваших дружков поджимает хвост? Вы, Джордж?

– Я здесь ни при чем.

– Но были бы рады проголосовать за. Без поддержки вопрос не будет поставлен на рассмотрение.

– Я отзываю свое предложение.

– Поздно, Паркинсон. Вопрос можно исключить из по-

вестки дня только по общему согласию, высказанному явно либо подразумеваемому. А если есть хоть одно возражение – и я, Иоганн Себастьян Бах Смит, возражаю, – то ничего не поделать. Я придумал это правило, когда вы еще пешком под стол ходили. Однако, господа, – Смит оглядел собравшихся, – у меня есть для вас новости. Как вы наверняка знаете из доклада мистера Тила, все наши подразделения работают успешно, а «Морские фермы» и «Общеобразовательные учебники» – более чем успешно. Поэтому мне самое время уйти на покой.

Смит подождал немного, затем продолжил:

– Можете закрыть рты. А вы, Парки, подберите слюни, я еще не договорил. Я остаюсь председателем совета директоров, но покидаю пост президента компании. Начальник юридического управления мистер Джейк Саломон становится вице-председателем.

– Иоганн, полегче. Я не собираюсь управлять этим цирком.

– Джейк, а кто говорит про управление? Всего-то надо будет председательствовать в мое отсутствие. Я слишком много прошу?

– Гм. Пожалуй, не слишком.

– Вот и славно. Так вот, я слагаю с себя полномочия президента «Смит энтерпрайзес». Президентом и генеральным директором назначается мистер Байрем Тил – он заслужил этот пост, а с ним и все биржевые опционы, налоговые ла-

зейки и прочие привилегии своей многолетней добросовестной работой.

– Послушайте, Смит! – взорвался Паркинсон.

– Тихо, молокосос. Я вам не «послушай», а «мистер Смит» или «господин председатель». А теперь говорите.

Паркинсон взял себя в руки и произнес:

– Хорошо, *мистер* Смит. Я протестую. Во-первых, одним махом повесить своего помощника до президента – само по себе вопиющее нарушение, а во-вторых, у меня второй по величине пакет голосующих акций и при любых изменениях в руководстве моя кандидатура должна рассматриваться в первую очередь!

– Парки, я рассмотрел вашу кандидатуру.

– Да?

– Ага. Подумал об этом... и прыснул со смеху.

– Ах вы...

– Не произносите этого слова, я могу подать в суд за оскорбление. Не забывайте, что мой пакет – контрольный. А что касается вашего – согласно политике компании любой владелец пяти или более процентов голосующих акций автоматически входит в совет директоров, даже если он моральный урод и все его на дух не выносят. Что верно для нас обоих. Точнее, для вас *было* верно. Байрем, что там у нас с доверенностями и покупкой акций?

– Представить вам полный отчет, мистер Смит?

– Нет, просто объясните мистеру Паркинсону его текущее

положение.

– Хорошо, сэр. Мистер Паркинсон, в настоящий момент у вас меньше пяти процентов голосующих акций.

– А это значит, что ты больше не в совете директоров, упыренок, – вкрадчиво добавил Смит. – Джейк, созовите внеочередное собрание акционеров. Со всеми формальностями, извещениями и прочим. Подарим Парки золотые часы, вышвырнем его вон... и выберем ему замену. Есть еще вопросы? Вопросов нет. Заседание окончено. Джейк, оставайтесь. Юнис, ты тоже. И вы, Байрем, если вам есть что еще обсудить.

Паркинсон вскочил:

– Смит, вы у меня еще попляшете!

– Не сомневаюсь, – умилился старик. – Кланяйтесь от меня теще и скажите, что Байрем по-прежнему будет повышать ее благосостояние, несмотря на то что я вас вышвырнул.

Паркинсон вышел не прощаясь. Остальные потянулись за ним.

– Джейк, как человек смог дожить до пятидесяти лет, не обзаведясь здравым смыслом? – задумчиво сказал Смит. – Ладно хоть богатой тещей обзавелся. Ганс, вы хотели мне что-то сказать?

– Иоганн, – произнес Ганс фон Риттер, опираясь на стол и глядя председателю в глаза, – мне не понравилось, как вы обошлись с Паркинсоном.

– Благодарю за честность. В наши дни ее не часто встре-

тишь.

– Убрать его из совета – верное решение, он нам постоянно палки в колеса вставлял. Но унижать его не стоило.

– Вы правы, Ганс. Но я не мог отказать себе в маленьком удовольствии. Мне сейчас особо не повеселиться.

В зал вкатился робот-лакей «Симплекс», составил освободившиеся стулья на стойку и выкатился обратно. Фон Риттер продолжил:

– Не хочу, чтобы со мной обошлись так же. Если вам в совете нужны лишь подпевалы, спешу заметить, что у меня тоже менее пяти процентов голосующих акций. Мне подать заявление об отставке?

– Боже правый, ни в коем случае! Ганс, вы мне нужны, а Байрему нужны еще больше! Мне ни к чему дрессированные тюлени; у человека должно быть достаточно смелости, чтобы возразить мне, иначе он просто место будет занимать. Но если он выступает против меня, пусть делает это *разумно*. Как вы. Вам неоднократно удавалось меня переубедить, что при моем упрямстве ой как непросто. А теперь вот что – присядьте. Юнис, подгони доктору фон Риттеру стульчик.

Стул подкатился к фон Риттеру, но тот отмахнулся, и стул уехал обратно.

– Хватит меня умасливать. Что вам нужно? – Фон Риттер убрал руки со стола, тот сложил ножки, повернулся боком и втянулся через щель в стену.

– Ганс, я окружил себя ненавистниками. Среди них нет ни

одного подхалима, ни одного дрессированного тюленя. Даже Байрем – особенно он – получил свой пост за то, что обычно возражал мне по делу. Но он не всегда прав, и поэтому в совете нужны люди вроде вас. Паркинсон – другое дело. Я обязан был публично его отчитать, потому что он публично потребовал моей отставки. Но вы правы, Ганс, я повел себя как ребенок. Еще двадцать – да что там, десять лет назад я ни за что бы не унизил человека. Когда человек не думает головой, а действует рефлекторно, как большинство, унижение заставит его мстить. Я это прекрасно понимаю. Но я уже стар, ум у меня не тот.

Фон Риттер промолчал. Смит продолжил:

– Прошу, останьтесь... И помогите Байрему во всем разобраться.

– Ох... останусь. Если обещаете больше не срываться. – Фон Риттер развернулся к выходу.

– Договорились. Ганс, а на моих поминках спляшете?

Фон Риттер с усмешкой оглянулся:

– С радостью!

– Вот и славно. Спасибо, Ганс. Пока!

Смит обратился к Байрему Тилу:

– А что у тебя, сынок?

– Завтра из Вашингтона приедет помощник генерального прокурора – говорить с вами о покупке контрольного пакета «Хоумкрафтс лимитед» нашими «Механическими станками». Думаю...

– Не со мной, а с *тобой*. Ты сильно меня подведешь, если не справишься с каким-то помощником прокурора. Что еще?

– Мы потеряли человека на морской ферме номер пять. В пределах пятидесятифутовой зоны. Акула.

– Он был женат?

– Нет, сэр. Родителей тоже нет.

– Ладно, тогда обойдемся официальными соболезнованиями. У вас есть видеоклипы, где мой голос прочувствованно дублирует профессиональный актер. Вот их и пустите. Нельзя, чтобы народ думал, будто нам наплевать на гибель работников.

– Особенно когда нам действительно наплевать, – добавил Джейк Саломон.

Смит цыкнул на него:

– Джейк, ты что, видишь меня насквозь? Такова наша политика: щедрая компенсация в случае гибели плюс всякая сентиментальная мишура.

– Которая прокатывает на ура. Иоганн, не обязательно видеть насквозь, чтобы понимать – у тебя вместо сердца калькулятор. Да у тебя сердца и не было никогда.

Смит улыбнулся:

– Джейк, для тебя сделаем исключение. Когда помрешь, не будет ни букетов, ни фотографии в черной рамке в корпоративной газете. Твоя смерть пройдет незамеченной.

– Иоганн, решать это будешь уже не ты. Я переживу тебя

лет на двадцать, не меньше.

– Тоже хочешь станцевать на моих поминках?

– Я не танцую, – ответил юрист, – но тебе, я смотрю, хочется, чтобы я научился.

– Не волнуйся, это я тебя переживу. Хочешь пари? Скажем, миллион против твоего любимого налогового вычета? Впрочем, нет. Чтобы выжить, мне понадобится твоя помощь. Байрем, загляни ко мне завтра. Сестра, выйдите, мне нужно поговорить с юристом с глазу на глаз.

– Не могу, сэр. Доктор Гарсия требует, чтобы вы постоянно были под присмотром.

Смит задумался.

– Мисс Судно, я приобрел свой словарный запас до того, как Верховный суд запретил писать похабщину на заборах. Но я постараюсь изъясняться понятным вам языком. Я даю вам работу. Плачу вам зарплату. Это мой дом. Я приказал вам убираться, так пошевеливайтесь!

Медсестра молчала и упорно не двигалась с места.

Смит вздохнул:

– Джейк, совсем я старый стал. Забыл, что у них свои правила. Можешь разыскать доктора Гарсию – он где-то здесь, в доме, – и попросить оставить нас наедине, без излишне верного сторожевого пса?

Доктора Гарсию привели. Он снял показания приборов, осмотрел пациента и решил, что на некоторое время можно обойтись дистанционным наблюдением.

– Мисс Макинтош, перейдите к удаленному монитору.

– Конечно, доктор. Вы не подыщете мне замену? Я не хочу больше здесь работать.

– Сестра, что вы...

– Доктор, секундочку, – перебил Смит. – Мисс Макинтош, я прошу прощения, что назвал вас «мисс Судно». Маразм, сами понимаете. Я теперь как ребенок. Но если по-другому никак – хоть я и надеюсь на иной исход, – доктор, выдайте сестре премию в тысячу долларов и пришлите мне счет. Она ответственно выполняла свой профессиональный долг... несмотря на все мои вздорные и неуважительные поступки.

– Гм. Сестра, подождите меня снаружи.

Когда доктор с медсестрой вышли, Саломон сухо произнес:

– Иоганн, ты впадаешь в маразм, только когда тебе это выгодно.

Смит усмехнулся:

– У старости и болезней свои преимущества. Какие еще способы влияния у меня остались?

– Деньги.

– Ну конечно. Без денег я бы давно уже помер. Но в последнее время я действительно по-детски капризен. Меня злит, что я прикован к этому креслу, ведь я привык вести активный образ жизни. Однако куда проще списать все на старческий маразм... ведь и моему врачу, и Господу Богу

известно, что мое тело угасает.

– Иоганн, я бы списал это на твой мерзкий характер, а не на маразм. Ты мыслишь вполне здраво, когда тебе это выгодно. Но со мной твои штучки не пройдут.

Смит снова усмехнулся:

– Ну что ты, Джейк. Я нуждаюсь в тебе даже больше, чем в Юнис, хотя она, безусловно, куда привлекательнее. Юнис, что скажешь? Плохо я себя веду в последнее время?

Секретарша пожалала плечами, отчего некоторые другие части тела приятно заколыхались.

– Отвратительно, босс, но я привыкла не обращать на это внимания.

– Видишь, Джейк? Если бы Юнис, как ты, отказалась мириться с моим поведением, я бы стал добрейшим начальником на свете. А пока она меня терпит, я пользуюсь возможностью выпустить пар.

– Юнис, если вы устанете от этого вредного старого хрыча, переходите работать ко мне. Я буду платить вам столько же или даже больше.

– Юнис, я удваиваю тебе жалованье!

– Спасибо, босс, – быстро ответила она. – Я записала ваши слова и точное время. Сообщи в бухгалтерию.

Смит фыркнул:

– Видишь, почему я ее держу? Даже не пытайся торговаться, старый козел, денег не хватит.

– Маразматик, – проворчал Саломон. – Кстати, о деньгах.

Кем ты намерен заменить Паркинсона?

– Было бы что заменять. Джейк, у тебя есть кто-нибудь на примете?

– Нет, но после недавней сценки мне кажется, что Юнис подошла бы.

Юнис на мгновение опешила, но тут же убрала с лица всякое выражение. Смит задумался.

– Мне такая мысль в голову не приходила, но вариант интересный. Юнис, хочешь стать директором корпорации?

Юнис отключила диктофон:

– Хватит надо мной подшучивать!

– Детка, – ласково сказал Смит, – я не привык шутить о деньгах. А для Джейка деньги вообще единственное святое – он ведь продал в Рио дочь и бабушку.

– Дочь я не продавал! – запротестовал Саломон. – Только бабулю... почти ничего за старушенцию не выручил, но спальню в доме освободил.

– Босс, я ведь ничего не понимаю в управлении бизнесом!

– Тебе это и не нужно. Директора не управляют, они диктуют политику. И ты знаешь об этой работе больше многих наших директоров. Ты работала со мной много лет, а до того помогала прежней секретарше, миссис Бирман, пока та не ушла на пенсию. Джейк, возможно, дурачился, но я вижу в его предложении определенные плюсы. Как специальный секретарь-референт, ведущий протоколы заседаний, ты уже считаешься исполнительным служащим корпорации. Вы оба

помните, как я назначил тебя на эту должность, чтобы заткнуть глотку Паркинсону: он возмущался, что мой личный секретарь присутствует на заседаниях. Так вот, ты продолжишь делать то же самое. Останешься моим личным секретарем, потому что достойной замены тебе нет, но при этом войдешь в совет директоров. Одно другому не мешает. Будешь вести протокол и голосовать. А теперь главный вопрос – ты готова голосовать так же, как Джейк?

Юнис приняла серьезный вид:

– А вы этого хотите, сэр?

– Либо так же, как я, в тех случаях, когда я буду присутствовать. Это одно и то же. Если подумать, мы с Джейком всегда голосовали одинаково по главным вопросам, обговаривая все заранее, и спорили по всякой ерунде. Взгляни на старые протоколы, сама увидишь.

– Я давно заметила, – спокойно ответила Юнис, – но сочла, что мне не подобает это комментировать.

– Решено. Джейк, она наш новый директор. Последний нюанс, милочка. Если нам вдруг понадобится посадить на твое место кого-нибудь другого, ты согласишься уйти в отставку? Внакладе не останешься.

– Конечно, сэр. Даже без дополнительной компенсации.

– Все равно внакладе не останешься. Как славно! Юнис, ты понимаешь, что в моем нынешнем состоянии я вынужден передать управление Тилу, а политику – Джейку. Нужно, чтобы Джейка поддерживало максимальное число директо-

ров. Можно, конечно, кого-нибудь выгнать... но лучше не стоит, а то фон Риттер взбеленится. Все, ты теперь директор. Формальности уладим на следующем собрании акционеров. Добро пожаловать в правящий аппарат. Ты больше не забитая наемная работница. Ты продалась с потрохами, и теперь ты душительница свободы, разжигательница войн и подлый фашистский пес. Как тебе?

– Не пес, – возразила Юнис. – Все остальное замечательно, но «пес» мужского рода, а я – женского. Сука.

– Юнис, я не только сам не употребляю таких слов при дамах, но и не хочу слышать их от дам.

– Босс, какая дама из «подлого фашиста»? Я это слово впервые в детском саду услышала. Оно давно никого не возмущает.

– А я впервые услышал его на заднем дворе. Где ему и место.

Саломон простонал:

– Хватит с меня вашей дилетантской лексикологии. Могу я идти?

– Что? Ни в коем случае! Секретное, ради чего я отослал медсестру, еще впереди. Придвинься-ка поближе.

– Иоганн, прежде чем секретничать, ответь на один вопрос. Твоя койка оборудована микрофоном? Да и в кресле тоже может стоять жучок.

– А? – Старик задумался. – Пока за мной не установили круглосуточное наблюдение, я пользовался кнопкой вызова

сестры.

– Семь к двум за то, что вас прослушивают. Юнис, дорогуша, можете покопаться в проводах и проверить?

– Не уверена. Я стенографистка, а не электрик. Но попробую. – Она встала из-за стола и осмотрела пульт управления креслом. – Эти два датчика почти наверняка с микрофонами, они фиксируют частоту пульса и дыхательных сокращений. Но на голос они не реагируют, – видите, я говорю, а стрелки не шевелятся. Судя по всему, датчики оснащены шумопоглотителем. Однако... – Юнис задумалась, – голос можно снять и до того, как он отфильтруется. Я иногда так делаю, если уровень интершума слишком высок. Не знаю, для чего остальные датчики. Черт, я бы, пожалуй, опознала подслушивающее устройство, если бы оно здесь было, но с уверенностью сказать, что его нет, не берусь. Их может быть и два, и три. Извините.

– Не переживайте, милочка, – утешил ее юрист. – В этой стране все под колпаком примерно с середины двадцатого века. Да что там, я запросто могу нанять человека, чтобы тот сфотографировал вас в душе, и вы даже не заметите.

– Правда? Какой ужас! И сколько это стоит?

– Дорого. Все зависит от того, как сильно он рискует попасть под суд. Начиная от пары тысяч долларов и до бесконечности. Но это возможно.

– Ну и ну! – Юнис снова задумалась, затем улыбнулась. – Мистер Саломон, если вам когда-нибудь захочется такую

фотографию, позвоните, договоримся. У моего мужа есть превосходный китайский фотоаппарат, и я бы предпочла, чтобы фотографировал меня он, а не кто попало.

– Прошу тишины, – спокойно произнес Смит. – Юнис, можешь продать этому старому развратнику хоть целый альбом своих фотографий, но в свободное время. Я ничего не смыслю в прослушивающих устройствах, но знаю, как решить проблему. Юнис, зайди в кабинет, откуда за мной наблюдают – если не ошибаюсь, это моя бывшая комната отдыха. Там должна быть мисс Макинтош. Побудь там минуты три. Я немного подожду и крикну: «Мисс Макинтош! Миссис Бранка с вами?!» Если услышишь мой голос, значит меня прослушивают. Если нет – возвращайся, как истекут три минуты.

– Хорошо, сэр. Что мне сказать мисс Макинтош?

– Придумай что-нибудь. Я просто хочу знать, подслушивает ли эта старая клизма.

– Хорошо, сэр.

Юнис направилась к выходу, нажала кнопку, и дверь отъехала в сторону. За дверью оказалась мисс Макинтош, которая от неожиданности едва не подпрыгнула.

Спохватившись, медсестра хмуро обратилась к мистеру Смигу:

– Можно войти?

– Конечно.

– Спасибо, сэр. – Медсестра подошла к койке, отодвину-

ла ширму, щелкнула четырьмя переключателями и снова задвинула ширму. Затем она встала перед пациентом и сказала: – Сэр, теперь ваша личная информация останется в тайне. По крайней мере, в том, что касается *моего* оборудования.

– Благодарю вас.

– Доктор распорядился не отключать голосовые датчики без его ведома. Но вам в любом случае не о чем было беспокоиться. Я, как и доктор, уважаю личную жизнь пациента и *никогда* не подслушиваю больных. Я вообще не слушаю, о чем они говорят!

– Не кипятитесь вы так. Раз вы не подслушиваете, то как узнали, что мы обсуждаем?

– Я услышала свое имя и насторожилась. Это инстинктивное, хотя вы все равно не поверите!

– Напротив, я вам верю. Сестра, включите все обратно, но не забудьте, что у меня личная беседа, а я в свою очередь постараюсь не упоминать вашего имени. Как здорово, что вас можно так легко вызвать! Весьма удобно для человека в моем состоянии.

– Э... хорошо, сэр.

– Еще я хотел поблагодарить вас за то, что терпите мои причуды. И тяжелый характер.

Медсестра чуть не улыбнулась:

– Сэр, с вами не так уж и трудно. Я два года проработала в психбольнице.

Смит сперва опешил, но тут же улыбнулся:

– Не в бровь, а в глаз! Это там вы так возненавидели подкладные судна?

– Где же еще! Сэр, а теперь, с вашего позволения...

Когда она ушла, Саломон спросил:

– Ты правда веришь, что она не станет подслушивать?

– Конечно станет. Мы только разожгли в ней любопытство. Она будет очень стараться не слушать, поэтому у нее ничего не выйдет. Но она самолюбива, а самолюбие надежнее приборов. А теперь к делу, а то я устал. Я хочу купить тело. Молодое.

Юнис Бранка даже бровью не повела, а лицо Джейка Саломона приняло выражение, с которым он обычно играл в покер и общался с прокурорами. Наконец Юнис произнесла:

– Сэр, мне это записать?

– Нет. Хотя да. Пускай твоя швейная машинка сделает по копии для каждого из нас и сотрет оригинал. Мою копию положи в папку с документами, подлежащими уничтожению, свою – тоже. А ты, Джейк, спрячь копию в той папке, которой ты пользуешься, чтобы обманывать налоговую.

– Я знаю еще более безопасное место. Папка для виновных клиентов. Иоганн, наша беседа, разумеется, останется между нами, но я обязан напомнить, что профессиональная этика запрещает мне содействовать клиенту в нарушении закона, а также обсуждать с ним это. Что касается Юнис, то все, сказанное в ее присутствии, уже не может считаться кон-

фиденциальным.

– Да брось ты, старый мошенник! Ты уже много лет как минимум дважды в неделю помогаешь мне обходить закон. А Юнис никому не проболтается, если только ей не промыть мозги.

– Я не утверждаю, что никогда не нарушал законов. Просто напоминаю, что они существуют. «Профессиональная этика» – понятие расплывчатое, но я не стану связываться с кражей трупов, похищением или работорговлей. У любой уважающей себя проститутки – вроде меня – есть рамки, за которые она никогда не выходит.

– Джейк, оставь свои проповеди. Мое желание вполне соответствует этическим и моральным нормам. Твоя помощь нужна мне, чтобы повернуть все надежно и по закону – без уловок!

– Надеюсь.

– Будь уверен. Значит, я хочу купить тело – легально. Это исключает кражу трупов, похищение и работорговлю. Сделка должна быть правомерной.

– Не выйдет.

– Почему? Взять хотя бы вот это тело, – произнес Смит, тыча себе в грудь. – Оно даже на удобрения не сгодится, однако я могу завещать его медицинскому центру для исследований. Ты сам дал на это добро.

– Ух, давай-ка сразу разберемся с понятиями. В Соединенных Штатах владение людьми запрещено Тринадцатой

поправкой. Таким образом, твое тело не может считаться собственностью, и продать его ты не имеешь права. Однако труп автоматически *становится* собственностью – как правило, семьи покойного. Трусами редко распоряжаются как другим имуществом, но они, безусловно, собственность. Хочешь купить труп – пожалуйста. Но кого ты там упирем называл?

– Джейк, что есть труп?

– А? Согласно словарю Вебстера – мертвое тело, обычно человеческое. Юридическое определение немного сложнее, но по смыслу не отличается.

– Вот на это «немного сложнее» я и намекаю. Итак, когда человек мертв, его труп становится собственностью и его теоретически можно купить. Но что такое смерть, Джейк? Когда она наступает? Плевать на Вебстера, что говорит закон?

– А законы у нас устанавливает Верховный суд. К счастью, этот вопрос был юридически закреплен еще в семидесятых, в ходе процесса «Семья Генри М. Парсонса против штата Род-Айленд». Многие годы и даже века человек признавался умершим, когда переставало биться его сердце. Затем почти век вердикт выносили на основании заключения лицензированного врача, после тщательной проверки сердечной и дыхательной деятельности. Но даже врачи порой ошибались, что приводило к печальным последствиям. А когда состоялась первая успешная пересадка сердца, такая юридиче-

ская каша заварилась! Но дело Парсонса решило все вопросы. Человек считается мертвым, когда необратимо прекратилась деятельность его мозга.

– И что это значит? – надавил Смит.

– Верховный суд не дает более четкого определения. Но фактически... Иоганн, я, в конце концов, корпоративный юрисконсульт, а не специалист в медицинской юриспруденции и судебной медицине, так что мне нужно проверить информацию, прежде чем...

– Понятно, ты не Господь Бог. Выкладывай, что знаешь, потом уточнишь.

– Когда необходимо установить точный момент смерти – это иногда нужно для решения вопроса о наследстве, расследования несчастного случая, намеренного или неумышленного убийства и всегда при трансплантации, – врач должен констатировать смерть мозга. Для этого проводятся тесты и используются термины «необратимая кома», «полное прекращение мозговой активности» и «неизлечимые кортикальные повреждения», но в конечном счете все сводится к тому, что какой-то врач выносит вердикт о смерти мозга, ставя на кон свою репутацию и лицензию. Сердце и легкие к делу больше не относятся, их приравнивали к рукам, ногам, яичкам и прочим органам, без которых человек вполне может прожить. Главное – мозг. И заключение врача. Когда решается вопрос о трансплантации, необходимо подтверждение как минимум двух врачей, не связанных непосредственно с

операцией. Иногда к делу подключают и коронера – Верховный суд этого не требует; фактически танатические нормы и правила регламентированы лишь в нескольких из пятидесяти четырех штатов, но...

– Пойдите, мистер Саломон. Что это за непонятное слово? Моя машинка поставила рядом с ним знак вопроса. – Юнис нажала кнопку «пауза».

– А как она его записала?

– Т-А-Н-А-Т-И-Ч-Е-С-К-И-Е.

– Умная машинка. Это специальное прилагательное, обозначающее все, что имеет отношение к смерти. Произошло от имени древнегреческого бога смерти Танатоса.

– Секундочку. Внесу его в базу. – Юнис свободной рукой нажала кнопку «память», что-то прошептала и произнесла вслух: – Машинка лучше работает, если ее похвалить. Можно продолжать. – Она отжала «паузу».

– Юнис, вам кажется, что машина живая?

Юнис покраснела, нажала кнопку «стереть» и снова «паузу».

– Нет, мистер Саломон. Но со мной она ведет себя лучше, чем с другими операторами. Если ее обижают, она возмущается.

– Подтверждаю, – согласился Смит. – Когда у Юнис выходной, ее сменнице лучше пользоваться собственным оборудованием либо стенографировать по старинке. Ладно, дорогуша, хватит болтовни. Способы ухода за приборами об-

судите в другой раз. Прадедущке хочется спать.

– Слушаюсь, сэр. – Юнис убрала руку с кнопки.

– Иоганн, во всем, что касается трансплантации, медицинское сообщество установило твердые правила, чтобы одновременно защитить врачей от уголовного преследования и гражданских исков и упредить возможные законодательные ограничения. Для врача важно, чтобы он мог извлечь сердце, пока оно еще живо, но при этом обезопасить себя от обвинений в убийстве и многомиллионных исков. Поэтому они разделяют ответственность и действуют сообща.

– Понятно, – согласился Смит. – Джейк, ты не сообщил ничего нового, лишь подтвердил известные мне факты. Теперь мне спокойнее. Я вижу, что мой план осуществим. Итак, мне нужно здоровое тело возрастом от двадцати до сорока лет, еще теплое, с рабочим сердцем и без серьезных повреждений... лишь мозг должен быть официально мертв, мертв, *мертв*. Я хочу купить этот труп и пересадить в него мозг – свой мозг.

Юнис не шелохнулась. Джейк удивленно моргнул:

– И когда тебе нужно тело? Сегодня вечером?

– Не позднее следующей среды. Гарсия говорит, что столько я еще протяну.

– Лучше сегодня. И новый мозг тебе тоже не помешает – этот, похоже, сломался.

– Джейк, кончай свои шуточки! Я серьезно. Мое тело отказывает, но мой разум яснее ясного, да и память не подво-

дит. Спроси меня, на каких цифрах закрылись вчерашние торги, и я отвечу. Я по-прежнему способен делать логарифмические вычисления без таблиц – проверяю себя каждый день. Но я *знаю*, что мне недолго осталось. Взгляни на меня – мое состояние исчисляется несметным числом мегадолларов, но мое тело заштопано нитками и заклеено изолентой. Ему место в музее.

Я столько раз слышал: «Деньги в могилу не унесешь». Так вот, когда восемь месяцев назад меня присобачили к этим уродским трубкам и проводам, я начал размышлять над старой поговоркой и решил: раз деньги мне с собой не забрать, то в могилу я ни ногой!

– Пфф! Вот погрузят тебя на катафалк, а там и ногой, и всем остальным.

– Посмотрим. Я готов потратить хоть все свое несусветное состояние, чтобы обмануть смерть. Поможешь?

– Иоганн, если бы речь шла о банальной пересадке сердца, я бы с радостью благословил тебя на эту процедуру. Но пересадка *мозга*? Ты хоть понимаешь, насколько это сложно?

– Нет, как и ты. Но мне известно больше, чем тебе. У меня была уйма времени прочитать имеющиеся материалы. Не говори, что еще никто не проводил успешную пересадку мозга человеку, я и так это знаю. Не напоминай, что китайцы пытались несколько раз и у них ничего не вышло. Однако, если память не изменяет, трое пациентов все же выжили, пусть и остались овощами.

– Хочешь стать четвертым?

– Нет. Но я слышал о двух шимпанзе, которые до сих пор лазают по деревьям и едят бананы, несмотря на то что обменялись мозгами.

– О, тот австралиец?

– Доктор Линдси Бойл. Я хочу, чтобы пересадку проводил он.

– Бойл. Дело ведь закончилось скандалом, и его выдворили из Австралии?

– Верно, Джейк. Тебе знакома профессиональная зависть? Нейрохирурги убеждены, что успешная пересадка мозга невозможна. Но если вспомнить, то пятьдесят лет назад то же самое говорили о пересадке сердца. Если спросить нейрохирургов о тех шимпанзе, они в лучшем случае заявят, что это фальсификация, хотя есть видеозаписи операции. Или напомнят о многочисленных неудачах Бойла – но ему ведь нужно было как-то учиться! Его так ненавидят, что выперли из страны, когда узнали, что он планирует операцию на человеке. Ублюдки... Юнис, извини.

– Мистер Смит, я уже давно настроила машину так, чтобы она заменяла это на «негодяи».

– Спасибо.

– Иоганн, ты знаешь, где Бойл сейчас?

– В Буэнос-Айресе.

– Ты выдержишь перелет?

– Конечно нет! Точнее, могу выдержать, если в самолет

поместятся все эти механические прибабасы, которые поддерживают мою жизнь. Но первым делом нужно найти подходящее тело и лучшую клинику, где проводят операции с помощью компьютера. И команду хирургов-ассистентов. И все остальное. Больница Джонса Хопкинса подойдет. Или Стэнфордский медицинский центр.

– Осмелюсь предположить, что ни одна из этих клиник не позволит хирургу со столь сомнительной репутацией оперировать у себя.

– Джейк, Джейк, еще как позволит. Ты что, не знаешь, как дать взятку университету?

– Никогда не пробовал.

– Берешь большую, *огромную* сумму и передаешь в открытую, на помпезной церемонии. Но сначала выясняешь, что им нужно – новый стадион, ускоритель частиц или новая именная кафедра. Главное – денег должно быть много. Поэтому, лучше быть живым, молодым и бедным, чем богатейшим покойником на самом дорогом кладбище Америки. – Смит улыбнулся. – Стать молодым и бедным будет даже весело. Так что не жалея шекелей.

Я уверен, Бойлу разрешат оперировать, вопрос лишь в том, кого и как подкупить. Говоря словами Билла Грэшама, человека, с которым я был знаком много лет назад, «узнай, чего он хочет, – и он все сделает как миленький!».

А для главного вообще взятка не потребуется, лишь готовность расстаться с деньгами. Нужно найти подходящее теп-

ленькое тельце. Джейк, в нашей стране каждый год только в автомобильных авариях гибнет более девяноста тысяч человек – то есть по двести пятьдесят в день. Значительная часть – от черепно-мозговых травм. Многим из них как раз от двадцати до сорока лет, и перед гибелью они были в добром здравии. Одна загвоздка – найти тело, пока оно еще живо, и доставить его в операционную.

– С толпой родственников, адвокатов и полицейских на хвосте.

– Безусловно – если только не подготовить все загодя и не перечислить деньги кому надо. Назовем это «комиссией за предоставленные услуги», как угодно. Мы можем поставить бригады реаниматологов с вертолетами на самых опасных дорожных участках. Пожертвовать деньги в полицейский пенсионный фонд, оформить тысячи письменных отказов от ответственности, щедро вознаградить родственников покойного – выдать им хоть миллион долларов. Кстати, чуть не забыл – у меня очень редкая группа крови, и для успешной трансплантации лучше избежать мороки с переливанием. В этой стране не больше миллиона людей с таким же типом крови. Если отсеять детей, стариков и больных, останется не так уж много. Не больше трехсот тысяч. Джейк, а что, если нам пустить рекламу в газетах и на телевидении? Закинуть наживку в миллион долларов? Сколько людей на нее клонет? Один мегабакс, депонированный банком «Чейз Манхэттен» родственникам покойного, чье тело

будет использовано, с дополнительной компенсацией донору и его супруге при условии предварительного согласия на донорство.

– Иоганн, чтоб я знал. Но я бы не обрадовался, если бы моя жена могла получить миллион, «случайно» тюкнув меня молотком по голове.

– Джейк, это все мелочи. Составь договор так, чтобы исключить убийство с целью наживы, а также самоубийство. Не хочу пачкать руки в крови. Главное – найти здоровых молодых людей с моей группой крови и внести их имена и адреса в базу данных.

– Простите, мистер Смит, а вы не думали проконсультироваться с Национальным клубом редкой крови?

– Черт побери! Совсем старый стал! Нет, Юнис. А откуда тебе о нем известно?

– Я в нем состою.

– Милочка, так ты донор? – одобрительно произнес Смит.

– Да, сэр. У меня четвертая группа, отрицательный резус-фактор.

– Дважды черт побери! Я и сам был донором, пока мне не сказали, что я слишком стар. Это было еще до твоего рождения. И группа у меня та же самая.

– Сэр, я догадалась, когда вы сказали, что таких людей меньше миллиона. Нас действительно очень мало. Меньше трети процента от всего населения. У моего мужа такая же, он тоже донор. Мы с Джо познакомились, когда нас вызвали

сдать кровь для новорожденного и его матери.

– Ура Джо Бранке! Я знал, что он умный парень, ему ведь удалось подцепить тебя! Но я и подумать не мог, что он еще и ангел милосердия. Знаешь, милочка... Когда придешь домой, скажи ему, чтобы прыгнул в пустой бассейн. Так ты станешь самой красивой – и самой богатой – вдовой в городе.

– Босс, ну и шуточки у вас. Я не променяю Джо даже на миллион долларов. Деньги в холодную ночь не согреют.

– К несчастью, я это прекрасно знаю. Джейк, можно аннулировать мое завещание?

– Любое завещание можно признать недействительным. Но твое – вряд ли. Я вставил в него специальные условия, чтобы это предотвратить.

– А если я составлю новое, по той же схеме, но с незначительными изменениями?

– Нет.

– Почему?

– Ты сам неоднократно повторил. У тебя маразм. Когда умирает богач в преклонном возрасте, а завещание у него составлено недавно, все, кто захочет признать это завещание недействительным, – например, твои внуки – постараются его оспорить. Мол, ты выжил из ума и поддался на манипуляции недобросовестных лиц. И у них наверняка получится.

– Черт. Я хотел завещать миллион Юнис, чтобы ей не захотелось убить своего четверто-отрицательного мужа.

– Босс, хватит надо мной подшучивать. У вас злые шутки.

– Юнис, не забывай, я не шучу с деньгами. Джейк, так как нам поступить, если я в старческом маразме и не могу изменить завещание?

– Проще всего – оформить страховой полис с единовременной выплатой. Но с учетом твоего возраста и состояния здоровья это обойдется дороже, чем в миллион. Зато Юнис получит деньги, даже если завещание признают недействительным.

– Мистер Саломон, не слушайте его!

– Иоганн, ты хочешь, чтобы этот миллион вернулся тебе, если ты по какому-то невероятному стечению обстоятельств переживешь Юнис?

– Гм... нет, это может привлечь внимание суда, и бог знает что они могут рассудить. Отпиши их Красному Кресту. Нет, лучше Национальному клубу редкой крови.

– Отлично.

– Завтра же утром займись этим. Нет, сегодня – вдруг я до завтра не дотяну? Пригласи страхового агента, например Джека Тауэrsa, и попроси Джефферсона Биллингса выдать заверенный банком чек. Действуй по моей доверенности, своих денег не трать, а то не хватит. Как получишь подпись страхового агента, можешь отправляться спать.

– Слушаюсь, о Великий Дух. Но сделаю все по-своему – все-таки я здесь юрист, а не вы. К ночи будет готово и, разумеется, оплачено твоими деньгами. Юнис, постарайтесь случайно не задеть какие-нибудь провода или шланги, когда

пойдете домой. А вот завтра можете задевать сколько хотите – главное, без свидетелей.

Юнис фыркнула:

– Да вы два сапога пара! Босс, я это сотру. Не нужен мне миллион ни за вашу смерть, ни за смерть Джо.

– Тебе не нужен, – ласково произнес Смит, – так Клубу редкой крови пригодится.

– А... мистер Саломон, это правда?

– Да, Юнис. Деньги – полезная вещь, особенно когда их у тебя нет. Ваш муж может огорчиться, узнав, что вы отказались от такой суммы.

– Ох... – Юнис замолкла.

– Джейк, приступай к работе. А заодно подумай, как заполучить тепленький труп, как привезти сюда Бойла и добыть для него разрешение оперировать в этой стране. И так далее. И скажи... нет, я сам. Мисс Макинтош!

– Да, мистер Смит? – раздался из динамика голос медсестры.

– Зайдите ко мне со всей бригадой; я хочу спать.

– Хорошо, сэр. Я передам доктору Гарсии.

Джейк поднялся:

– Доброй ночи, Иоганн, старый ты псих.

– Возможно. Зато я весело потрачу деньги.

– Не сомневаюсь. Юнис, подвезти вас домой?

– Что вы, сэр, не стоит. Мой «гэдэбаут» в подземном гараже.

– Юнис, – сказал Смит, – этот старый козел *очень хочет* тебя подвезти. Окажи ему любезность. А твой автомобиль пригонит кто-нибудь из охранников.

– Ох... благодарю, мистер Саломон. Если вам не трудно. Босс, спокойной ночи.

Они направились к выходу.

– Юнис, постой! – окликнул Смит. – Не шевелись. Джейк, зацени, какие лапки! Юнис, я хочу сказать, у тебя красивые ноги.

– Сэр, вы мне уже говорили. Мой муж тоже так считает. Босс, вы старый козел.

Смит усмехнулся:

– Что есть, то есть... был таким лет с шести и ничуть не жалею.

2

Мистер Саломон подал Юнис плащ, спустился с ней на лифте, подозвал телохранителей и помог девушке сесть в машину. Один из его охранников захлопнул за ними дверцы, сел рядом с водителем и закрыл кабину. Устроившись на сиденье, миссис Бранка восхищенно воскликнула:

– Какая большая машина! Мистер Саломон, я слышала, что «роллс-ройсы» вместительные, но никогда в них не ездила.

– Милочка, от «роллса» здесь одно название. Корпус изготовлен «Шкодой», силовая установка – «Империал атомикс», а «Роллс-Ройс» только отделкой и техобслуживанием занимается. Вот пятьдесят лет назад, пока не запретили бензиновые двигатели, были «роллсы» так «роллсы». Сказка, а не машина!

– Эта тоже вполне сказочная. Мой «гэдэбаут», наверное, целиком в салон поместится.

С потолка раздался голос:

– Куда едем, сэр?

Мистер Саломон коснулся переключателя:

– Минутку, Рокфорд. – Он убрал руку. – Юнис, назовите ваш адрес или координаты места, куда вы хотите поехать.

– Домой, конечно. Север сто восемнадцать, запад тридцать семь, потом вверх на девятнадцатый уровень. Вот только

ко вряд ли эта огромная машина поместится в грузовой лифт.

– Если не поместится, то Рокки с напарником поднимутся с вами на пассажирском лифте и проводят до самых дверей.

– Спасибо. Джо не хочет, чтобы я ездила на пассажирском лифте одна.

– Правильно. Доставим вас как заказное письмо. Юнис, вы сильно спешите?

– Не слишком. Рабочий день мистера Смита теперь не регламентирован, и Джо привык не ждать меня в одно и то же время. Сегодня я освободилась довольно рано.

– Хорошо. – Мистер Саломон снова включил интерком. – Рокфорд, мы хотим немного покататься. Миссис Бранка, какой у вас район? Восемнадцатый?

– Девятнадцать-Бэ, сэр.

– Рокки, найди кольцевую магистраль поближе к району Девятнадцать-Бэ. Точные координаты получишь потом.

– Так точно, сэр.

Саломон обратился к Юнис:

– Пассажирский отсек звуконепроницаем, пока я не нажму этот переключатель. Мы их слышим, а они нас – нет. Это хорошо, потому что мне нужно с вами кое-что обсудить и сделать несколько звонков по поводу страховки.

– Так это была не шутка?

– Шутка? Миссис Бранка, я работаю на Иоганна Смита уже двадцать шесть лет, а последние пятнадцать не работаю

ни с кем, кроме него. Сегодня я, по сути, возглавил его промышленную империю, но, если не выполню указаний насчет страховки, завтра меня выкинут с этого поста.

– Как же так? Он ведь во всем на вас полагается.

– Он будет полагаться на меня, пока на меня можно будет положиться, и ни минутой дольше. Страховой полис нужно оформить сегодня. Я думал, вы перестали сомневаться, когда узнали, что сможете уступить деньги Клубу редкой крови?

– Да, но боюсь, что меня одолеет жадность и я заберу их себе. Когда придет время.

– Стоит ли так терзаться? В отличие от вас Клуб редкой крови ничего не сделал для Иоганна.

– Мне и так хорошо платят.

– Послушайте, глупышка. Не будьте глупышкой. Он хотел отписать миллион долларов именно вам. И специально сказал об этом, чтобы порадоваться, глядя на выражение вашего лица. Я уточнил, что менять завещание уже поздно, да и трюк со страховкой может провалиться, если его прямые наследники докопаются. Я, конечно, постараюсь такого не допустить, но судья может заподозрить мошенничество – а это оно и есть – и распорядиться, чтобы страховая компания выплатила деньги родне Иоганна. Вот тут-то нам и поможет Клуб редкой крови. В его силах оспорить решение и победить в суде – если вы пообещаете ему половину.

Есть и другие варианты. Предположим, вы пришли на

оглашение последней воли покойного начальника, ничего не зная, и услышали, что вам причитается пожизненное содержание «в качестве благодарности за долгую и верную службу». Неужели вы отказались бы?

– Ох, – только и выдохнула Юнис.

– Ох, – повторил мистер Саломон. – Вот именно что «ох». Конечно не отказались бы. Ваш начальник умер, работы вы лишились. У вас нет причин отказываться. Поэтому, чтобы вас не смущать, вместо единовременной выплаты огромной суммы я оформлю полис так, чтобы деньги поступали в фонд, который будет перечислять вам регулярные выплаты... – Юрист задумался. – После вычета налогов вы можете рассчитывать примерно на семьсот пятьдесят долларов в неделю. Вас по-прежнему что-то смущает?

– Нет, так гораздо лучше. Семьсот пятьдесят долларов – куда более понятная для меня сумма, чем миллион.

– Прекраснее всего то, что основная сумма будет защищена от инфляции и вы сможете отписать миллион или даже больше Клубу редкой крови, когда придет ваш черед сыграть в ящик.

– Правда? Здорово! Я ведь в финансовых операциях ничего не смыслю.

– Дело в том, что для большинства людей деньги – лишь средство оплаты жилья. А человек состоятельный считает их инструментом вложения. Как бы то ни было, я обставлю дело так, что вы сможете тратить их на все, что заблагорассу-

дится. Воспользуюсь услугами канадской страховой фирмы и канадского банка, чтобы американский суд не смог сунуть нос в их дела, если внучки Иоганна все-таки прознают о наших махинациях.

– Мистер Саломон, не лучше ли будет, если деньги достанутся им?

– Повторяю, не глупите. Они настоящие гарпии. Кровопийцы. Они ради этих денег палец о палец не ударили. Вам что-нибудь известно о семье Иоганна? Он пережил трех жен, а четвертая вышла за него только ради денег, и Иоганну пришлось потратить миллионы, чтобы от нее отделаться. Первая жена умерла родами, оставив ему сына, который потом погиб на войне при штурме какой-то никчемной высоты. С двумя следующими женами Иоганн разводился; от них у него было по дочери, которые подарили ему четырех внучек. И бывшие жены, и дочери Иоганна давно на том свете, а теперь эти четыре хищницы ждут не дождутся, когда дедуля помрет, и проклинают каждый день, когда этого не случается. – Саломон ухмыльнулся. – Их ждет большое разочарование. Я составил завешание так, что каждой причитаются небольшие ежегодные выплаты. А вздумают спорить – получают номинальную сумму единовременно, и все. А теперь извините, мне нужно позвонить. Затем я отвезу вас домой и помчусь в Канаду, чтобы все окончательно уладить.

– Конечно, сэр. Можно мне снять плащ? Здесь довольно жарко.

– Включить кондиционер?

– Только если вам тоже жарко. Мой плащ гораздо теплее, чем на вид.

– Я заметил, что он тяжелый. Бронированный?

– Да, сэр. Я часто выхожу одна.

– Тогда немудрено, что вам жарко. Снимайте хоть все.

Юнис широко улыбнулась:

– Так вы тоже старый козел? Я согласна... еще за миллион.

– Ни цента не получите! А теперь заткнитесь и дайте мне поговорить.

– Как скажете, сэр. – Миссис Бранка стянула с себя плащ, подняла стойку для ног и устроилась поудобнее.

«Какой удивительный день!.. неужели я действительно разбогатею?.. невероятно... что ж, я не потрачу ни цента – и не позволю Джо, – пока сумма не окажется в надежном банке... ему нельзя доверять деньги, я это еще в первый год замужества поняла... некоторые мужчины, вроде босса и мистера Саломона, умеют распоряжаться деньгами, а некоторые, такие как Джо, – нет... он славный, просто идеальный муж... но общего банковского счета у нас больше никогда не будет...»

Милый Джо!... „лапки“ у нас действительно красивые, сучка, хотя ты не должна говорить это слово... „Сучка“... ох уж этот босс с его устаревшими табу... все время приходится следить, чтобы не шокировать его... в смысле, не шокировать слишком сильно... босс сам не прочь кого-нибудь

шокировать, как говорится, подсыпать перцу, но в меру... современный жаргон его возмущает... мой Джо – отличный парень, надежный, если только дело не касается денег...

Интересно, что бы он подумал, увидев меня в дорогушей тачке с этим старым козлом?.. наверняка удивился бы, но лучше ему об этом не говорить, мужчины мыслят иначе, чем женщины, логикой у них и не пахнет... да и не стоит называть мистера Саломона старым козлом, он ничем этого не заслужил... дорогая, и зачем ты только лягнула ту чепуху про миллион?.. хотелось увидеть его реакцию?.. ну так увидела... он тебя осадил...

Не слишком ли он стар?.. вовсе нет, сейчас мужчины пичкают себя гормонами и не становятся „слишком старыми“, пока сохраняют способность шевелиться... ну вроде босса... впрочем, босс не приставал ко мне даже в лучшие годы.

Он и правда рассчитывает вернуть себе молодость благодаря пересадке мозга?.. Руки, ноги, почки и даже сердце можно пересаживать сколько угодно, но мозг?..»

Саломон выключил телефон.

– Готово, – объявил он. – Вечером прилечу в Торонто и подпишу все документы.

– Простите, что причиняю вам столько хлопот, сэр.

– Не волнуйтесь.

– Я очень ценю ваше участие. Надо подумать, как отблагодарить босса... я думала, он шутит, поэтому даже спасибо не сказала.

– Не стоит его благодарить.

– Как же? Я должна, вот только не знаю как. Чем можно искренне отблагодарить за миллион долларов?

– Гм. Варианты есть. Но лучше вам этого не делать. Иоганн обрадовался, не услышав от вас ни слова. Я хорошо его знаю. Слишком многие рассыпались перед ним в благодарностях... и пытались вновь тянуть из него деньги. Думали, он легкая добыча, а поняв свою ошибку, норовили пырнуть его в спину. Не благодарите Иоганна. Лестью его не подкупишь, он убежден, что льстят не ему, а его деньгам. Я заметил, что вы ведете себя с ним очень смело.

– Сэр, иначе нельзя. Ему раза два удалось довести меня до слез... много лет назад, а потом я поняла, что он хочет, чтобы я открыто давала ему отпор.

– Видите? Старый тиран сейчас гадает, приметесь ли вы завтра лизать ему руки, как собачонка. Так что не упоминайте об этом ни словом. Юнис, расскажите мне о себе – сколько вам лет, как давно вы замужем и который раз, сколько у вас детей, чем вы болели в детстве, почему с вами нет видеозаписей, чем занимается ваш муж, как вы попали на работу к Иоганну, сколько раз вас задерживала полиция и за что... Впрочем, можете просто послать меня к черту за вторжение в вашу личную жизнь. Но коли теперь нам предстоит работать вместе, мне бы хотелось узнать вас поближе.

– Не возражаю. – (Разумеется, я не стану выкладывать все, а только то, что захочу!) – Но это ведь должно быть взаим-

но? – Юнис опустила подставку для ног и выпрямилась. – Я задам вам те же вопросы?

Саломон усмехнулся:

– Конечно. Я могу сослаться на Пятую поправку. Или солгать.

– Сэр, я тоже могу солгать. Но не стану. Мне двадцать восемь, я замужем первый раз. Детей нет – *пока* нет, но есть разрешение на троих. Что касается работы – в восемнадцать лет я победила на конкурсе красоты. Призом был годичный контракт на участие в различных мероприятиях на территории штата, а также видеопроба с возможностью заключения семилетнего контракта...

– И они не воспользовались этой возможностью? Пове- рить не могу.

– Сэр, все было не так. Я переосмыслила свои жизненные приоритеты и ушла. В штате я победила, а вот в националь- ном конкурсе – проиграла и поняла, сколько у нас в стране красивых девушек. Слишком много. Когда я узнала от них, через что приходится пройти, чтобы попасть на видео и не потерять эту работу... скажем так, у меня пропало всякое желание этим заниматься. Я вернулась к учебе и получила диплом младшего специалиста по секретарской электронике плюс вторую специальность – «Языки программирования и кибернетика» – и отправилась на поиски работы. (Подроб- ности обучения опустим!) Наконец меня взяли временно к миссис Бирман на место ее секретарши, которая ушла в де-

крет. Она так и не вернулась, а когда миссис Бирман вышла на пенсию, на меня обратил внимание босс. Так я у него и осталась. Мне очень повезло.

– Вы умная девушка, но уверен, что Иоганн оставил вас в значительной степени из-за внешности.

– Не сомневаюсь, – тихо ответила Юнис. – Но если бы я не справлялась с работой, он бы меня выгнал. Я знаю, что красива, но не задираю нос. Внешность – это наследственное.

– Точно, – согласился Саломон, – однако существуют исследования, доказывающие, что красивые женщины в среднем умнее невзрачных.

– Не верю! Взять хотя бы миссис Бирман – совсем невзрачная дама, но какая умная!

– Я же сказал «в среднем», – повторил Саломон. – И что есть красота? Бегемотиха наверняка выглядит привлекательно для своего жениха, иначе род бегемотий пресекся бы за одно поколение. Физическая красота – это, по сути, ярлык, которым мы определяем набор полезных для выживания характеристик, включая интеллект. Думаете, бегемот нашел бы вас привлекательной?

Юнис хихикнула:

– Вряд ли!

– Видите? На деле вы не красивее бегемотихи, просто унаследовали полезные для вашего биологического вида качества.

– Наверное. – (Пфф! Дайте мне возможность, и я покажу,

на что способна!)

– Так как мы с Иоганном одного с вами вида, мы называем это красотой. Иоганн всегда ценил красоту.

– Мне это прекрасно известно, – тихо ответила Юнис, вытягивая ногу в алом чулке. – Я так наряжаюсь, чтобы порадовать босса. Когда я только устроилась в «Смит энтерпрайзес», я, как все девушки во внешних офисах, обходилась почти без одежды, одной только нательной росписью. У миссис Бирман я стала одеваться по ее примеру. Вроде сестры Макинтош – все закрытое и непрозрачное. Очень неудобно, однако я держалась этого стиля и после ухода миссис Бирман. Пока однажды утром не пролила кофе на свой костюм. Я носила одноразовые, это дешевле, чем отдавать их в чистку, – и запасного дома не было. Времени покупать новый тоже не оставалось. Я боялась опоздать – сами знаете, каким нетерпеливым бывает мистер Смит, – и уже не заботилась, одобрит ли он мой наряд. Или его отсутствие. Поэтому я решительно достала обычное офисное бикини и попросила Джо поскорее меня раскрасить. Я же говорила, что он у меня художник?

– Не припомню.

– Теперь вы знаете. Он раскрашивает меня и даже делает макияж. Так вот, тем утром в нем разыгрался художник, и он не согласился просто побрызгать на меня из баллончика. Купальник был белым в синий горошек... и Джо решил раскрасить меня таким же образом. Я ругалась и просила его

поторапливаться, но ему все не хватало горошин. В результате я так сильно задержалась, что пришлось рвануть через Заброшенную зону, которую я обычно объезжаю стороной.

– Юнис, держитесь подальше от Заброшенной зоны! Господи, даже полиция заглядывает туда исключительно на бронемобилях вроде этого. Вас же могли ограбить, изнасиловать, убить, и никто бы потом вас не нашел!

– Да, сэр. Но я боялась потерять работу. Я стала объяснять, почему опоздала, но босс приказал заткнуться и приниматься за дело. Так или иначе, до конца дня он был нехарактерно добр. На следующий день я опять пришла в закрытом костюме, и он постоянно мне грубил. Мистер Саломон, я понимаю намеки с первого раза; я перестала одеваться как монашка и стала наряжаться и краситься так, чтобы максимально подчеркнуть преимущества своей внешности.

– И у вас отлично это получается. Однако, милочка, вам надо быть осторожнее. Соблазнительно одеваться перед Иоганном – одно; в нынешнем состоянии старый хрыч не опасен, и вы можете сколько угодно радовать его по доброте душевной.

– Сэр, он никогда не был опасен. За все годы, что я работаю у мистера Смита, он даже за руку меня не тронул. Он хвалит мои наряды, иногда отпускает сальные шуточки, в ответ на которые я грожусь рассказать все мужу, что несказанно забавляет мистера Смита. У нас все невиннее, чем в воскресной школе.

– Не сомневаюсь. Но по дороге на работу и с работы вам следует быть осторожнее. Держаться подальше не только от Заброшенной зоны. В такой одежде вы везде в опасности. Разве вы не понимаете? А ваш муж?

– О сэр, я соблюдаю осторожность. Я смотрю новости и знаю, что бывает. Но я не боюсь. Я всегда ношу с собой три вида незарегистрированного нелегального оружия и умею с ним обращаться – босс мне его достал и велел телохранителям меня обучить.

– Гм. Как слуга закона, я должен на вас донести. Как человек, знающий опасности городских джунглей, могу вас только похвалить. Если, конечно, вы действительно умеете обращаться с оружием. Если вам хватит смелости без раздумий пустить его в ход. Если, защитившись, вы благоразумно скроетесь до появления полиции. Слишком много «если», милочка.

– Я правда не боюсь. Скажите, будь вы моим адвокатом, все сказанное мною было бы конфиденциальным?

– Верно. Хотите, чтобы я был вашим адвокатом?

– Гм... да, сэр.

– Договорились. Конфиденциальные сведения. Продолжайте.

– Как-то поздно вечером меня срочно вызвали сдать кровь. Джо дома не было, и я отправилась одна. Я не волновалась, поскольку часто ездила сдавать кровь ночью и без сопровождения. Обычно я сажусь в «гэдэбаут» прямо в квар-

тире и не выхожу, пока не окажусь в больнице или донорском центре. Но... вы знаете старую-престарую больницу Девы Марии на западе города?

– Боюсь, что нет.

– Ладно. Она старая, построенная еще до того, как правительство окончательно бросило бороться с уличной преступностью. Нет ни автомобильного лифта, ни внутренней парковки. Просто огороженная забором стоянка снаружи и охранник на въезде. Когда я вылезла из машины, на меня набросились. Не знаю, за мной ли охотились или за моим кошельком. Я не стала медлить – не посмотрела даже, мужчина это или женщина...

– Вряд ли женщина.

– Пусть так.левой рукой я швырнула ему в лицо электрошоковую бомбу, а стреляла правой. Не стала проверять, убила ли я его, смылась оттуда как можно скорее. Не сообщала ни в полицию, ни Джо, никому. До сегодняшнего дня. – (Но приняла тройную дозу наркотика, чтобы снять панику и дрожь, не так ли, дорогуша? – Заткнись, это к делу не относится.)

– Так вы смелая девушка, готовая к решительным действиям. Но в то же время глупышка и очень везучая. Гм. У Иоганна есть бронированный автомобиль вроде моего и две пары телохранителей.

– Конечно, у него есть телохранители, а про автомобили я ничего не знаю.

– У него тоже «роллс-шкода». Юнис, мы больше не будем проверять, насколько умело вы обращаетесь с оружием. Можете продать ваш «гэдэбаут» или разводить в нем цветы; с сегодняшнего дня вам положен бронемобиль и охрана.

Миссис Бранка опешила:

– Послушайте, мистер Саломон! Даже с повышенным жалованьем я не...

– Тише, милочка. Вы же понимаете, что Иоганну машина уже не нужна. Он даже из комнаты-то вряд ли когда-нибудь выйдет. Однако автомобиль он не продал, телохранители по-прежнему на зарплате – два шофера, два охранника. Им дают поручения не чаще раза в неделю, а остальное время они просиживают штаны и режутся в карты. Завтра утром я пришлю за вами мою машину, а вечером поедете домой на своей – то есть на машине Иоганна, – и впредь она будет в вашем распоряжении.

– Не уверена, что босс это одобрит.

– Не волнуйтесь. Я вправлю ему мозги по поводу опасности, которой он вас подвергал. А вздумает возражать – узнает, что у меня достаточно денег вас переманить. Юнис, будьте благоразумны. Это не будет стоить ему ни доллара, все уже оплачено из бюджета компании. Давайте сменим тему. Что вы думаете о его планах насчет «тепленького тела»?

– Пересадка мозга действительно возможна? Или он хватается за соломинку? Босс с каждым днем все сильнее ненавидит все эти жуткие устройства, к которым прикован. Я ску-

пила самые вызывающие наряды, какие нашла в магазинах, но порадовать его все труднее. Насколько осуществим его план?

– Милочка, это не наше дело. Он приказал, мы выполним. В этом вашем клубе состоят абсолютно все люди с четвертой отрицательной группой крови?

– Конечно нет! В стране должен быть примерно миллион таких людей, из них в клубе лишь около четырех тысяч.

– Досадно. А что вы думаете про объявления в газетах и теленовостях?

– Это будет стоить чертову уйму денег, но боссу, думаю, такое по карману.

– Безусловно. Но мне не нравится сама идея.

– Почему, сэр?

– Юнис, если пересадка случится, нельзя предавать ее огласке. Помните, какая шумиха поднялась, когда людей начали замораживать? Вряд ли, вы слишком молоды. Многих это задело за живое, и практику едва не запретили. Довод был таков: раз мало кто может себе это позволить, значит это не должно быть позволено никому. Боже, благослови наш народ! Наша страна прошла через периоды демократии, олигархии, диктатуры, республиканского правления, социализма и смеси всего вышеперечисленного, не меняя при этом конституции, а теперь у нас фактическая анархия при избранном диктаторе, хотя сохраняются законодательные органы и конгресс. И все это время главенствовало то самое

убеждение: если что-то недоступно каждому, этого не должно быть ни у кого. И тут один из богатейших людей страны объявляет, что хочет купить живое тело другого человека, чтобы спасти свою поганую никчемную жизнь. Как думаете, чем это грозит?

– Босс не так плох. Если сделать скидку на его болезнь, он даже вполне мил.

– Это к делу не относится. Общество всколыхнется, вскрыется, как гнойный нарыв. Проповедники начнут проклинать Иоганна, в сенат посыплются законопроекты, Ассоциация врачей прикажет своим членам держаться подальше от этой авантюры, и даже конгресс может запретить операцию. Конечно, Верховный суд признает такой закон противоречащим конституции, но к тому времени Иоганн уже отдаст концы. Поэтому – никакой огласки. В Клубе редкой крови ведется учет тех, кто обладает нужной группой, но в клубе не состоит?

– Не знаю. Маловероятно.

– Проверим. Предположу, что не меньше восьмидесяти процентов населения страны хотя бы раз сдавали кровь, чтобы определить ее тип. Группа крови может меняться?

– Нет, что вы! Поэтому мы, люди с редкой группой, так востребованы в качестве доноров.

– Хорошо. Почти каждый анализ на группу крови есть где-нибудь в компьютере. Все компьютеры сейчас взаимосвязаны, поэтому вопрос лишь в том, где искать и у кого

спросить. Я в этом не разбираюсь, но знаю компанию, которая оказывает такие услуги. Мы все найдем, милочка. Когда процесс пойдет, я передам вам необходимые полномочия, чтобы вы могли проверять полученные данные и приводить в исполнение следующие стадии нашего плана, пока я ищу этого мясника Бойла в Южной Америке. Также...

– Мистер Саломон, мы въезжаем в дурной район!

Саломон включил интерком:

– Понял.

Убрав палец с переключателя, он добавил:

– Этих красавцев хлебом не корми, дай заехать в Заброшенную зону. Они ждут не дождутся, что кто-нибудь откроет стрельбу и даст им возможность пострелять в ответ. Простите, милочка. Нужно было отдать приказ держаться подальше от всех ЗЗ, пока вы на борту.

– Я сама виновата, – смиренно проговорила миссис Бранка, – не сказала, что объехать Девятнадцать-Бэ, минуя дурные районы, практически невозможно. Когда я езжу на работу, то делаю большой крюк. Но в машине нам ведь ничто не угрожает?

– Конечно. Даже если в нас попадут, этот старый танк нужно будет всего лишь немножко подкрасить. Но ребятам стоит иметь свою голову на плечах. Рокфорд – нормальный малый, бывший боец Синдиката, исполнитель, на которого навесили всю вину. А вот Чарли – телохранитель – настоящий выродок. У него лишняя игрек-хромосома. Первое убийство

совершил в одиннадцать лет. Он...

Пуленепробиваемые стекла закрылись стальными ставнями.

– Должно быть, въехали в ЗЗ, – сказал Саломон.

Как только окна закрылись, в салоне включилось внутреннее освещение.

– Судя по вашим словам, эти ребята для нас опаснее любых дурных районов, – заметила миссис Бранка.

Саломон помотал головой:

– Что вы, милочка. Конечно, в любом рациональном обществе их давно бы ликвидировали, но раз в нашей стране смертная казнь запрещена, то я всецело пользуюсь их недостатками. Оба выпущены под мой залог и находятся на испытательном сроке. Им *нравится* их работа, плюс есть некоторые дополнительные меры безопа...

По корпусу автомобиля застучали автоматные пули.

В замкнутом пространстве салона грохот показался оглушительным. Миссис Бранка ойкнула и вцепилась в хозяина. «БДЫЩ!» – громыхнул взрыв. Юнис крепче ухватилась за мистера Саломона и зарылась лицом в его плечо.

– Попал! – закричал кто-то, и свет в салоне погас.

– В нас попали? – проговорила Юнис в рубашку Джейка Саломона.

– Нет, ни в коем случае. – Он приобнял ее правой рукой и погладил. – Чарли попал в них. По крайней мере, он так думает. Последний выстрел был из нашего башенного орудия.

Вы в безопасности.

– А почему свет погас?

– Иногда бывает. Сильный удар. Сейчас включу аварийную подсветку. – Он отпустил Юнис и принялся шарить по потолку.

– Не надо! Обнимите меня снова! Темноты я не боюсь, но мне спокойнее, когда вы меня обнимаете.

– Как скажете. – Саломон придвинулся поближе и устроился поудобнее. – Какая вы теплая, – ласково произнес он чуть погодя.

– Вы тоже... мистер Саломон.

– Как насчет «Джейка»?

– «Джейк». Хорошо, Джейк. У вас такие сильные руки.

Сколько вам лет?

– Семьдесят один.

– Не верю. На вид не скажешь!

– Я гожусь тебе в дедушки, кисонька. Просто кажусь моложе... в темноте. Но, согласно Библии, я уже год перебрал сверж положенного.

– Не смейте так говорить! Вы еще *молоды*! Джейк, давайте просто помолчим? Дорогой Джейк.

– Моя милая Юнис.

Через пару минут шофер объявил:

– Сэр, все чисто.

Ставни поползли вниз, и миссис Бранка поспешно отстранилась.

– Ой-ой! – нервно хихикнула она.

– Не волнуйся, стекло одностороннее. Снаружи ничего не видно.

– Это хорошо. Но свет меня все равно напугал.

– Да, все настроение испортил. А я только было почувствовал себя молодым.

– Вы *молоды*, мистер Саломон!

– Джейк.

– Джейк. Возраст не имеет значения. Боже, я вам все оборки на рубашке нательной краской измазала!

– А я тебе прическу испортил.

– Прическу я поправлю. А вот что скажет ваша жена, увидев рубашку?

– Спросит, почему я не переоделся. Юнис, милая, я не женат. Меня давно променяли на более свежую модель.

– Ну и дура ваша жена. Джейк, вы – настоящая классика, а она с годами только лучше. Как теперь мои волосы?

– Чудесно. Превосходно.

– Я готова еще разок съездить в Заброшенную зону, чтобы вы их снова растрепали.

– А я-то как готов! Но пора везти тебя домой – если только ты не хочешь слетать со мной в Канаду? К полуночи вернемся.

– Хочу, но не могу. Никак не могу. Отвезите меня домой. Садитесь поближе, обнимите меня, но волосы не трогайте.

– Постараюсь. – Саломон назвал шоферу координаты

квартиры миссис Бранки и добавил: – И никаких больше Заброшенных зон, бандиты психованные! Вам бы только пострелять!

– Есть, мистер Саломон.

Дорога проходила в тишине, пока миссис Бранка не произнесла:

– Джейк... а вы ведь ощущали себя очень молодым, пока нас не прервали.

– Я понял, что ты почувствовала.

– Конечно. И была готова все вам позволить, это вы тоже поняли? Джейк, хотите мое голое фото? Качественное, не такое, какой сделал бы ваш мутный знакомый за кучу денег.

– Попросишь мужа сфотографировать и украдешь для меня копию?

– Что за чепуха! Джейк, мой сладкий, у меня сотни голых снимков – я ведь раньше в конкурсах красоты участвовала. С радостью поделюсь одним... если пообещаете держать язык за зубами.

– Конфиденциальная информация. Можете смело довериться своему адвокату.

– Какое фото предпочитаете? Высокохудожественное или соблазнительное?

– Гм... трудно выбрать!

– Мм, можно и совместить. Как насчет меня в душе, с мокрыми волосами, ни пятнышка краски на теле, никакого макияжа, ни даже... сами увидите. Устроит?

– Я буду пялиться на него день-деньской!

– Получите. Мы почти приехали, так что давайте сменим тему. Джейк, у босса есть шансы на успешную операцию?

– Я не медик, но полагаю, что никаких.

– Я тоже так думаю. Выходит, жить ему недолго что с операцией, что без нее. Джейк, до конца его дней я постараюсь одеваться как можно более откровенно.

– Юнис, ты славная девушка. Это куда лучший способ отблагодарить его за страховой счет, чем банальное «спасибо».

– Джейк, я даже не думала о деньгах, только о боссе. Мне его жалко. Куплю сегодня что-нибудь по-настоящему экзотическое, а если не найду, то обойдусь прозрачным купальником – просто, но с правильной краской можно настоящую конфетку сделать. Джо это хорошо умеет. А раз у меня теперь будет охрана, то попробую как-нибудь вообще ничего не надевать – только краска и туфли на шпильке, чтобы красоту ног подчеркнуть. Да-да, не нужно напоминать, что они у меня красивые! Туфли, краска и нейлоновые трусики – отлично.

– И духи.

– Джейк, босс не чувствует запахов. У него уже давно обоняние отказало.

– Зато я чувствую.

– И правда. Хорошо, надушусь для вас. А для босса накрашусь. Никогда еще не одевалась на работу так откровенно... но раз в людный офис ездить теперь не нужно, то стоит

проверить, понравится ли боссу такое. В крайнем случае полупрозрачным халатиком прикроюсь. Джо нравится придумывать провокационные наряды и расписывать меня. К тому же к боссу он не ревнует. Ему жалко старика, как и мне. Вот только находить новые экзотические наряды непросто, хотя я и хожу по магазинам как минимум раз в неделю.

– Юнис.

– Да, сэр... Джейк.

– Не ходи сегодня по магазинам. Считай, что это приказ босса, а я говорю от его имени.

– Хорошо, Джейк. Но почему?

– Если хочешь, можешь завтра прийти в одной краске – мои ребята доставят тебя на работу в целости, как королевскую корону. Но сегодня мне нужна машина. А с завтрашнего дня сможешь пользоваться автомобилем и охраной Иоганна, и по магазинам с ними ездить, и все, что угодно.

– Хорошо, сэр, – кротко ответила Юнис.

– Ты зря считаешь, что Иоганну недолго осталось. Проблема в том, что ему осталось слишком долго.

– Как это?

– Он в ловушке. Медики заграбастали его в свои лапы и не позволят просто так умереть. Он упустил свой шанс, позволив им приковать себя к машине жизнеобеспечения. Заметила, что еду ему приносят без ножа и вилки? Только пластиковую ложку кладут.

– У него сильно дрожат руки. Иногда я сама его кормлю,

потому что ему не нравится, когда медсестры вокруг «мельтешат», как он выражается.

– Подумай хорошенько. Они сделали все, чтобы Иоганн не мог умереть. Сконструировали эту адскую машину, которая причиняет ему нестерпимую боль. Юнис, пересадка мозга – единственный способ обмануть врачей. Изощренное самоубийство.

– Не может быть!

– Правда. Ему недоступны более простые способы, поэтому он придумал хитрый. Мы с тобой поможем ему, сделаем все, как он, черт побери, того желает! Что ж, мы у твоего дома. Не плачь, глупышка, а то у мужа возникнут лишние вопросы. Ничего ему не рассказывай. Поцелуешь меня напоследок?

– Конечно!

– Утри слезы и поверни ко мне свое милое личико, пока ребята не открыли дверцы.

Вскоре Юнис прошептала:

– Прекрасный поцелуй, Джейк. Как и тот первый. Мне больше не хочется плакать. Но я слышу, открывается замок.

– Они подождут, пока я не открою дверцу изнутри. Можно проводить тебя до квартиры?

– Мм... я найду объяснение охране, но присутствие главного юриста компании объяснить труднее. Джо не ревнует к боссу, а вот к вам может и приревновать. Нельзя этого допустить... особенно когда мы почти дали ему веский повод.

– Надо бы исправить это «почти».

– Посмотрим, дорогой мой Джейк. Я простая девушка с фермы в Айове, и сегодня мои моральные устои серьезно пошатнулись... должно быть, меня совратили миллион долларов, «роллс-ройс»... и один городской хлыщ. Мне пора, милый.

3

Телохранители в почтительном молчании проводили ее до дверей квартиры. Миссис Бранка с новым интересом разглядывала Чарли, недоумевая, как этот серенький человечек, по виду – добрый отец семейства, может быть беспощадным убийцей, каким описал его Джейк.

Охранники стояли по обе стороны от Юнис, пока та говорила по домофону, и дождались, когда ее муж отопрет. Как только дверь распахнулась, Рокфорд отсалютовал и сказал:

– Будем ждать вас на этом же месте в девять сорок, мисс.

– Благодарю вас, Рокфорд. Спокойной ночи. Спокойной ночи, Чарли.

Джо Бранка закрыл дверь на все замки и заново включил сигнализацию.

– Что за хрень? Где ты подцепила этих горилл?

– Может, сперва поцелуешь меня? Я не слишком задержалась, еще даже шести нет.

– Не финти, женщина. Еще горилла два часа назад пригнал твой драндулет – ладно, дворецкий твоего босса звякнул. – Джо снял с жены плащ и поцеловал ее. – Так где шлялась, дурында? Я скучал.

– Скучал? Как это приятно!

– Бегал по потолку! Что случилось?

– Дорогой, так ты волновался? Боже, я сейчас расплачусь.

– Не волновался. Шестерка Смита сказал, тебя послали по делу, привезут в казенной тачке. Знал, ты в безопасности. Просто сказали, дело минутное, а ты столько времени проболталась. Сечешь?

– Секу. Все просто: босс отправил меня со своим главным помощником Джейком Саломоном, ты знаешь.

– Адвокат-решала. Секу.

– Мистер Саломон отвез меня на своей тачке к себе в офис поработать над делом, которое боссу вынь да положь. Босс такой нетерпеливый с тех пор, как на проводах.

– Пора бы старому говнюку откинуться. Бедняга.

– Не говори так, дорогой. Я думать об этом без слез не могу.

– Ну ты и размазня. Правда, я тоже.

– Поэтому я тебя и люблю. Короче, работы оказалось много. Мистер Саломон велел своим телохранителям отвезти меня домой. Они зачем-то ломанулись через Птичье Гнездо, и по нам стали палить. Весь борт искорежили.

– Совсем ад?

– Даже не чистилище. Весело.

– А внутри как было?

– Ужасно шумно, но волнующе. Я так возбудилась!

– Да ты от всего возбуждаешься, телочка. – Он улыбнулся и взъерошил ей волосы. – Главное, ты дома, жива-здорова. Раздевайся. Из меня вдохновение так и прет, по потолку бе-

гаю!

– Какого рода вдохновение, милый? – спросила она, стягивая с правого плеча полусвитер. – Ты ел? Если начнешь рисовать, даже для перекуса не прервешься.

– Чего-то слопал. Такое вдохновение, аж колбасит. Я тебе разогрею что-нибудь. Курицу? Спагетти? Пиццу?

– Все равно. Если вдохновение такое, то лучше подкрепить силы. – Юнис скинула сандалии, стащила трусики-юбку и уселась на пол, чтобы стянуть чулок. – Будешь рисовать меня или на мне и щелкнешь?

– И то, и то. Будет офигенно. Сверхновая!

Юнис аккуратно сложила одежду и села в позу лотоса:

– Не секу. И то, и то?

– И то, и то. Увидишь. – Джо окинул ее взглядом и улыбнулся. – И вдохновение у меня тоже всякое.

– Вот как! Сделаешь мне хорошо?

– Могу подождать, если голодная.

– Любимый, когда я бывала настолько голодная, чтобы заставлять тебя ждать? К черту постель, бери подушку и иди ко мне!

Уже очень скоро миссис Бранка с удовольствием подумала, что поступила верно, не позволив Джейку ничего серьезного, – это наверняка не пошло бы ни в какое сравнение с тем, что ее ожидало дома... однако Джейк неплохо ее подготовил. Правда, нет ничего лучше, чем быть верной женой. Как правило. Какой чудесный, невероятный день! Может,

рассказать Джо о повышении? Пожалуй, не стоит. Он захочет узнать больше, а ей нужно держать язык за зубами. Жаль. И тут она перестала соображать.

Спустя некоторое время она открыла глаза и улыбнулась мужу:

– Спасибо, любимый.

– Хорошо было?

– Как раз то, чего Юнис хотела. В такие минуты я уверена, что ты у меня Микеланджело.

Джо мотнул головой:

– Я точно не старина Микки. Он мальчиков любил. Я скорее Пикассо.

Юнис обняла его:

– Будь кем хочешь, дорогой, но главное – будь моим. А теперь я готова позировать. Поем в перерыве.

– Забыл. Письмо от мамы. Прочтешь?

– Конечно, милый. Принеси.

Джо принес нераспечатанное письмо. Юнис села и мельком просмотрела текст, прикидывая, что опустить. Ага, как и ожидалось, традиционная угроза «приехать погостить надолго». Это вслух не читаем. Джо ни в чем не может отказать мамаше, так что ему об этом знать незачем. Юнис хватило одного ее визита; тогда они еще жили в двухкомнатной квартире. С тех пор они перебрались в эту замечательную просторную студию, где Джо удобно творить. Пускать сюда назойливую старую перечницу? Чтобы никаких больше ве-

сelyх трахов на полу? Нет, мама Бранка, ноги твоей не будет в нашем уютном гнездышке. Сиди в своей каморке и живи на пособие... а я время от времени буду посылать тебе чеки, якобы от Джо. И хватит с тебя!

– Чего пишет?

– Как обычно, дорогой. Желудок по-прежнему ее мучает, но уже реже. Священник порекомендовал ей другого врача. Давай прочитаю с начала. «Милый сынок, новостей у меня мало, но, если я сама не напишу, ты ведь не ответишь. Скажи Юнис, пусть напишет как можно больше, потому что твоя мамочка за тебя волнуется. Юнис, конечно, милая, но я все равно считаю, тебе лучше подошла бы девушка нашей веры...»

– Хва.

– Джо, не сердись. Она как-никак твоя мать. Я на нее не в обиде. Завтра найду время и напишу ей обстоятельный ответ. Пошлю «Меркурием» в корпоративном конверте, чтобы точно дошло. Босс возражать не станет. Ладно, остальное можно не читать, мы и так знаем, как она относится к протестантам, бывшим протестантам и тому подобное. Интересно, что бы с ней было, услышь она, как мы распеваем «ом мани падме...»

– Развонялась бы до усрачки.

– Ой, Джо! – Юнис пропустила кусок текста, включая абзац с самоприглашением в гости. – «Анджела опять беременна. Инспекторша злится, но я ей мозги вправила, пусть зна-

ет, как вести себя с порядочными людьми. Когда от нас, наконец, отстанут? Что плохого в том, чтобы рожать детей?» Джо, которая из твоих сестер – Анджела?

– Третья. Инспекторша права. Мама не права. Не читай подряд, киска, перескажи.

– Хорошо, милый. Там ничего особенного; опять сплетни о соседях, пустая болтовня о погоде. Из важных новостей – лишь то, что у твоей мамы меньше болит живот и беременность Анджелы. Я пойду смою краску – кстати, боссу понравилось сочетание красного и черного – и буду готова позировать, краситься или все подряд. Подогрей мне пищу, я погрызу ее между делом. И, дорогой, сегодня позирую только до полуночи и буду страшно благодарна, если завтра ты встанешь со мной. Довольно рано, боюсь. Можешь потом спать дальше, а мне нужно очень рано встать.

– Зачем?

– Надо еще разок порадовать босса. – Юнис поделилась идеей о полной раскраске в сочетании с эротическим бельем.

Джо пожал плечами:

– Не вопрос. Зачем стринги? Глупо. Старый хрыч помирает, пусть чуток попялится напоследок.

– Дорогой, так надо. Босс считает себя современным и гордится тем, что «идет в ногу со временем», а на деле его взгляды сформировались давно, когда нагота была не просто экстравагантной, а греховной. Он считает меня милой деревенской девушкой, которую современная мода обошла сто-

роной. Минимум белья, краска и туфли – и по его «современным» стандартам я уже не голая. Милая девушка, лишь притворяющаяся развратной, чтобы его потешить. Босс это обожает.

Джо помотал головой:

– Не секу.

– Ну как же, дорогой! Ты же сам рассказывал мне про символизм в искусстве. Вот и здесь то же самое, с понятными боссу символами. Нагота в наше время ничего особенного не значит, а для него – значит. Если я сниму последний клочок нейлона, то превращусь из милой шаловливой девушки в обычную шлюху.

– А чего тут плохого? Анджела – шлюха.

(«Постоянно забывающая предохраняться», – сказала Юнис про себя.)

– Ничего плохого. Но босс считает иначе. Его непросто понять. Мне двадцать восемь, а ему за девяносто, и в ход его мыслей я не врубаюсь. Если перегнуть палку, он может рассердиться, а то и вообще меня уволить. Что нам тогда делать? Ты ведь не хочешь продать эту милую квартирку?

Все так же в позе лотоса, она огляделась. Да, очень мило. Все, кроме припаркованного у выхода «гэдэбаута» и кровати в углу, являло собой пестрый беспорядок живописной студии, переменчивый, но в то же время постоянный. Высокие северные окна защищала узорчатая стальная решетка – красивая и очень прочная. Здесь Юнис всегда было тепло и

уютно.

– Юнис, радость моя...

Юнис замерла. Джо пользовался краткоюзлом почти постоянно, и она всякий раз удивлялась, когда он переходил на правильный английский, хотя Джо владел им так же хорошо, как она... ну, почти так же хорошо. Во всяком случае, он говорил достаточно грамотно для человека, учившегося по практически ориентированной программе.

– Что, милый?

– Я-то секу. Про тебя не знал. Проверял, красавица моя. Мне, конечно, не девяносто лет, но любой художник понимает значение фигового листка. Не нужно искать в символизме мистера Смита того, чего там нет. Но будь по-твоему. Фиговый листок так фиговый листок, и пускай он дальше обманывается – «смотри, но не трогай, а то мама выпорет». Разрисую тебя как сексуальное преступление в поисках места, где ему совершиться.

– Здорово!

– А насчет работы не парься. Хатка у нас крутая, свет отличный, мне по кайфу, но если ее не станет, перетопчусь. Бедность меня не пугает.

(Зато *меня* пугает, дорогой!)

– Милый, я тебя люблю.

– Мы делаем это ради умирающего старикана, а не ради хаты, ясно?

– Секу! Джо, ты лучший муж на свете!

Он не ответил, лишь простонал что-то невразумительное – так всегда начинались его творческие родовые схватки. Юнис молча ждала. Наконец Джо вздохнул:

– Задача для твоего босса дала выход моему вдохновению. Завтра будешь русалкой.

– Отлично.

– И сегодня. Сверху покрасим в цвет морской волны; на губах, щеках и сосках просвечивает розовый блеск. Ниже пояса золотая чешуя, выше плавно переходит в кожу. Фон – морские глубины с редкими лучами света. Традиционно, романтично. Но кверху дном.

– И? – осторожно спросила Юнис.

(Когда Джо творит, трудно угадать, можно ли ему сейчас задавать вопросы.)

Он улыбнулся:

– Обманка. Ты плывешь. Ныряешь ко дну, выгнув спину, волосы струятся, пальцы ног вытянуты, свет рябится – красота! Но закрепить образ нечем, проволока не пойдет, ее не скроешь. Волосы струиться не будут, ягодицы и грудь отвиснут...

– Моя грудь не отвиснет!

– Спокуха. Я знаю, что у тебя прекрасная грудь. Но любая плоть имеет свойство провисать, и художнику это видно. Всем видно, но не все это осознают. Чувствуют, что-то не так, но не знают что. Глаз не обманешь. Нужен настоящий нырок. Иначе не искусство, а пародия.

– Ну, – задумалась Юнис, – можно взять у соседей стремянку и положить перед задником матрас. Я прыгну, как в бассейн. Надеюсь, не ушибусь.

– *Еще чего!* Шею себе свернешь, дурында! Нырять надо *вверх*, а не вниз.

– Что?

– Я же сказал – фон будет кверху дном. Ты подпрыгнешь, как будто отбиваешь мяч. Я сниму прыжок на стереокамеру – шесть, семь, восемь, девять раз, пока не выйдет как надо. Потом переверну картинку – получится ныряющая ко дну русалка.

– Вот я глупая!

– Не глупая. Просто не художник. – Джо снова застонал, и Юнис промолчала. – За вечер не управимся. Фон нарисую завтра, а сегодня распишу тебя на пробу и поснимаем прыжки без фона. Ляжем рано и встанем рано, чтобы снова тебя раскрасить.

– Идет, – согласилась она. – Но зачем красить меня дважды, если русалкой мне быть уже завтра? Могу лечь одна на раскладушке, чтобы краска не стерлась, а завтра ты просто немножко подправишь. Так и поспать подольше можно.

Джо помотал головой:

– Для босса раскрашу иначе. Да и нельзя тебе спать в краске.

– С моей кожей ничего не случится.

– Вот именно, зайка. С ней ничего не случается потому,

что я не крашу тебя слишком часто, слишком густо и слишком надолго. И всегда слежу, чтобы ты смыла ее до последней точки, а потом мажу тебя оливковым маслом. Все знают, что бывает с девушками, которые чересчур много красятся. Прыщи, угри, зуд, воспаления... жуть! Ради босса я тебя, конечно, с головы до ног распишу, но каждый день это делать не буду. И как придешь домой – сразу в душ, ясно?

– Есть, сэр!

– Так что иди смывай сегодняшнюю краску, а я пока пиццу разогрею.

Спустя несколько минут Юнис выключила душ и крикнула из ванной:

– Ты что-то сказал?

– Забыл рассказать, что Большой Сэм заходил. Пицца готова.

– Будь добр, отрежь мне кусочек. Чего ему надо? Опять в долг просил?

– Нет. То есть я ему дал пятерку... Но вообще-то, он зовет нас на воскресную медитацию. У Джиджи на хате.

Юнис вошла в комнату, завернутая в полотенце:

– На целый день? Будем только мы вчетвером или весь его класс?

– Нет. Круг Семерых.

– Свинг?

– Он не сказал. Наверное.

– Значит, свинг. – Юнис вздохнула. – Милый, мне не жал-

ко, что ты дал ему пять долларов, которые он никогда не вернет. Но Большой Сэм – не гуру, а просто жеребец. И наркоман.

– Юнис, Большой Сэм и Джиджи делятся всем, что у них есть. А меняться партнерами никто никого не заставляет.

– В теории. Но единственный способ вырваться из Круга – не входить в него. Особенно в Круг Семерых. Ты пообещал? Если надо, я стисну зубы и буду улыбаться.

– Нет. Сказал, посоветуюсь с тобой.

– И что ты хочешь, чтобы я ответила, сладкий мой?

– Не пойдем.

– Милый, это не ответ на твой вопрос. Почему ты так рвешься в этот Круг? Туда входит какой-нибудь искусствовед или галерист? Или тебя интересует Джиджи? Так пригласи ее позировать днем, когда я на работе. Она примчится, виляя хвостом. Я видела, как она на тебя пялится.

Джо с улыбкой покачал головой:

– Нет, детка. Поверь мне, я не ответил Большому Сэму, потому что подумал: вдруг тебе захочется вступить в Круг? Мне и самому Сэм не очень нравится – плохая аура.

– Здрóрово! Милый, я не против свинга; я ведь обещала тебе еще перед свадьбой. И когда ты просил, не отказывала. Мне даже понравилось – вот только один раз было скучновато. Но я люблю оценивать новых людей.

– Держи свою пиццу и залезай на трон. Раскрашу тебе ноги, пока ешь.

– Хорошо, милый.

Юнис забралась на кресло для натурщицы, держа в каждой руке по куску пиццы. Длительное время в квартире раздавался лишь хруст откусываемого теста да приглушенные ругательства Джо, переходящего от восторга к отчаянию и наоборот. Никто не замечал издаваемых другим звуков; Джо Бранка вошел в творческий транс, его жена наслаждалась моментом любования.

Наконец Джо подал ей руку и сказал:

– Слезай.

– Можно взглянуть?

– Еще нет. Надо раскрасить грудь и под ней. Не поднимай руки, хочу все осмотреть.

– Ты ведь каждый волосок на моем теле знаешь.

– Тихо. Надо обмозговать утреннюю раскраску.

Пораздумав, Джо сказал:

– Думал тут, не слишком ли для твоего босса, если появишься в одних стрингах. Всё, дотумкал.

– И?

– Нарисую лифчик.

– Милый, но ты все испортишь! Русалки не носят лифчиков!

– Думал. Плохая эмпатия. Пусть будут раковины. Такие выгнутые, ребристые, сама знаешь.

– Извини, милый, но я не знаю. В Айове нет моря.

– Не важно. Раковины уберут плохую эмпатию, все сим-

волы один к одному. – Джо ухмыльнулся. – Красотуля моя, я нарисую лифчик из раковин так натурально, что твой босс весь день будет гадать, правда это лифчик или все-таки нарисовано. Если сломается и спросит – я выиграл!

Юнис весело засмеялась:

– Джо, да ты гений!

4

Не успел доктор Бойл выйти из операционной, как мистер Саломон вскочил:

– Доктор!

Бойл чуть замедлил шаг:

– Ох. Опять вы. Валите к черту в ад!

– Когда-нибудь обязательно, но подождите минутку, доктор.

Хирург ответил со сдержанной яростью:

– Послушайте, любезный... я оперировал одиннадцать часов с одной короткой передышкой. Теперь я ненавижу всех, особенно вас. Оставьте меня в покое.

– Я думал, вам не помешало бы выпить.

Бойл неожиданно улыбнулся:

– Где ближайший паб?

– В двадцати шагах отсюда, на этом этаже. В моей машине. Австралийское пиво на любой вкус – холодное и комнатной температуры. Виски. Джин. Чего изволите.

– Чертовы янки, умеете убеждать! Ладно, только переоденусь.

Врач развернулся, но Саломон остановил его:

– Простите за вольность, доктор, но я распорядился сложить вашу верхнюю одежду к вам в сумку и отнести в машину. Не будем тянуть с выпивкой.

Бойл тряхнул головой и усмехнулся:

– И впрямь вольность. Отлично. Если запах вас не смущает, помоюсь и переоденусь в гостинице. Смелей, Макдуф!

Саломон ничего больше не сказал, пока они не оказались в машине с бокалами пива – крепкого австралийского для хирурга и слабого американского для Саломона. В юности будущий юрист как-то перебрал австралийского пива и с тех пор относился к нему с опаской. Огромный автомобиль мягко тронулся с места и дальше ехал плавно – Рокфорда предупредили, что пассажиры будут выпивать.

Когда гость наполовину осушил бокал и блаженно вздохнул, Саломон спросил:

– Доктор, как прошла операция?

– А? Да как по маслу. Мы готовились, отрабатывали, сделали, как же еще? Команду вы мне подобрали отличную.

– То есть вы хотите сказать, что операция прошла успешно?

– «...но больной умер». Вторая половина присказки.

Джейкоб Саломон почувствовал разом горечь и облегчение.

– Что ж, я этого ждал. Спасибо, доктор. Знаю, вы сделали, что могли.

– Да подождите! Я не сказал, что *этот* больной умер, просто закончил присказку. Операция прошла по плану, состояние больного, когда я оставлял его команде ассистентов, было удовлетворительным.

– Так вы полагаете, он выживет?

– Не «он», а «оно». Сейчас это не человек, и не факт, что когда-нибудь станет человеком. Умереть оно не может, если только суд не разрешит отключить систему жизнеобеспечения. Тело молодое и здоровое. При нынешней поддержке оно будет существовать – не как человек, а как протоплазма – сколь угодно долго. Годы. Мозг, когда я уходил из операционной, тоже был жив; наблюдался сильный альфа-ритм. Он тоже не умрет, поскольку его питает кровь здорового тела. А составят ли мозг и тело живого человека... вы в какую церковь ходите?

– Ни в какую.

– Жаль. Я хотел посоветовать вам позвонить Господу Богу и спросить у Него, поскольку сам ответа не знаю. Я сумел сохранить сетчатку и внутреннее ухо – первым из хирургов, кстати, хоть меня и называют жуликом, – а значит, оно, возможно, будет видеть и слышать. Возможно. Если спинной мозг срастется, не исключено, что восстановятся некоторые моторные функции, и тогда оно будет обходиться без части систем обеспечения. Но скажу вам чистую правду: скорее всего, этот мозг никогда не обретет связи с реальностью.

– Надеюсь, ваши опасения беспочвенны, – мягко ответил Саломон. – От этого зависит ваш гонорар. В договоре указано, что пациент должен как минимум видеть, слышать и говорить.

– Чушь собачья.

– В ином случае я не смогу выплатить вам деньги. Извините.

– Ошибаетесь. Да, упоминалась премия, до смешного большая сумма, о которой я и не думал. Ваш брат-крючкотвор может брать гонорар только в случае успеха, а у нас, мясников, другие правила. Мне платят за то, что я оперирую. Я прооперировал. Точка. Я добросовестный хирург, что бы ни говорили эти сволочи.

– Кстати. – Саломон достал конверт. – Вот ваш гонорар. Хирург сунул конверт в карман.

– Не хотите пересчитать? – спросил Саломон.

– Зачем? Либо здесь условленная сумма, либо я иду в суд. Сейчас мне и то и другое глубоко фиолетово.

– Еще пива? – Саломон открыл новую бутылку убойного пойла из страны антиподов. – Ваши деньги – точнее, золотой эквивалент – в швейцарском банке. В конверте – документ с номером счета. Плюс уведомление, что мы оплачиваем все ваши издержки, все положенное вашей команде, все компьютерное время, все счета клиники и что там еще потребуется. Но я надеюсь позднее вручить вам и ту «до смешного огромную премию».

– От подарка не откажусь. Медицинские исследования дороги, и я намерен их продолжать. Хочется, чтобы в истории науки мне достался уважительный абзац, а не слава шарлатана.

– Конечно. Но у меня мотивы несколько иные.

Бойл хлебнул пива и несколько раз задумчиво моргнул:

– Кажется, я снова ляпнул бестактность. Извините. После операций я всегда бываю злой. Я забыл, что он – ваш друг.

Саломон вновь ощутил прилив горечи напололам с облегчением. Он осторожно ответил:

– Нет, Иоганн Смит мне не друг.

– Вот как? Мне показалось иначе.

– У мистера Смита нет друзей. Я юрист, которому он платит, а значит, служу ему верой и правдой.

– Ясно. Хорошо, что вы не испытываете к нему особых чувств. При трансплантации мозга прогноз всегда плохой, кому, как не мне, это знать. – Бойл снова задумался. – Хотя в этот раз может и получиться. Ткани совпали хорошо, на удивление хорошо, учитывая огромную разницу между донором и реципиентом. Группа крови одинаковая, что тоже плюс. Вдруг нам повезет? Даже разница в размерах черепной коробки не вызвала затруднений, как только я увидел мозг.

– Так отчего вы настроены настолько пессимистично?

– Знаете, сколько миллионов нервных связей затронута? Думаете, я могу соединить их все за одиннадцать часов? Или за одиннадцать тысяч часов? Мы даже не пытаемся; просто вставляем мозг в голову и состыковываем концы спинного мозга, а дальше остается только вращать наши молитвенные ступы. Может, срастется, может, нет – и никто не знает почему.

– Это я понял. Мне непонятно другое: как вообще могут

восстановиться эти миллионы нервных связей. Но вроде бы с шимпанзе у вас что-то получилось.

– Что-то! У меня *все* получилось, черт вас дери! Простите. Нервная система бесконечно изобретательна в самозащите. Вместо того чтобы восстанавливать старые связи, она находит новые – если может – и учится их использовать. Слышали о психологическом эксперименте с переворачивающими очками?

– Боюсь, что нет.

– На студента надевают очки с переворачивающими линзами. День-два он видит все вверх ногами: его водят за руку, кормят с ложечки, провожают в туалет. И вдруг он снова начинает видеть нормально – мозг переключил несколько сотен тысяч соединений и теперь верно интерпретирует новую информацию. Тут мы снимаем с добровольца очки, и он опять видит все вверх ногами, уже небооруженным взглядом. И вновь дня за два его мозг научается видеть мир правильно.

Нечто подобное произошло с моими ненаглядными шимпанзе, Абеяром и Элоизой. Сперва я думал, что эксперимент опять провалился. А потом они задергались, и пришлось их обездвигить, чтобы не поувечились. Их движения были бесконтрольными, как у новорожденного. Но со временем их мозг научился управлять новым телом. Не спрашивайте меня как; я хирург и не строю догадок. Спросите психолога, они это дело любят. Или священника – получите

ответ ничуть не хуже, а то и лучше. Кстати, мне кажется или ваш водитель возит нас кругами? От клиники до гостиницы пять минут езды.

– Должен сознаться, что позволил себе еще одну вольность, доктор. Ваш багаж упакован, счет за гостиницу оплачен, а ваши вещи перевезены ко мне домой, в гостевую комнату.

– Ничего себе. Зачем?

– Для вашей безопасности.

– В гостинице было вполне безопасно. Вооруженная охрана у каждой двери, вооруженные лифтеры, пока войдешь или выйдешь, три раза документы спросят. Как в военной части. Да и все Соединенные Штаты, по сути, огромная военная часть. Вам это не досаждают?

– Все верно. Но мы привыкли. Ваша гостиница, безусловно, хорошо защищена. Но пресса следит за каждым нашим шагом, и внутрь могут проникнуть репортеры. И полиция.

Бойл встревожился, но не испугался:

– Осложнения с законом? Вы заверили меня, что уладили эти вопросы.

– Так и есть. Как я уже говорил, донор состоял в браке и, на наше счастье, оба супруга дали предварительное согласие на донорство. Мы нашли несколько тысяч человек с нужной группой крови. Все они подписали негласные договоры и получили задаток. Но мы не могли рассчитывать, что кто-нибудь из них погибнет вовремя. Статистика была не на на-

шей стороне. Однако так вышло, что один донор действительно погиб, не оставив нам препятствий – по крайней мере, непреодолимых, – уточнил Саломон, вспомнив чемодан потрепанных банкнот. – Суд разрешил операцию как «полезное и необходимое научное исследование». Тем не менее пресса поднимет шум, и другие суды могут оспорить разрешение. Доктор, если пожелаете, то через час я могу доставить вас в Канаду, а через сутки – в любую точку планеты. И даже на Луну. Если захотите.

– На Луну? Звучит неплохо. Я там еще не бывал. Говорите, мои вещи у вас?

– Да. Располагайтесь как дома.

– А горячая ванна имеется?

– Разумеется.

– Тогда я бы выпил еще пива, принял ванну и поспал часиков десять. Меня уже арестовывали. Не привыкать.

Иоганн Себастьян Бах Смит был в каком-то другом месте. Где именно, он не знал, не беспокоился, не задумывался... не знал, был ли он собой, не осознавал себя и вообще ничего; не осознавал, что ничего не осознает.

Затем медленно, спустя вечность, он выплыл из небытия общего наркоза в сон. Сны длились неопределенно долгое время, бесконечно... Миссис Шмидт, Йонни выйдет гулять? Свежие новости! Чудовищные зверства в Бельгии, читайте подробности!.. Иоганн, не смей входить без стука, негодный мальчишка!.. В капусте нашли... Маржа возрастет до завтрашнего открытия торгов... А вот и ни фи́га не в капусте, дети из пупка вылезают, ничего-то ты не знаешь... Джонни, ты же знаешь, это нехорошо, а вдруг мой отец войдет?.. Красивая девушка – как песня... Эй, позырь, у нее сиськи голые!.. Сержант, я уже один раз пошел служить добровольцем, и мне на всю жизнь хватило... Отче наш иже еси на небесех да святится имя твое и да будет каждый сам за себя Смит старина ты тоже поставил подпись а у меня другие дела в четверг после дождичка непременно Иоганн милый как ты мог подумать такое про собственную жену обязанность мужа мистер Смит и я уверен суд согласится что четыре тысячи ежемесячно очень скромная девушка никогда такого не делает Шмидт и если еще раз увижу тебя рядом с моей дочерью

оторву большой куш не стоит бумаги на которой они напечатаны Иоганн что скажет твой отец когда вернется в дом на просторе где олени и антилопы играют честно и получишь что причитай не причитай девонька а лучше махни рукой подмахни мне эту бумагу махни на юг не глядя сломя голову в ее гроб а ее папаня нас услышал и начался кошмар да вовсе не кошмар Иоганн а просто занятно ты меня понимаешь старина у меня ничего за душой а своя рубашка ближе к телу и никто не служит другому телом и душой если только не хочет выбиться наверх девушка заслуживает уважения как любая живая душа видели подругу моей девушки заботиться о ней покуда вы оба будете жить честно, трудиться изо всех сил и оплачивать счета по грузоперевозкам где ты солнышко село звезды вышли из моей комнаты немедленно иначе муж меня убьет а соседи постоянно высматривают где ты ставишь велосипед окупится мигом папа если я начну развозить газеты и дам задний ход чтобы прижаться крепче Джонни ты такой большой национальный долг никогда не будет выплачен так что все наши компании должны ставить на инфляцию берите кредиты сейчас и платите позже чем ты думаешь я такая разпустила тебя в педагогический колледж чтобы стать учителем сынок а теперь я вижу в ранних системах оповещений нет никого смысла без способности страны нанести ответный удар необходимо наращивать ядерную потенцию юности юность Юнис *Юнис!* куда она подевалась потеряна Галлия и Альбион потерян Рим но худшее в том что я потерял

Юнис найдите кто-нибудь Юнис... иду, босс... где ты была я все время была рядом босс...

Сны продолжались бесконечным стереокино – со звуком, запахами, осязанием – и были полностью сюрреалистичны, но он этого не замечал. Они текли сквозь него, или он сквозь них абсолютно логично. Так ему казалось.

Тем временем мир тек вокруг него – и забыл его. Попытка пересадить живой мозг дала обильную пищу для пустословия видеокomentаторам и «экспертам», приглашенным «во имя науки» излить в эфир свои домыслы и предрассудки. Один жадный до общественного внимания судья выписал ордер на арест «доктора Линдона Дойла» (именно так), но доктор Линдси Бойл покинул зону американской юрисдикции до того, как ордер был выписан, и задолго до того, как имя и фамилию исправили. А один знаменитый и модный евангелист заклеил трансплантацию в проповеди на библейский текст о суете сует.

Но уже на третий день впечатляющее и необычно кровавое политическое убийство вытеснило Иоганна Смита из новостей. Евангелист обнаружил, что по этому случаю может повторить проповедь, заменив в ней несколько предложений, что и сделал, инстинктивно чувствуя ненависть простых американцев к сильным мира сего.

Как всегда, число рожденных без лицензии детей превысило число лицензированных, а число абортотворцев превысило и

то и другое. «Апджон интернейшнл» сообщила о дополнительных дивидендах. Предвыборная кампания получила новый толчок после заявления двух консервативных партий, СДС и ПЛА, о проведении совместного (но с сохранением автономии) съезда с (необъявленной, но подразумеваемой) целью переизбрать действующего президента. Председатель ультралевого крыла Либерального конституционного объединения обличил это как типичный криптофашистский капиталистический заговор и предрек ноябрьскую победу конституционных свобод. Мелкие партии – демократы, социалисты и республиканцы – провели свои съезды в спокойной атмосфере (все они были слишком малочисленны и почти не имели в составе делегатов моложе шестидесяти пяти) и в новостях практически не появлялись.

На Ближнем Востоке в результате землетрясения за три минуты погибло девять тысяч человек, что нарушило баланс террора и таким образом повысило и без того высокую вероятность войны в регионе. Китайско-американская комиссия по освоению Луны объявила, что лунные колонии самообеспечиваются белками и углеводами на 87 процентов, и увеличила субсидируемую миграционную квоту, отказавшись, впрочем, снизить требования к грамотности потенциальных колонистов.

Йоганн Себастьян Бах Смит продолжал смотреть сны.

Спустя неизмеримое время (как можно измерить сны?)

Смит проснулся настолько, что начал воспринимать себя – рефлекторное самоосознание бодрствования в противоположность нерассуждающему и необъяснимому бытию сна. Он знал, кто он: Иоганн Себастьян Бах Смит, глубокий старик, не ребенок, не подросток, не юноша, не мужчина средних лет, – и чувствовал свое сенсорное окружение, которое было нулевым: темнота, тишина, полное отсутствие любых физических ощущений, включая мышечные и осязательные.

Он гадал, началась ли уже операция и каково это будет, умереть? Боли он не боялся; его заверили, что непосредственно в мозгу нет болевых рецепторов и анестезия требуется лишь для того, чтобы он не боялся и не дергался во время операции. К тому же за последние годы Смит свыкся с болью – она была его постоянной спутницей, почти что давней подругой.

Потом он снова уснул и снова видел сны, не ведая, что врачи следят за электрической активностью его мозга и что краткое пробуждение пациента, заметное по мониторам, вызвало у них ажиотаж.

Проснувшись в следующий раз, Смит предположил, что его небытие и есть смерть. Он обдумывал эту возможность без паники, поскольку смирился с неизбежностью смерти еще полвека назад. Если это действительно смерть, то он не в раю, который ему обещали в детстве, и не в аду, в который давно перестал верить. Не было даже ожидаемого полного отсутствия «я» – одна лишь беспросветная скука.

Он опять погрузился в сон, не ведая, что ответственный за его жизнеобеспечение врач решил: пациент бодрствовал достаточно долго, а значит, можно замедлить частоту искусственного дыхания и скорректировать состав физраствора.

Смит опять проснулся и оценил ситуацию. Если он мертв – в чем вроде бы не было сомнений, – то что у него осталось и как минимизировать убытки? В активе: ничего. Поправка: осталась память. Было расплывчатое воспоминание о недавнем воспоминании, о запутанных и безумных снах, вероятно – из-за наркоза, а следовательно, неважных. Также осталась более старая, но более четкая память, что он – Иоганн Смит. Или был им. Что ж, Иоганн, старый ты козел, если нам с тобой предстоит провести в небытии целую вечность, неплохо бы вспомнить все, что мы вместе натворили.

Все? Или только хорошее? Нет, без соли будет слишком пресно. Надо вспоминать все. Раз впереди вечность, а развлекаться больше нечем, нужно растянуть занятие на возможно долгий срок... поскольку даже самые приятные события могут надоесть, если прокручивать их вновь и вновь.

Но начать лучше с чего-то приятного. Потренироваться. С чего же? Главных тем у нас всего четыре: деньги, секс, война и смерть. Остальные – побочные. Что выбираем? *Верно!* Молодец, Юнис; я ведь старый козел и сожалею лишь о том (весьма сильно сожалею!), что не познакомился с тобой лет сорок-пятьдесят назад. Тебя тогда, конечно, еще и в проекте не было – вот жалость! Скажи-ка, милая, а те раковины бы-

ли лифчиком или их просто нарисовали на твоей прелестной коже? Долго ломал над этим голову. Надо было спросить и дать тебе повод надо мной посмеяться. Давай расскажи прадедушке. Позвони мне – я, правда, нужную частоту не знаю, ее нет в справочниках.

Боже, как ты была хороша!

Давай вспомним что-нибудь другое – тебя, моя милая Юнис, я никогда не забуду, хотя пальцем к тебе ни разу не притронулся, черт побери! Давай вспомним, к кому я притрагивался. Самую первую девушку? Ну уж нет, ты тогда все испортил, мужлан неуклюжий. Вторую? Да-да, в пижаме с котиками! Миссис Виклунд. Имя? А я знал ее имя? Помню только, что не называл ее по имени ни тогда, ни потом, хотя она позволяла мне приходить к ней еще несколько раз. Позволяла? Скорее поощряла. Специально устраивала встречи.

Мне было четырнадцать, четырнадцать с половиной, а ей... лет тридцать пять? Помню, она упомянула, что замужем уже пятнадцать лет, так что пусть будет тридцать пять. Какая, впрочем, разница? То был мой первый раз с женщиной, которая действительно меня хотела и дала это понять, ловко взяла в оборот тощего нетерпеливого мальчишку, почти девственника, успокоила, сделала так, чтобы ему понравилось и чтобы он понял, что понравилось ей, оставила у него самые лучшие воспоминания.

Благослови тебя Господь, миссис Виклунд! Если ты тоже где-то рядом, во мраке – ведь ты наверняка умерла гораздо

раньше меня, – надеюсь, тебе так же приятно вспоминать обо мне, как мне – о тебе.

Перейдем к деталям. Твоя квартира была прямо под нашей. Одним холодным ненастным вечером ты пообещала мне четвертак (немыслимые по тем временам деньги, десяти центов хватило бы за глаза) и попросила сходить в магазин. Зачем? Сейчас проверим твою память, старый похотливый разбойник! Точнее, старый похотливый покойник. Правда, с объектами здесь не густо... Не важно. Чем еще себя потешить? Ладно, вспоминаем: полфунта вареного окорока, пакет картошки, дюжина яиц (дюжина яиц стоила тогда семь центов – бог ты мой!), буханка хлеба за десять центов и... что-то еще. Ах да, катушка белых ниток номер шестьдесят из галантерейного магазинчика рядом с аптекой мистера Гилмора. Им владела миссис Баум, мать двоих сыновей, один погиб в Первую мировую, другой стал видным специалистом в электротехнике. Но вернемся к тебе, миссис Виклунд.

Ты услышала, как я подъехал на велосипеде, и открыла дверь. Я занес покупки на кухню. Ты мне заплатила, предложила какао и – почему я не боялся, что мама узнает? Папа и мистер Виклунд работали, а вот мама? Точно, ушла на занятия в швейный кружок.

Пока я пил какао и был весь из себя вежливый, ты включила патефон и поставила пластинку... что там была за песня?.. ах да, «Марджи»... и спросила, умею ли я танцевать. И ты научила меня танцевать – на диване.

Техник бригады жизнеобеспечения заметил на осциллографе скачок мозговой активности и, решив, что пациент испуган, ввел транквилизатор. Иоганн Смит незаметно для себя уснул под скрип механического патефона. По словам миссис Виклунд, они танцевали фокстрот. Ему было плевать на названия танцев; он обнимал ее за талию, она обнимала его за шею, в ноздрах стоял ее теплый чистый запах. А потом она соблазнила его.

После долгого экстатического блаженства он произнес:

– Юнис, сладкая моя, я и не знал, что ты умеешь танцевать фокстрот.

Она улыбнулась в ответ:

– Босс, вы не спрашивали. Дотянешься до патефона, чтобы выключить?

– Конечно, миссис Виклунд.

6

Иоганн Смит осознал, что небытие обретает формы. Под головой что-то было, в пересохшем рту ощущалось присутствие какого-то предмета, вроде тех мерзких штук, какими зубные врачи пытаются своих жертв. Вокруг по-прежнему была полная темнота, но тишина перестала быть абсолютной. Рядом что-то хлюпало... Сейчас любой звук казался ему приятным. Иоганн крикнул:

– Эй! Я живой!

В соседней комнате наблюдатель вскочил, опрокинув стул:

– Пациент пытается говорить! Позовите доктора Бреннера!

Из динамика раздался спокойный голос Бреннера:

– Клифф, я с пациентом. Созови команду и оповести доктора Хедрика и доктора Гарсию.

– Сию минуту!

Иоганн продолжал кричать:

– Эй, черт бы вас побрал! Есть здесь *кто-нибудь*?!

Вместо слов из глотки вырывалось нечленораздельное мычание.

Врач приложил к зубам Смита палочку-репродуктор и прижал к своему горлу микрофон:

– Мистер Смит, вы меня слышите?

Пациент снова замычал, на этот раз громче и с большим усилием. Врач ответил:

– Извините, мистер Смит, но я вас не понимаю. Если слышите меня, издайте один звук. Любой, но один.

Пациент промычал один раз.

– Хорошо, замечательно, вы меня слышите. Давайте договоримся: один звук означает «да», два – «нет». Если вы поняли, ответьте двумя звуками.

Смит промычал дважды.

– Отлично. Теперь мы с вами можем общаться. Один звук – «да», два – «нет». У вас что-нибудь болит?

Два звука:

– Ы... о!

– Ясно! Теперь попробуем по-другому. Ваши уши закрыты звукоизолирующим материалом; мой голос передается вам во внутреннее ухо через зубы и верхнюю челюсть. Сейчас я приоткрою ваше левое ухо и попробую с вами поговорить. Поначалу звук может быть для вас болезненно громким, поэтому я буду шептать. Ясно?

Смит замычал. Он почувствовал мягкое, но уверенное прикосновение и услышал, как что-то оторвалось.

– Теперь слышите?

– А... э...

– А теперь?

– А... э... о... о... у... а... у... о... а... ы... о... а!

– По-моему, это целое предложение. Не пытайтесь пока

говорить. Просто издавайте один или два звука.

Иоганн повторил:

– Конечно, я могу говорить, идиот хренов! Выньте эту дрянь у меня изо рта! – Гласные прозвучали довольно отчетливо, а вот согласные не вышли вовсе.

– Доктор, как пациент сможет говорить со всеми этими штуками во рту?

– Сестра, не лезьте не в свое дело, – тихо сказал Бреннер. – Мистер Смит, у вас во рту слюноотсос, чтобы вы не захлебнулись слюной или мокротой. Пока я не могу его убрать, так что придется потерпеть. Также на вас маска, и снять ее может только ваш офтальмолог. Я не ваш лечащий врач, я лишь контролирую работу системы жизнеобеспечения. Лечит вас доктор Хедрик; его ассистент – доктор Гарсия. На любое вмешательство требуется разрешение одного из них. Вам удобно? Один звук или два.

Мычание.

– Хорошо. Я побуду с вами. Можем поговорить. Хотите?

Мычание.

– Договорились. Можете говорить не только «да» и «нет». Я буду медленно перечислять буквы алфавита, а вы останавливайте меня одним звуком, когда я дойду до нужной. И так пока не сложится слово. Это небыстро, но времени у нас предостаточно. Хотите попробовать?

Мычание.

– Замечательно. У меня большой опыт; я много работал

с пациентами, которые не могли говорить, но были в сознании и мыслили абсолютно ясно. Как и вы. – Врач покосился на осциллограф. Слова про ясность мышления были маленькой обнадеживающей ложью для пациента. – Но, разумеется, они скучали. Скука – главный враг пациентов на жизнеобеспечении. Заняться им нечем, а постоянно спать вредно. Да и нам порой нужно, чтобы пациент бодрствовал. Короче говоря, если захотите что-нибудь сказать по буквам, издайте три звука, и я блесну своим знанием алфавита.

Тройное мычание.

– А... б... в... г... д... е... – Иоганн промычал на «п».

– «П»? – уточнил доктор Бреннер. – Если это правильная буква, не отвечайте ничего. Значит, «п». А... б... в... г...

Наконец буквы сложились в сочетание «правое ухо».

– Хотите убрать заглушку с правого уха?

Один звук.

Врач осторожно убрал заглушку:

– Проверяем. Цинциннати, шестьдесят шесть, Сюзанна. Слышите обоими ушами? Не кажется, что звук перескакивает из одного уха в другое?

Одиночное мычание, затем тройное.

– Так, давайте по буквам. А... б... в...

В итоге вышло: «Нет».

– «Нет»? Вы не хотите разговаривать?

Двойное мычание.

– Хорошо, я попробую еще раз. А... б... – Его прервало

продолжительное раздраженное мычание, и врач остановился. – Вы не хотите, чтобы я снова повторял буквы... но хотите продолжать разговор... А! Я понял, это было первое слово фразы?

Мычание.

– Хорошо, продолжим. А... б... «Нет тела»?

Согласное мычание.

– Вам кажется, что у вас нет тела? Вы его не чувствуете?

Мычание.

– О! Разумеется, вы его не чувствуете. Вам предстоит еще долго восстанавливаться. Но, по правде говоря, – привычно лгал врач, – ваш прогресс просто поразителен. Слух и речь вернулись очень быстро. Это хороший знак. Признаться, я даже пари на этот счет заключил и выиграл пять сотен! – (Это тоже было ложью.) – Причем в пари срок был в два раза больше. Теперь попробую удвоить выигрыш – поставлю на то, что за это время вы полностью восстановите владение телом. Потому что оно у вас замечательно здоровое, хотя вы покуда его не чувствуете. И это дополнительный фактор быстрого восстановления.

Тройное мычание. Затем по буквам: «Сколько?»

– Сколько времени прошло после операции? Или сколько нужно, чтобы обрести контроль над телом?

Доктора Бреннера спас звонок. Он прекратил перечислять буквы и сказал:

– Минутку, мистер Смит. Приехал доктор Хедрик, и мне

нужно перед ним отчитаться. Побудьте пока с медсестрой. Сестра, не тревожьте пациента, пусть отдохнет.

За дверью доктор Бреннер остановил лечащего врача:

– Доктор Хедрик, позвольте пару слов, пока вы не вошли.

Вы видели показания датчиков?

– Конечно. Они абсолютно нормальны для пациента в сознании.

– Он способен рационально мыслить. Я снял центральные заглушки с обеих ушей, и мы смогли общаться – звуками и по алфавиту, пока дожидались вас...

– Я слышал вас на мониторе и догадался, что вы сняли заглушки. Вы много на себя берете, доктор.

Бреннер напрягся и холодно ответил:

– Доктор... больной, безусловно, ваш. Но я был там один, и мне пришлось принимать решение самостоятельно. Если хотите меня заменить – вы в своем праве.

– Не ершитесь так, молодой человек. Пойдемте взглянем на больного. Нашего больного.

– Хорошо, сэр.

Они вошли в комнату.

– Мистер Смит, я доктор Хедрик, ваш лечащий врач, – представился Хедрик. – Поздравляю с возвращением в наш печальный мир! Это великое достижение для всех нас, особенно для гениального доктора Бойла.

Тройное мычание.

– Хотите что-то сказать?

Одинокое мычание.

– Минутку. Давайте освободим ваш рот, и вы попробуете сами произнести что хотите. – («Если повезет, – заметил Хедрик про себя. – Но я и такого не ждал. Этот наглый австралийский мясник действительно гений. Удивительно!») – Готовы?

Выразительное мычание.

– Хорошо. Доктор Бреннер, можете извлечь слюноотсос. Сестра, поверните лампы. Дежурный! Узнайте, почему задерживается доктор Фейнштейн!

Иоганн Смит почувствовал, как ему в рот быстро, но аккуратно влезли чьи-то пальцы, затем раздался голос доктора Хедрика:

– Дайте взглянуть. Отлично, можно снять распорки. Мистер Смит, нам придется время от времени пользоваться слюноотсосом, чтобы не заставлять вас сплевывать или откачивать потом слюну из глотки, но теперь вы можете говорить.

– Хо-о-ы-я-хы!

– Не торопитесь. Вам предстоит заново учиться говорить, как ребенку. Повторите, что хотели сказать, только медленно и аккуратно.

– Гос... по... ди... я... жив!

– Вне всякого сомнения. Вы первый человек, выживший после пересадки мозга в другое тело. Тело у вас хорошее, здоровое, так что вы еще долго проживете.

– Но... я... ничего... не... чешую... *чувствую*... ниже... подбородка.

– Ваше счастье, – ответил врач. – Мы полностью вас зафиксировали в расчете на время, надеюсь скорое, – («А вероятнее всего, оно не наступит никогда», – добавил Хедрик про себя), – когда вы начнете ощущать свое новое тело целиком. Тогда вы начали бы непроизвольно дергаться – если бы вас не зафиксировали. Вы должны будете научиться управлять своим телом. Как новорожденный. Тренировки. Возможно, долгие и скучные.

– Сколь... ко?

– Не могу сказать. Шимпанзе доктора Бойла, как я понимаю, справились довольно быстро. Но у вас может уйти столько же времени, сколько у младенца на обучение ходьбе. Впрочем, что сейчас беспокоиться? У вас новое тело, которое прослужит долгие годы. Да что там, вы можете стать первым человеком, дожившим до двухсот лет. Так что спешить некуда. А теперь отдохните немножко, мне нужно вас осмотреть. Сестра, подайте подбородочный экран.

– Доктор, у пациента закрыты глаза.

– Ах да, точно. Мистер Смит, когда придет доктор Фейнштейн, он скажет, можно ли сегодня снять повязку. А пока... Сестра, снимите покрывало.

Даже без покрывала новое тело было по большей части прикрыто. Торс от шеи до паха закрывал пластмассовый корпус дыхательного аппарата, руки и ноги были зафиксирован-

ными ремнями с мягкими прокладками; кроме того, к пациенту тянулись уретральный и анальный катетеры, а также две прозрачные трубки – одна для питания, другая для мониторинга состава крови. Еще четыре были закреплены на теле, но пока не использовались. Кругом вились провода. Тепло внутри этой путаницы трубок могло бы вдохновить Микеланджело, а вот в комбинации с приборами могло бы показаться красивым только врачу.

Доктор Хедрик остался доволен осмотром. Достав из кармана неврологическую иглу, он провел ей по правой ступне больного. Рефлекторная реакция ступни была ожидаемой, отсутствие реакции со стороны Иоганна Смита – тоже.

– Доктор Хедрик? – раздался голос из динамика.

– Да?

– Доктор Фейнштейн сейчас на операции.

– Ясно. – Хедрик жестом показал медсестре укрыть тело. – Мистер Смит, вы слышали? Ваш офтальмолог сейчас в операционной и не сможет сегодня вас осмотреть. Что ж, для одного раза и того достаточно. Вам надо поспать.

– Не хочу. Сами... откройте... мне... глаза.

– Не могу. Доктор Фейнштейн должен дать добро.

– Нет! Вы... же... главный... врач.

– Верно, и я решил, что без одобрения специалиста этого делать нельзя.

– Черт... вас... дери. Позо... вите... Джейка... Сало... мона.

– Мистер Саломон сейчас в Европе. Его известят, что вы очнулись, и, возможно, уже завтра он будет здесь. Точно обещать не могу. А пока отдыхайте. Спите.

– Нет!

– А придется. – Доктор Хедрик подал знак доктору Бреннеру. – Как вы справедливо заметили, что я здесь главный. Хотите знать, почему я так уверен, что вы будете спать? Потому что сейчас мы замедляем ваше дыхание и вводим вам безвредное снотворное. Доброй ночи, мистер Смит, – и еще раз примите мои поздравления.

– Черт... бы... вас... по... – Иоганн Смит уснул.

Через некоторое время он наполовину проснулся и про-
бормотал:

– Юнис?

(Я здесь, босс. Спите.)

И он снова уснул.

– Привет, Джейк!

– Здравствуй, Иоганн. Как ты?

– Злой, как лиса, у которой хвост в капкане. Правда, иногда эти деспоты накачивают меня какой-то дрянью, от которой я против воли становлюсь добрым и благодушным. Где тебя черти носили? Почему ты не приехал, когда я за тобой послал?

– Был в отпуске. Первом за пятнадцать лет. А что, нельзя?

– Да не кипятись ты так. Хороший загар. И лишний вес сбросил. Ладно-ладно, хотя, конечно, было обидно, что ты не пожертвовал деньком-другим отпуска и не прилетел меня навестить, когда я проснулся. Ты больно ранил мои чувства.

– Ха! Нет у тебя никаких чувств. И никогда не было.

– Брось, Джейк... у меня есть чувства, просто я не выставлю их напоказ. Черт побери, ты был мне нужен!

Адвокат покачал головой:

– Неправда. Я знаю, зачем я тебе понадобился. Чтобы вмешаться в работу доктора Хедрика. А я бы этого не сделал. Поэтому продлил свой отпуск, дабы избежать пустых споров.

Иоганн ухмыльнулся:

– Джейк, хитрюга! Ладно, не будем поминать прошлое. Раз уж ты вернулся... Хедрик – хороший врач... но уж че-

рескур любит командовать не по делу. Так что мы это изменим. Я говорю тебе, чего хочу, а ты передаешь это Хедрику. А если он заупрямится, намекнешь, что незаменимых не бывает.

– Нет.

– Что значит «нет»?

– «Нет» значит «нет». Иоганн, тебе по-прежнему нужно постоянное наблюдение врача. Я не вмешивался в работу доктора Хедрика раньше, и все шло отлично. Не буду вмешиваться и теперь.

– Джейк, я тебя умоляю. Конечно, ты действуешь из лучших побуждений. Но войди в мое положение. Я вышел из критического состояния и быстро иду на поправку. Хочешь узнать последние новости? Знаешь, что я сделал утром во время сеанса физиотерапии? Пошевелил правым указательным пальцем! *Сознательно!* Понимаешь, что это значит?

– Значит, что ты можешь делать ставки на аукционе и подзывать официантов.

– Тьфу! Джейк, я и пальцами ног шевелил. Через неделю я смогу ходить без посторонней помощи! Я каждый день по полчаса дышу самостоятельно, без этого чертова корсета... да в остальное время он работает только в режиме дыхательной поддержки. И несмотря на этот стремительный прогресс, со мной обращаются как с лабораторной мартышкой! Постоянно накачивают снотворным – черт побери, меня даже бреют во сне и бог знает что еще! Физиотерапией со мной

занимаются шесть человек за раз, а все остальное время я лежу привязанный. Взгляни под простыню, если не веришь. Мой собственный дом стал для меня тюрьмой.

Саломон не шевельнулся:

– Охотно верю.

– Придвинь стул, чтобы я мог лучше тебя видеть. Мне даже голову фиксируют – можешь ответить зачем?

– Не знаю. Спроси врача. – Саломон не сдвинулся с места.

– Я спрашиваю *тебя*. Его фельдфебельские замашки мне осточертели.

– А я не стану высказывать мнение по теме, в которой не разбираюсь. Иоганн, очевидно, что тебе лучше. Но только дурак станет убирать с поля игрока, у которого идет игра. Я был уверен, что ты не переживешь операцию. Да ты и сам наверняка тоже.

– Ну... по правде говоря, так. Я ставил свою жизнь на кон... буквально. И выиграл.

– Так радуйся – *и не веди себя как капризный ребенок!*

– Спокойнее, Джейк, спокойнее. Ты напоминаешь мне *меня*.

– Этого мне хотелось бы меньше всего. Но я говорю серьезно. Будь благодарен. Вознеси хвалу Господу... и доктору Хедрику.

– И доктору Бойлу, Джейк. Да, я всем им искренне благодарен. Меня вырвали из когтей смерти, я получил новую замечательную жизнь, а рисковал лишь неделями невыноси-

мого существования. – Иоганн улыбнулся. – У меня нет слов, чтобы выразить благодарность. У меня вновь стопроцентное зрение, я вижу оттенки, о которых давно забыл. Я слышу высокие ноты, которые не слышал долгие годы. Мне ставят симфонии, и я отчетливо различаю партии флейты-пикколо и скрипки. Теперь я могу слышать всю верхнюю гамму звуков, больше, чем когда-либо раньше. Даже мой голос звучит высоко, – должно быть, у донора был тенор? А еще я *чувствую запахи*. Джейк, я утратил обоняние несколько лет назад. Сестра, подойдите, чтобы я мог вас обнюхать.

Симпатичная рыжеволосая медсестра улыбнулась, но не ответила и не сдвинулась с места у прикроватного пульта управления.

Иоганн продолжил:

– Мне даже позволено есть один раз в день: не через трубочку, а самостоятельно. Джейк, ты знаешь, что манная каша вкуснее, чем филе миньон? А вот! Черт, да мне сейчас *все* кажется вкусным; не припомню, когда в последний раз получал удовольствие от еды. Какое счастье быть живым, в новом теле! Жду не дождусь, как поеду в деревню и отправлюсь гулять в луга, вскарабкаюсь на холм и буду смотреть на деревья и птиц. И облака. Загорать. Кататься на коньках. Танцевать сельскую кадриль. Джейк, ты умеешь танцевать кадриль?

– В молодости неплохо танцевал, но с тех пор времени не было.

– А я даже в молодости не танцевал. Ничего, теперь наверстаю. Напомни-ка мне, кто теперь нашей лавочкой заведует?

– Тил, разумеется. Он тоже хочет с тобой повидаться.

– Объясни ему, что мне нужно привыкнуть к новому телу и сполна им насладиться. У меня на счетах что-нибудь осталось? Если нет, то плевать.

– Хочешь чистую правду?

– Джейк, не пугай меня. Не выйдет. Если мне придется продать этот особняк, чтобы расплатиться с моими тюремщиками, так тому и быть. Даже интереснее. На пособие я жить не буду. И не из таких передрыг выбирался.

– Ну держись. Ты еще разбогател.

– Что? Тьфу ты! А я только собрался насладиться бедностью.

– Лицемер.

– Джейк, как ты можешь! Я...

– Лицемер, я сказал. Помолчи. Твое состояние достигло таких размеров, когда ты при всем желании не сможешь его растратить. Оно увеличивается ежесекундно. Его с лихвой хватило на операцию и связанные с ней расходы. Однако ты больше не контролируешь «Смит энтерпрайзес».

– Вот как?

– Да. Я рекомендовал Тилу взять кредит и выкупить часть твоих акций, чтобы чувствовать себя надежнее во главе «лавочки». Дальше больше. Я, как де-факто председатель, решил, что мне тоже не помешает пакет покрупнее, и обменял

свои ценные бумаги и безналоговые облигации на часть твоих голосующих акций. Теперь мы двое – ты и я или ты и Тил – имеем абсолютное большинство голосов. Но не кто-то один из нас. Однако я готов провести с тобой обратный обмен, как только ты решишь взять бразды правления в свои руки.

– Ни за что!

– Давай оставим этот вопрос открытым. Я не собирался пользоваться твоей болезнью ради собственной выгоды.

– Нет, Джейк. Раз у меня нет контрольного пакета, то нет и моральной обязанности тянуть компанию. Я уйду в отставку, а ты займешь мое место. Или Тил. А если не захотите, то предложите кому-нибудь еще.

– Давай подождем твоего полного выздоровления.

– Ладно, но менять решение я не собираюсь. Теперь другой вопрос... гм, сестра, вам не нужно сходить что-нибудь вылить, или руки помыть, или проверить, не сорвало ли с особняка крышу? Мне надо поговорить с моим юристом с глазу на глаз.

Медсестра с улыбкой помотала головой:

– Нет, сэр. Мне нельзя оставлять вас ни на секунду. Но по распоряжению доктора Хедрика я могу отключить голосовые мониторы и посмотреть в уголке видео на полную громкость. Так я точно вас не услышу. Доктор Хедрик предупредил, что вы с мистером Саломоном, возможно, захотите поговорить приватно.

– Ну и ну! У этого старого му... мухомора есть капля че-

ловечности! Хорошо, сестра.

Через несколько секунд Иоганн шепотом произнес:

– Видишь, Джейк? Бог свидетель, меня вполне можно было оставить на несколько минут под твоим присмотром. Если бы я подавился или что еще, ты бы сразу их позвал. Да они и сами увидят на мониторах, если что пойдет не так. Но нет, они трясутся надо мной и отказывают мне в самых безобидных просьбах. А теперь послушай, только отвечай очень тихо – у тебя есть карманное зеркальце?

– А? Нет, и никогда не было.

– Жаль. В следующий раз принеси. Скажем, завтра. Хедрик – хороший врач, не спору, но он *ничего* мне не рассказывает. Я спросил его, чье у меня тело, а он даже не удосужился придумать вежливую ложь, просто сказал, что меня это не касается.

– Так и есть.

– Что?

– Помнишь условия договора? Там сказано...

– Я его не читал. Не разбираю вашего птичьего языка.

– Я перечислил тебе все условия, но ты не слушал. Личные данные донора подлежат разглашению только по предварительному согласию самого донора... и только в случае, если его родственники не станут возражать. В данном случае не выполнено ни то ни другое условие. Так что ничего сказать не могу.

– Черт. Я ведь все равно выясню, когда поднимусь на ноги.

Разглашать не стану, просто хочу знать.

– Я не сомневаюсь, что выяснишь. Но договор с умершим нарушу не я.

– Гм. Джейк, упрямый ты старый баран, это же никому не навредит! Ладно. Просто принеси зеркало. Можешь сделать это прямо сейчас. Сделай вид, что тебе нужно в сортир. Войдешь в ванную, там в ящичках или еще где есть штук пять маленьких зеркал. Были, во всяком случае, когда я еще ходил своими ногами. Почти наверняка еще там. Только медсестре не показывай, спрячь в карман или под пиджак.

– А почему ты сам у них не попросишь?

– Потому что они мне откажут, Джейк. Можешь считать меня параноиком, но этот наглый доктор надо мной издевается. Не дает глянуть на новое лицо в зеркало. Допустим, оно изуродовано. Черт с ним! Мне вообще не дают на себя посмотреть. Во время процедур ставят подбородочный экран; я даже рук своих не видел. Представь себе, я до сих пор не знаю, какого цвета у меня кожа! Черный я или белый? Или еще какой? С ума можно сойти.

– Иоганн, ты можешь буквально сойти с ума, если увидишь себя до того, как к тебе вернутся силы.

– Что? Джейк, что за ребячество. Ты же меня знаешь. Я переживу, даже если я страшнее жабы, а моя кожа в фиолетовую полоску. – Иоганн ухмыльнулся. – Я и до операции был страшен как смертный грех; сильно хуже меня сделать не могли, но вот что, старина: если со мной будут обходиться

как с умственно отсталым ребенком, я точно рехнусь.

Саломон тяжело вздохнул:

– Иоганн, прости, но меня предупредили, что тебе рано смотреться в зеркало.

– Что?

– Успокойся. Я говорил об этом с доктором Хедриком и его коллегой-психиатром. Они считают, что ты можешь испытать тяжелое эмоциональное потрясение и даже, как ты сам говоришь, «рехнуться», если увидишь себя нового прежде, чем полностью окрепнешь. Это сведет на нет весь достигнутый прогресс.

Иоганн Смит некоторое время молчал, потом проговорил тихо:

– Чушь собачья. Я знаю, что физически стал другим. Как это может мне навредить?

– Психиатр не исключает раздвоения личности.

– Подойди ближе и взгляни мне в глаза, Джейк Саломон. Ты правда в это веришь?

– Мое мнение не важно, и я тут не компетентен. Я не собираюсь обманывать твоих врачей и тебе в этом помогать не буду.

– Вот оно как. Джейк... сожалею, но я вынужден заметить, что ты не единственный юрист в городе.

– Знаю. Иоганн, сожалею – искренне сожалею! – но вынужден заметить, что я единственный юрист, к которому ты можешь обратиться.

– Что?!

– Иоганн, ты находишься под судебной опекой. Я – твой опекун.

Иоганн Смит обескураженно прошептал:

– Заговор. Джейк, такого я от тебя не ожидал.

– Иоганн, Иоганн!

– Собираешься держать меня здесь вечно? А если нет, какова цена за мое освобождение? Судья в доле? А Хедрик?

Саломон с усилием взял себя в руки:

– Иоганн, пожалуйста, дай мне объяснить. Я постараюсь забыть все, что ты сейчас наговорил. Я принесу протоколы заседаний, чтобы ты мог взглянуть. Самого судью приглашу, если пожелаешь! Но ты обязан меня выслушать.

– Слушаю. Как будто у меня есть выбор. Я ведь здесь пленник.

– Иоганн, опеку снимут, как только ты будешь в состоянии лично предстать перед судом и убедить судью Маккэмпбелла – сам знаешь, он честный человек, – что ты больше не *non compos mentis*¹. Он долго сомневался; мне пришлось отчаянно бороться, чтобы стать твоим опекуном, ведь истцом был не я.

– И кто же захотел признать меня невменяемым?

– Иоганна Дарлингтон Сьюард *et aliae*² – то есть и остальные твои внучки.

---

¹ Не в здравом уме (*лат.*).

² И другие (*лат.*).

– Ясно, – задумчиво проговорил Иоганн. – Джейк, прими мои извинения.

Саломон фыркнул:

– За что? Ты не можешь никого оскорбить, будучи официально *non compos mentis*.

– Ух... в самое сердце. Милую крошку Иоганну стоило утопить в младенчестве. Ее мать, моя дочь Эвелин, вечно сажала ее ко мне на колени и напоминала, что назвала ее в мою честь. А маленькая засранка писала мне на брюки – нарочно! Значит, Джун, Марла и Элинор тоже замешаны. Неудивительно.

– Иоганн, они чуть было не добились своего. Я прибег ко всем средствам, кроме госизмены, чтобы дело попало к Маккэмпбеллу. И все равно суд чуть не отдал опекунство миссис Сьюард. Спасло лишь то, что у меня пятнадцать лет кряду была твоя генеральная доверенность. И еще одно.

– Что?

– Их глупость. Если бы твои внуки сразу запросили опекунство, то могли бы меня обставить. Но вместо этого они сперва потребовали признать тебя умершим.

– Ничего себе! Джейк, как ты думаешь, я смогу – позже – вычеркнуть их из завещания?

– Есть вариант лучше: переживи их.

– Гм, пожалуй, теперь я на это способен. С превеликим удовольствием!

– Это было очень глупо с их стороны. Их адвокат просто

болван. Четыре дня собирал свидетелей, а суд вынес вердикт за четыре минуты, согласно делу «Семья Парсонса против Род-Айленда». Я думал, они уgomонятся; этот неуч чуть в штаны от страха не наложил. Но нет, в дело вмешался Паркинсон... а *его* адвокат совсем не дурак.

– Паркинсон? Наш дурачок Парки?

– Он самый.

– Гм. Фон Риттер был прав, унижать людей себе дороже. Но Парки-то здесь каким боком?

– Никаким. Я лишь сделал вывод, что без него не обошлось, иначе чего бы он каждый день таскался в суд вместе с тещиным адвокатом? Иоганн, я не рискнул затягивать слушания до твоего выздоровления; наши эксперты-свидетели не могли поручиться, что ты снова станешь собой и будешь вести дела. Так что мы объявили тебя недееспособным, застали их врасплох, и наш адвокат предложил назначить меня временным опекуном. Но, Иоганн, как только началась эта заварушка, я принялся тасовать акции. Несколько недель бóльшая часть твоих голосующих акций была у Тила – он молодец, ты правильно сделал, что его назначил. Это те акции, которые теперь у меня, купленные на деньги, которые я ему одолжил. Все операции абсолютно прозрачны, никакого мухлеза. Твои акции, которые я продал Тилу за мои деньги, плюс его собственные, плюс то, что было у меня самого, составляли контрольный пакет... иначе, если бы я проиграл в суде, Паркинсон уже на следующий день заявился бы с до-

веренностью, подписанной твоими внуками, созвал бы совет акционеров и вышвырнул нас с Тилом за дверь. Я не решился лично выкупить твои акции, потому что в таком случае был бы заинтересованным лицом и твои внуки могли об этом пронюхать. Иоганн, мы долгое время балансировали на грани.

– Приятно знать, что теперь мы можем свободно вздохнуть. Ох уж этот Парки.

– Радоваться рано. Будут и другие иски, но тебе пока не стоит об этом беспокоиться.

– Джейк, я вообще не буду больше ни о чем беспокоиться. Я буду думать о птичках, пчелках, пушистых облачках и наслаждаться манной кашкой. И фруктовым пюре для самых маленьких. Мне радостно, что мой закадычный друг не всадил мне нож в спину, пока я был без сознания, и ужасно стыдно, что я подумал такое хоть на минуту. Ты, конечно, все равно жалкий бесхребетный трус, раз отказываешься принести мне зеркало, но к этому мы еще вернемся. Я понял твои опасения и немного подожду; раз мне предстоит убеждать судью Маккэмпбелла в своей умственной полноценности, то психиатра лучше не напрягать.

– Вот и славно. Рад, что тебе лучше, Иоганн. Я вижу, что ты снова – или по-прежнему – тот же вредный старый пройдоха.

Иоганн усмехнулся:

– Спасибо, Джейк. Рад, что и ты в добром здравии. Чтоб

нам до конца дней так мило беседовать. Есть еще новости? Кстати! Где, черт возьми, моя секретарша? Юнис? Из моих тюремщиков никто не знает, кто она такая, и разыскивать ее не хотят. Да, Гарсия знает ее в лицо, но говорит, ему некогда быть у меня на побегушках. Сказал спросить тебя.

– Вот как, – с заминкой произнес Саломон. – У тебя есть ее адрес?

– А? У бухгалтера должен быть. Где-то на севере... Поймай, ты ведь однажды отвозил ее домой! Точно помню!

– Было дело. Действительно, где-то на севере. Но эти кроличьи норы все на одно лицо. Спрошу у телохранителей, вдруг помнят. Погоди, а твои охранники не знают? Они же ее несколько месяцев возили, до самой операции. Ты их спрашивал?

– Черт, Джейк, ко мне никого не пускают. Я даже не знаю, числятся ли эти ребята до сих пор в штате.

– Когда я уезжал в Европу, точно числились. Но я не уверен, что нам стоит искать Юнис.

– Почему?

– Я видел ее буквально перед самой операцией. Она... Иоганн, она привязалась к тебе гораздо сильнее, чем ты заслуживал...

– Пропустим это. Давай дальше.

– Ладно. Она не сказала ничего конкретного, но мне показалось, что она не собирается дальше работать секретарем. По правде сказать, мы не надеялись, что тебе еще когда-ни-

будь понадобится секретарь. Юнис – молодец, я бы сам ее нанял, но...

– Не сомневаюсь, что нанял бы, старый козел. Ты ведь сказал ей, что она может получать у меня зарплату вечно? По крайней мере, до моей смерти.

– Да. Но она гордая девушка, Иоганн. Не хотела получать деньги просто так. Я постараюсь ее разыскать, а если не получится, найду тебе новую секретаршу. Это не так сложно. Обещаю.

– Послушай, мне не нужна новая секретарша. Мне нужна Юнис Бранка.

– Я имел в виду...

– Знаю, что ты имел в виду. Найдешь мне старую каргу, которая прекрасно справляется с работой, но на нее без слез не взглянешь... а сам, небось, прячешь Юнис у себя в кабинете.

Саломон медленно ответил:

– Иоганн, клянусь всем, что для меня свято: я не держу ее ни в кабинете, ни где бы то ни было.

– Значит, она тебе отказала. Джейк, я доверю тебе свою жизнь и земные богатства. Но если речь о том, чтобы увести у меня идеальную секретаршу, тут я не поручусь ни за тебя, ни за кого другого.

– *Nolo contendere*³. Я предлагал ей работу. Она отказалась.

– Значит, мы ее найдем. Ты найдешь.

---

³ Не хочу оспаривать (лат.).

Саломон вздохнул:

– Где мне ее искать? Есть зацепки? Ее муж, кажется, художник?

– Можно и так сказать, наверное. Не могу винить Юнис, но, по-моему, он просто альфонс. Я человек старой закалки. Когда она вышла замуж, я навел о нем справки. Ничего предосудительного не нашел; ни малейшего повода отказываться от лучшей в мире секретарши из-за ее замужества. Да, он художник, из тех, чьи работы не очень-то продаются. Юнис его содержала. Это, конечно, ее дело; Бранка не пил, наркотики не употреблял. Но ее не стоил. Неграмотный. Да, я знаю, сейчас это обычное дело, и отношусь к таким людям без предрассудков; у меня неграмотная прислуга, и только Господь Бог и главбух ведают, сколько неграмотных сотрудников в «Смит энтерпрайзес». Но Бранка наверняка вообще не посещал школу, где учат читать. Могу дать тебе одну наводку. Если Юнис больше не работает секретарем, что легко проверить в службе социального обеспечения, и не получает пособия – ее муж может, но не она, – то стоит проверить модельные агентства. Видеостудии, фото- и художественные салоны. Кто-нибудь из них двоих наверняка отыщется. Юнис – загляденье, но и муж у нее красавец; частный детектив так и сказал.

– Хорошо, Иоганн. Я обращусь в детективное агентство.

– Найми армию сыщиков!

– А если они оба скрываются? Всякое бывает.

Иоганн хмыкнул:

– За него не поручусь, а вот Юнис это ни к чему. Но если понадобится, прочеши все Заброшенные зоны в городе.

– Это дорого обойдется. В случае отправки в ЗЗ страхование жизни детектива взлетит до небес.

– Ты же сказал, что у меня сейчас больше денег, чем я в состоянии потратить?

– Верно. Но мне неприятно нанимать человека на опасную работу, даже если он сам не против. Ладно, что бежать впереди паровоза. Возможно, чтобы выяснить адрес, хватит одного звонка в бухгалтерию или небольшой взятки в социальную службу. Я дам знать, если что-то выясню.

Саломон поднялся и собрался уходить, но Смит остановил его:

– Подожди. Завтра придешь? Хочу, чтобы ты ежедневно присылал отчет о ходе поисков, пока ее не найдешь. Передавай информацию Хедрику или тому, кто будет его замещать. Меня самого к телефону не подпускают. Телефонный рапорт каждый день, хорошо? Пока не найдешь ее.

– Хорошо, Иоганн.

– Спасибо, Джейк. Тебя еще могут принять в скауты. Скажи сестричке, что можно вылезать из уголка. Им, должно быть, не терпится меня усыпить – мне еще ни разу не давали бодрствовать так долго.

По пути назад Саломон зашел в комнату, откуда велось

наблюдение за пациентом, поговорить с доктором Хедриком.

– Тяжело вам пришлось, – констатировал врач, взглянув на него.

– Не то слово. Доктор, как долго вы будете оберегать его от зеркал?

– Сложно сказать. Он быстро идет на поправку... но еще плохо контролирует свое новое тело. Плюс зуд, покалывание, онемение, что вполне в порядке вещей. Фантомные боли – тоже. Точнее, психосоматические; для пациента они вполне реальны. Поэтому, если вы рассчитываете как можно скорее подготовить пациента к судебным слушаниям, эмоциональный шок нужно по возможности отсрочить. На этом настаивает доктор Розенталь, и я с ним согласен. Наш пациент еще слаб и эмоционально нестабилен.

– Это я заметил.

– Мистер Саломон, думаю, вам не помешает успокоительное. Разрешите?

Саломон выдавил улыбку:

– Только если в нем содержится зерновой спирт.

Хедрик усмехнулся:

– Устроит вас то, что производят в Шотландии?

– Безусловно! Разбавлять не надо. Если только самую малость.

– Я отмерю вам дозу лекарства, а вы сами решите, добавлять ли воду по вкусу. Да и себе, пожалуй, пропишу немного. Творить историю медицины – изнурительное занятие.

8

Доктор Гарсия протер проспиртованной ваткой место укола на руке Джейка Саломона:

– Подождите три минуты. Десять кубиков транквилина успокоят вас так, что сможете на собственную казнь спокойно отправиться.

– Благодарю вас. Доктор Хедрик, что беспокоит Иоганна? Вы не уточнили.

Хедрик покачал головой:

– Пациент отказывается объяснять. Просто требует вас.

– Гм... он узнал? И если так, то что делать?

Хедрик обратился к своему коллеге:

– Доктор Гарсия?

– Мое мнение вам известно. Пациент выздоровел; его слабость – следствие слишком продолжительного постельного режима. Нет больше никаких оснований... медицинских оснований его удерживать.

– А вы что скажете, доктор Розенталь?

Психиатр пожал плечами:

– Человеческий разум – штука удивительная и неизведанная. Чем больше я его изучаю, тем меньше уверен в чем бы то ни было. В одном я согласен с доктором Гарсией: нельзя бесконечно держать пациента привязанным к койке.

– Я вынужден согласиться, – подытожил Хедрик.

Саломон тяжело вздохнул:

– Значит, меня назначили добровольцем.

– Сэр, любой из нас готов составить вам компанию, но пациент ясно дал понять, что не желает с нами разговаривать. Мы будем наготове, если понадобится помощь.

– Опять фокусы с псевдоотключением голосовых мониторов?

– Безусловно. Но на сей раз медсестре позволят оставить вас с пациентом наедине, если пожелаете. *Вы*, а не пациент. Не волнуйтесь, я буду смотреть и слушать по видеосвязи, а доктора Гарсия и Розенталь проследят за показаниями приборов.

– Я не волнуюсь. Наверное, ваше лекарство подействовало. Ладно, я пошел. Раз уж мне выпало объезжать разъяренного быка, лучше сразу взять его за рога.

Иоганн Смит сразу же воскликнул:

– Джейк! Где тебя черти носили?! Ты за три недели лишь однажды меня навестил! Какого черта?

– Я работал. Но тебе этого не понять.

– Думаешь? Физиотерапия – еще какой тяжелый труд. Тебе такого и не снилось, адвокатишка, а мне этим приходится по семь дней в неделю заниматься.

– Иоганн, от одного взгляда на тебя у меня сердце кровью обливается. Может, тебе священника пригласить? Разве Хедрик не говорил, что я слег на десять дней? Мне до сих

пор паршиво, так что подвинься-ка, ленивый ублюдок, и дай мне лечь. Черт, Иоганн, я уже не мальчик; не могу скакать сквозь горящий обруч по каждому щелчку твоих пальцев.

– Хватит, Джейк, со мной эти штучки не пройдут. Сожалею, что ты заболел. Я просил послать тебе букет от моего имени. Получил?

– Да. Спасибо.

– Вот как? Я пошутил. Не отправлял я тебе никакого букета. Подловил тебя, а? Джейк, чрезмерно утруждать человека не в моих правилах, но раз я плачу этому человеку зарплату, то желаю видеть его и слышать о достигнутых результатах.

– Ты не платишь мне зарплату.

– А? Это еще что за новости?

– Когда суд сделал меня твоим опекуном, Маккэмпбелл назначил мне символическое вознаграждение – десять долларов в месяц. Я не могу получать от тебя больше, да и эти деньги как-то не удосужился забрать.

Иоганн глянул на него недоверчиво:

– Это мы быстро исправим! Передай судье Маккэмпбеллу, что я сказал...

– Постой, Иоганн. Это необходимо, чтобы твои внуки сидели тише воды ниже травы. А теперь расскажи, какая муха тебя укусила? Это все из-за миссис Бранки? Я ежедневно докладывал, как мы и условились. Никаких следов. Вот папка с результатами, чтобы ты знал, что я не сижу без дела. Прочтешь? Я вижу, у тебя тут и читающая машинка появилась.

– Читать доклад о безрезультатной работе? Джейк, не дури. Я сержусь на Юнис – черт, даже если она не хотела больше на меня работать, так хоть навестить могла. Но я послал за тобой не поэтому. Сестра?

– Да, сэр?

– Выключите голосовые мониторы и воткнитесь глазами в свой дурацкий ящик. Выберите любую программу, лишь бы погромче. У меня будет личный разговор.

– Хорошо, сэр. – Медсестра поднялась и щелкнула фальшивыми переключателями.

– Сестра.

– Да, мистер Саломон?

– Спросите доктора Хедрика, нельзя ли оставить нас наедине. Не думаю, что мистер Смит устроит дебош только потому, что у меня нет диплома медицинской сестры.

– Мистер Саломон, доктор Хедрик говорит, мы очень быстро поправляемся, – сестра ослепительно улыбнулась, – ведь правда, мистер Смит, мы же молодцы? Поэтому он сказал, что я могу оставить вас в случае необходимости. Если понадобится – нажмите вон ту красную кнопку. – Сестра снова улыбнулась и вышла.

– Ну и ну! – воскликнул Иоганн.

– Что здесь удивительного? Хедрик видит, что ты поправляешься.

– Гм. Бойтесь данайцев, дары приносящих. Джейк, садись поближе, я буду говорить шепотом... боюсь, как бы здесь не

оказалось скрытых микрофонов.

– Старый параноик. Зачем Хедрику нас подслушивать?

– Молодой, а не старый. А с параноиком согласен. Как бы то ни было, никто, кроме тебя, не должен это услышать. Если я вдруг ошибусь, это может сыграть против меня в суде. Так что садись и слушай внимательно. Джейк... *я почти уверен, что мое новое тело – женское!*

У Джейка Саломона зазвенело в ушах, и он порадовался, что Гарсия сделал ему укол.

– Правда? Интересное предположение. И что ты будешь делать, если это так? Отнесешь его обратно и потребуешь заменить?

– Джейк, не мели чепуху. Какое тело есть – такое есть. Быть женщиной, конечно, странно, но половина населения земного шара как-то с этим справляется. И я справлюсь. Но разве не видишь, к чему я клоню? Если моя догадка верна, то понятно, почему мне упорно не дают на себя глядеть. Боятся, что я рехнусь. – Иоганн хохотнул. – Плохо меня знают. Черт, они ведь даже от тебя все скрыли. Все тело под покрывалом, и столько прибамбасов, что не поймешь, мужское оно или женское. А взять это полотенце на голове? Полагаю, волосы у меня уже отросли или отрастают. А по лицу, особенно если оно страшное, пол можно и не угадать.

– Интересная теория. Возможно, так оно и есть. Но как ты пришел к такому выводу?

– Сопоставил целую кучу фактов. Во-первых, мне не дают

ничего делать своими руками, хотя я уже свободно ими двигаю. Только под их контролем во время физиотерапии. Во-вторых, мне не позволяют *притрагиваться* к себе, постоянно пристегивают к койке, якобы для предотвращения «спонтанных судорог», которых у меня давно уже нет. Ладно, черт с ним; раз медсестра ушла, так загляни под покрывало и проверь! Скажи мне, Джейк, *я мужчина или женщина*? Живее, вдруг она вернется?

Саломон не шелохнулся:

– Иоганн.

– Что? Джейк, не тяни уже!

– Ты женщина.

На несколько секунд Иоганн Смит оторопел. Затем произнес:

– Что ж, приятно, когда сомнения разрешаются. По крайней мере, я не спятил – если только «женщина» и «сумасшедший» не синонимы. Джейк, как так вышло?

– Иоганн, я с самого начала знал. Мне было очень тяжело скрывать это от тебя. Врачи действительно считали, что тебе это будет вредно. Ты был очень слаб.

– Говорю же, плохо они меня знают. Вот когда я в шесть лет выяснил, что у девочек не все как у мальчиков, – вот это было потрясение так потрясение. Жила на нашей улице одна девочка... все мне показала. Так как я оказался женщиной? Я на такое не подписывался.

– Почему же?

– А?

– Ты не оставил никаких особых указаний относительно пола или расы. Уточнил лишь, что тело должно быть здоровым, в возрасте от двадцати до сорока, с четвертой группой крови и отрицательным резус-фактором. И все.

Иоганн недоумевающе моргнул:

– Верно. Но я и подумать не мог, что меня могут запихать в женское тело.

– Почему нет? Женское сердце ведь пересаживают мужчинам, и наоборот.

– Правда. И как я не подумал? Впрочем, если бы и подумал, то вряд ли бы стал сокращать свои шансы вполтину. Я не из тех, кто плачет над пролитым молоком. Что ж, раз мне теперь все известно, то дурацкий запрет насчет зеркал можно снять? Скажи этому упертому доктору, что я хочу увидеть себя немедленно и не потерплю больше никаких отговорок! Если понадобится, заболтай его.

– Попробую.

Саломон вызвал медсестру, а сам вышел. Спустя пять минут он вернулся в сопровождении докторов Хедрика, Гарсии и Розенталя, а также другой медсестры, которая принесла зеркало.

– Как ваше самочувствие, мисс Смит? – спросил Хедрик.

Иоганн криво улыбнулся:

– Значит, теперь я «мисс» Смит? Спасибо, чувствую себя гораздо лучше, чем когда меня мучили сомнения. Вы могли

бы сказать мне и несколько недель назад. Я крепче, чем вы думаете.

– Возможно, мисс Смит, но я исходил из того, что считал полезным для моего пациента.

– Я вас не виню. Но раз тайное стало явным, то попросите сестру показать мне, как я выгляжу. Мне весьма любопытно.

– Как скажете, мисс Смит.

Доктор Гарсия попросил сестру у пульта отойти, а сам сел на ее место. Хедрик примостился на одном краю кровати, Розенталь на другом. Тогда Хедрик взял у второй медсестры зеркало и повернул его к пациенту.

Иоганн Смит напряженно всмотрелся в собственное отражение, и любопытство на его – *ее* – лице сменилось сначала удивлением, а затем неподдельным ужасом.

– Господи! Боже мой, что они натворили! Джейк! Ты *знал!*

Лицо адвоката дрожало. Он изо всех сил сдерживал рыдания.

– Да. Иоганн, я знал. Вот почему я не мог ее найти... *она все это время была здесь, с тобой.* Говоря с тобой, я говорил... с ней! – Саломон не выдержал и зарыдал.

– Джейк, как ты мог это допустить? Юнис, моя милая Юнис, прости! *Я не знал!* – Она зарыдала вместе с Саломоном, на октаву выше.

– Доктор Гарсия! – рявкнул Хедрик.

– Я готов!

– Доктор Розенталь, поручаю вам мистера Саломона.

Сестра, помогите, а то он вот-вот лишится чувств. Где этот чертов слюноотсос?!

Спустя пять минут в комнате стало тихо. Пациентка спала под действием снотворного. Убедившись, что мисс Смит ничто не угрожает, доктор Хедрик передал вахту доктору Гарсии и вышел.

Он обнаружил мистера Саломона на койке в комнате наблюдения. Рядом сидел доктор Розенталь со стетоскопом на шее. Хедрик удивленно посмотрел на психиатра. Тот беззвучно пошевелил губами:

– Порядок, – а затем вслух добавил: – Проверьте, все ли я сделал правильно.

– Хорошо. – Хедрик сменил Розенталья у койки, придвинулся поближе, взял Саломона за руку и проверил пульс. – Как вы себя чувствуете?

– Нормально, – хрипло ответил Саломон. – Ну и спектакль я вам устроил, даже стыдно. Как *она*?

– Спит. Вижу, вы к ней очень привязаны.

– Мы *оба* были к ней очень привязаны. Она была сущим ангелом.

– Можете плакать сколько угодно. Слезы умиротворяют душу. Мужчины чувствовали бы себя куда лучше, если бы позволяли себе плакать, как женщины. Верно, Розенталь?

– Абсолютно. Там, где мужские слезы считаются нормой, нет нужды в представителях моей профессии, – улыбнулся

психиатр. – Мистер Саломон, вы в надежных руках, поэтому я позволю себе удалиться. Нужно добавить пару голов в мою коллекцию. Доктор, я вам больше не нужен?

– Идите, Роза. Жду вас завтра утром к десяти. Вместе разбудим пациентку.

– До свидания, доктор Розенталь. Спасибо вам за все, – сказал Саломон.

– Рад был помочь. Не позволяйте этому ветеринару впарить вам порошок от блох.

Розенталь вышел.

– Мистер Саломон, – сказал Хедрик, – в этом дворце куча спален. Не желаете прилечь часов до девяти-десяти вечера? А потом я дам вам таблетку, с которой вы спокойно проспите восемь часов, не мучаясь дурными сновидениями.

– Спасибо, обойдусь.

– Как скажете. Я настаиваю. Но как человек, довольно близко узнавший и заважавший вас в последние месяцы, я должен сказать, что *ваше* состояние беспокоит меня куда больше, чем самочувствие моего пациента. Когда вы назвали ее «ангелом», вы ведь имели в виду донора, а не мисс Смит?

– Что? Да, разумеется. Юнис Бранку. – Лицо Саломона на мгновение исказилось.

– Я не имел чести быть с ней знакомым, а уж ангелов и подавно не встречал; врачи обычно знакомятся с людьми в тяжелые минуты их жизни. Но тело у нее поистине ангельское; мне прежде не доводилось встречать столь здоровых

женщин. Ей было двадцать восемь, но физиологически она была минимум на пять лет моложе. С таким телом она – я имею в виду мисс Смит, мисс Иоганн Смит, – легко перенесет любое потрясение. Но вы испытали не меньший шок, а вы, уж простите, давно не молоды. Не отказывайтесь от хорошего сна...

– Я не хочу спать *здесь*!

– Понятно. Тогда позвольте хотя бы измерить вам давление и снять кардиограмму. Если результаты мне не понравятся, я вызову вашего лечащего врача.

– Он не ездит по вызовам.

Хедрик фыркнул:

– Значит, он не врач; врачи едут туда, где они нужны. Крайне непрофессиональное замечание с моей стороны. Нам полагается делать вид, будто каждый лицензированный медик – святой бессребреник и мудр, как Юпитер, даже если мы знаем, он полный ноль и думает только о деньгах. Прошу вас не ссылаться на меня, если захотите когда-нибудь это повторить; меня могут исключить из профсоюза. Так как насчет осмотра? Согласны?

– Ух. Давайте. И таблетку тоже, но я приму ее дома. Вообще-то, я стараюсь не злоупотреблять лекарствами, но сегодня особый случай.

– Хорошо. Снимите рубашку...

В процессе измерений врач тихо сказал:

– Мистер Саломон, у меня нет квалификации доктора Ро-

зенталя, но если вам захочется выговориться – я буду рад вас выслушать. Я знаю, вас это мучило. Самое тяжелое позади: вы сообщили Иоганну Смиту, что он теперь «мисс» Смит, плюс, что еще хуже, видели, как он... она обнаруживает, что находится в теле своей бывшей секретарши. Так что кризис вы миновали. Если вас мучит что-нибудь еще, скажите. В нашей профессии, как и в вашей, такие разговоры конфиденциальны.

– Я бы поговорил о Юнис, но не знаю, что сказать.

– Начните с того, как такая милая девушка могла погибнуть. По условиям договора я ведь даже не знал ее имени, пока вы не сказали. Я и не интересовался, зная, что все наши процедуры легальны.

– Да, в договоре было условие о неразглашении личности. Не знаю зачем, но подозреваю, что девочка – женщина, весьма способная женщина, которая для меня, старика, всегда была девочкой, – романтично полагала, будто может отдать свое тело боссу в случае, если ей самой оно больше не понадобится, и тот не догадается, чье оно. Глупо, но вполне в ее духе. Я решился рассказать *вам*, кто она, когда стало понятно, что у Иоганна есть шансы на выздоровление. Я знал, что он будет потрясен. Так и вышло.

– Вы поступили правильно. Думаю – и доктор Розенталь со мной согласен, – что у нас бы ни за что не получилось поставить пациентку на ноги, если бы мы не приняли необходимые меры предосторожности и раскрыли ее пол. Особен-

но учитывая близкие отношения между реципиентом и донором.

– «Близкие» – не то слово. Мы очень ее любили. Доктор, я не преувеличиваю. Будь я раза в два моложе, а она не замужем, я бы в лепешку расшибся, чтобы жениться на ней. Уверен, Иоганн тоже. Даже просто узнать о ее гибели стало бы для него шоком, а такое – и подавно.

– Она попала в аварию?

– Если бы. Ее убил грабитель. Вероятно, психопат, но проверить это невозможно, потому что телохранители Иоганна застрелили его на месте. Они немедленно отвезли Юнис в больницу, надеясь спасти, но сохранить удалось лишь ее тело. – Джейк Саломон вздохнул. – От разговора действительно становится легче.

– Хорошо. Как вышло, что охранники Иоганна Смита оказались на месте преступления, но не успели защитить девушку?

– Бедняжка хотела сэкономить десять минут. Она была донором крови – четвертая отрицательная – и...

– А! Так вот почему «мисс Смит» показалась мне знакомой. Я же встречался с ней однажды. Она сдавала кровь для одного из моих больных. Милая девушка, дружелюбная, вежливая, одетая весьма... хм... экзотично.

– Вы хотели сказать «эротично». Давайте называть вещи своими именами. Да, это Юнис. Она знала цену своей красоте и охотно делилась ею с окружающими. Выставляла себя

напоказ.

– Жаль, я не знал ее ближе.

– Если бы вы ее знали, ваша жизнь точно заиграла бы новыми красками. Телохранители Иоганна должны были сопровождать Юнис, когда ее вызывали для сдачи крови. Встретить у дверей квартиры, доставить к машине, отвезти в больницу, дожждаться и привезти обратно. Но тот вызов был срочным. Она живет – жила – на девятнадцатом уровне одного из домов-ульев на севере города. Там есть автомобильный лифт, но бронированная машина Иоганна туда не помещается. Поэтому бедняжка решила сэкономить время и поехала на пассажирском лифте, не дождавшись охранников. Там на нее и напали. Убили.

– Печальная история. Она не знала, что даже в экстренном случае десять минут не сыграют никакой роли?

– Может, знала, а может, нет. Юнис Бранка всегда спешила.

– Жаль. Можете одеваться. Сколько, говорите, вам лет?

– Я не говорил. Вот-вот стукнет семьдесят два.

– Ничего себе. Вы выглядите заметно моложе, если не внешне, то внутренне...

– Спасибо, я и без вас знаю, что лицо у меня страшное.

– Скорее незаурядное. Физиологически вы лет на двадцать моложе своего возраста.

– Я принимаю гормоны.

– Вам они ни к чему. Так вы поедете домой или остане-

тесь? Если останетесь, я бы еще понаблюдал за вашим сердцем. Из профессионального интереса.

(И чтобы удостовериться, что вы не отбросите коньки, ведь сердце после таких потрясений запросто может остановиться.)

– Ну... честно говоря, я устал. Что, если я не стану ужинать и сразу отправлюсь спать? Есть у вас таблетка, которая позволит мне проспать двенадцать часов вместо восьми?

– Конечно.

Скоро Джейк Саломон уже спал в постели. Хедрик поужинал, дал указания ночной смене вызвать его в случае аномальных показаний приборов и тоже отправился спать. Ему никаких таблеток не понадобилось.

Несмотря на большую дозу снотворного, Иоганн Смит спал беспокойно. Находившийся в новом теле старик прошептал:

– Юнис?

(Я здесь, босс. Спите дальше.)

– Хорошо, милая. Я просто хотел знать, куда ты подевалась.

(Не волнуйтесь, я *здесь*.)

Иоганн блаженно улыбнулся и продолжил безмятежно спать, больше не видя дурных снов.

Утренняя сиделка внесла в комнату поднос:

– Доброе утро, мисс Смит! Как мы себя чувствуем?

– Не знаю как вы, а я есть хочу.

– Замечательно! Дорогуша, сегодня у нас горячая овсянка, апельсиновый сок и вареное яичко, а хлебушек тоже в яичке вымочен, чтобы легко было глотать. Сейчас я наклоню кровать...

– Миссис Слоун...

– Да? Слюнявчик надеть?

– Прекратите это, иначе я скажу, куда вам засунуть этот ваш слюнявчик! Снимите покрывало и развяжите меня; я могу есть самостоятельно!

(Босс, не ругайтесь на нее, она вам добра желает.)
(Юнис?!)(Конечно я, кто же еще? Я ведь обещала, что больше никуда не уйду.) (Но...) (Тсс, послушайте ее.)

– Мисс Смит, вы прекрасно понимаете, что я не могу этого сделать. Потерпите, дорогуша. Только понюхайте, как вкусно пахнет!

– Ну... Наверное, вы не можете отвязать меня без разрешения доктора Хедрика. Простите за грубость. – (Вот, босс, так-то лучше!) – Но умоляю, не надо кормить меня с ложечки. Лучше сходите к доктору Хедрику и скажите, что я опять привередничаю. И если он откажется выполнять мои необос-

нованные требования, то пускай звонит мистеру Саломону. Любую еду, которую попытаются в меня впихнуть, пока у меня связаны руки, я выплуну в потолок!

(Юнис, так лучше?) (Немного. Процентом на десять.) (Тьфу, я *не привык* вести себя как благовоспитанная леди.) (Босс, я вас научу.) (Юнис, милая, ты правда здесь? Или у меня действительно сорвало крышу, как предсказывали врачи?) (Давайте обсудим это позже... сейчас вам предстоит беседа с доктором. Даже не думайте упоминать обо мне. Иначе они никогда не развяжут нам руки. Вы же это понимаете?) (Еще бы! Думаешь, я псих?) (Это, как выразился бы Джейк, не имеет отношения к делу. Главное, чтобы доктор Хедрик и остальные не узнали, что я здесь, иначе они точно сочтут, что вы спятили. Все, замолкаю.) (Не уходи!) (Босс, я уже никогда никуда не уйду, я просто помолчу. Впредь будем разговаривать наедине, если только вы опять чего-нибудь не учудите.) (Почать меня вздумала?)

В голове раздался ее смешок.

(А раньше я чем занималась? А, босс? Шухер, полиция!)

Вошел доктор Хедрик, за ним доктор Гарсия:

– Доброе утро, мисс Смит.

– Доброе утро, джентльмены.

– Сестра говорит, что вы хотите есть самостоятельно.

– Верно, но это не все. Я хочу, чтобы меня отвязали и отстегнули. Полностью.

– Мы не возражаем, чтобы вы ели сами. Пора трениро-

ваться. А вот насчет остального надо подумать.

– Доктор, прекращайте балаган. Если вы не готовы освободить меня, то к черту завтрак. С голоду я не помру. Вызовите моего адвоката.

– Мистер Саломон здесь.

– Так приведите его!

– Минутку. – Доктор Хедрик переглянулся с усевшимся у пульта доктором Гарсией. Тот кивнул. – Мисс Смит, быть может, вы согласитесь на разумный компромисс? По крайней мере, выслушайте нас.

– Выслушаю. Но... – (Босс, заткнитесь!) – Ладно, говорите.

– Вам известно, что мистер Саломон – человек пожилой. Вчера у него выдался тяжелый день. Я убедил его остаться здесь и отдохнуть. Он только проснулся и, в отличие от нас с доктором Гарсией, еще не успел позавтракать. Мы ели уже достаточно давно и были бы не прочь перекусить. Мы готовы освободить вам руки, чтобы вы ели самостоятельно, однако все, что ниже пояса... сами понимаете, там разная сантехника, трубки и прочее... На это потребуется значительное время. Вот мое предложение: пригласите мистера Саломона позавтракать вместе, а мы перекусим с вами за компанию. Заодно обсудим, что делать дальше. Я подчинюсь вашему опекуну... адвокату и сложу с себя полномочия вашего лечащего врача, если он сочтет это необходимым.

– Мой опекун... Хорошо, поступим так, как он решит.

Доктор Хедрик, надеюсь, заменять вас не придется. Я знаю, что со мной трудно. Прошу прощения. Вы сотворили настоящее чудо, и я вам крайне признателен.

– Спасибо, мисс Смит.

– Охотно позавтракаю с вами... если вы любезно освободите мне руки.

(Босс!) (Крошка, что не так? Я вроде бы вел себя как настоящая леди?) (Да, но *не соглашайтесь завтракать с джентльменами, пока мы в таком виде!* Не покрашены, волосы наверняка растрепаны. Ужас!) (Дорогая, это всего-навсего врачи и Джейк.) (Это дело принципа! Мне лучше знать, как должна выглядеть девушка! Я хоть раз приходила на работу без макияжа и прически? Да я постоянно вставала ни свет ни заря, чтобы прихорошиться ради вас. Помните?)

– Мисс Смит, у вас что-то болит?

– А? Простите, доктор, задумался... *задумалась*. Раз мне предстоит завтракать в обществе джентльменов, то пора учиться вести себя по-дамски, не так ли? Это непривычно. Я ведь не покрашена?

Хедрик опешил:

– Вы имеете в виду губную помаду?..

– Все, что женщины намазывают себе на лицо. Наверняка не только помаду. А еще мне нужно причесаться. У меня вообще волосы есть?

– Безусловно. Короткие, но вполне здоровые и густые.

– Хорошо. Приятно знать, что у меня не пластиковый че-

реп и мне не придется носить парик.

– Без небольшого восстановительного протезирования не обошлось, но доктор Бойл сохранил кожу головы, и протез абсолютно незаметен. – Хедрик улыбнулся. – Он прочнее кости, прекрасно обеспечивает кровоснабжение и рост волос. Они просто не успели отрасти.

– Прекрасно. А перхоти у меня нет?

– Не замечал.

– Ладно, потом проверю. Доктор, перед приемом гостей я хотела бы прихорошиться. Попросите слугу отнести мистеру Саломону чашечку кофе и стакан апельсинового сока вместе с нашим приглашением на завтрак, и, я уверена, он не откажется немного подождать.

(Юнис, как у меня получается?) (Прекрасно, мой старичок!)

Доктор Хедрик растерялся:

– Мисс Смит, когда мы собирали команду, я подготовился к любым экстренным случаям, обеспечил все необходимое оборудование и лекарства. Но губную помаду у меня просят первый раз.

– Доктор, я не прошу *вас*. В дамской комнате на первом этаже должно быть достаточно помады любого цвета и много другой косметики. Если нет, то кому-то хорошенько влетит. Пускай медсестра спустится. Та рыженькая красотка – Минни? Джинни? Короче говоря, мисс Герстен. Она наверняка разбирается в косметике.

(Не сомневаюсь, босс. Волосы-то у нее крашенные!) (Мяу! Помолчи, киска.) (Босс, я не ерничаю. Она вполне неплохо выглядит даже в ее дурацком халате.)

– Винифред Герстен, – поправил доктор Гарсия. – Сестра, найдите Винни инесите поднос с едой, она остыла.

Спустя сорок минут мисс Иоганн Смит была готова принимать гостей. Волосы начесали, на лицо рыжая медсестра наложила умеренно смелый макияж, и, когда поднесли зеркало, второй внутренний голос одобрил результат – нехотя, как показалось Иоганну.

(Я могу лучше, но пока стодится.)

Кровать была оборудована подъемным механизмом, благодаря которому мисс Смит могла сидеть. Ей где-то отыскали симпатичный халатик в тон глазам, но главное – освободили руки.

Руки дрожали. Она приписала это волнению и решила не есть ничего, чем можно заляпать одежду, раз не сможет уверенно держать вилку. К тому же от перевозбуждения есть уже не хотелось.

(Босс, дорогой, успокойтесь. Положитесь на меня.)

(Но...)

(Никаких «но». Я кормила себя много лет. Тело все помнит. Босс, вы развлекайте джентльменов, а я позабочусь о калориях. А теперь тише, они идут.)

– Можно войти?

– Конечно, господа. Доброе утро, Джейк. Надеюсь, ты хо-

рошо выспался?

(Босс, протяните ему руку.)

– Как младенец.

– Отлично. Я тоже. – Мисс Иоганн протянула левую руку – ту, что была ближе. – Смотрите, Джейк, мои руки свободны!

Саломон наклонился к руке и, после некоторого промедления, коснулся ее губами. Иоганн так удивился, что едва не отдернул руку.

(Боже милостивый! Джейк меня что, за педика принимает?! (Он считает вас красивой девушкой, и у него на то есть все основания. Поверьте мне, босс. Давайте обсудим Джейка позднее, а пока поприветствуйте вашего психиатра.)

– Я заявился без приглашения, – сказал доктор Розенталь. – Можно войти, мисс Смит?

– Разумеется. Кому-то нужно будет убедить остальных джентльменов, что в моей голове нет тараканов. Доктор, я на вас рассчитываю.

Психиатр улыбнулся:

– С вами сложно будет поспорить. Со вчерашнего дня вы будто преобразились. Чудесно выглядите... мисс Смит.

Мисс Смит с улыбкой подала ему руку. Доктор Розенталь нагнулся и поцеловал ее – не торопливо и робко, как Саломон, а неспешно и чувственно. По коже пробежала дрожь.

(Это еще что?) (Босс, не ложитесь к нему на кушетку – он тот еще кобель, по глазам вижу.)

Психиатр задержал руку мисс Смит на мгновение дольше,

чем требовалось, затем улыбнулся и отошел в сторону. У той мелькнула мысль спросить Розенталя, со всеми ли пациентками он так обходится. Спрашивать она не стала, но ощутила легкую досаду оттого, что два других врача не продемонстрировали той же учтивости. Йонни Шмидт родился во времена, когда целовать дамам руки было не принято; Иоганн Смит такого обыкновения не имел, а вот мисс Иоганн Смит чувствовала, что к этому глупому ритуалу легко привыкаешь. Она покраснела.

Ее спас раздавшийся с порога голос дворецкого:

– Можно подавать завтрак, мисс Смит?

– Каннингем! Приятно вас видеть! Конечно несите. –

Она задумалась, кто распорядился сделать завтрак официальным.

Дворецкий, глядя поверх ее головы, произнес без всякого выражения:

– Благодарю, мисс.

Это совершенно не походило на Каннингема. Дворецкий, как и все слуги мужского пола (и некоторые женского), был грозен; один его вид внушал страх репортерам.

(Бедняга до смерти напуган!) (Еще бы. Босс, успокойте его.)

– Однако прежде подойдите ближе, Каннингем.

– Слушаюсь, мисс. – Дворецкий сделал несколько осторожных шагов и остановился на очень почтительном расстоянии.

– Ближе. Смотрите на меня и не отводите глаз. Каннингем, мой новый облик стал для вас потрясением?

Каннингем молча сглотнул; его кадык дрогнул.

– Будьте честны, – твердо сказала хозяйка. – Конечно стал. Но если вам не по себе, то представьте, каково *мне*. До вчерашнего дня я даже не знала, что стала женщиной. Мне предстоит привыкнуть к новому облику, и вам тоже. Запомните: внутри я все тот же вздорный, высокомерный, неблагодарный старый хрыч, который девятнадцать лет назад нанял вас привратником. Я буду по-прежнему требовать безупречного обслуживания, не замечать его и так же редко говорить «спасибо». Понятно?

Дворецкий едва заметно улыбнулся:

– Да, сэ... то есть да, мисс.

– Вам нужно привыкнуть говорить «да, мисс», а мне – привыкнуть это слышать. Придется нам, старым псам, выучить новые штуки. Как поясница миссис Каннингем?

– Чуть лучше, она говорит. Спасибо, мисс.

– Хорошо. Передайте Мэри мой привет. Можно подавать.

Бранч прошел почти весело. Хозяйка пригубила вино, когда Каннингем налил ей на пробу, одобрила выбор, но от полного бокала отказалась. Одного маленького глотка хватило, чтобы почувствовать крепкий, как у бренди, вкус и неожиданно яркий, богатый букет. Однако, судя по бутылке, это было пристойное, но ничем не примечательное шабли. Решив не рисковать, она предпочла апельсиновый сок.

Разговаривали оживленно и обращались по большей части к хозяйке. О ее статусе пациентки забыли; мужчины боролись за ее внимание, и мисс Йоганн это нравилось. Она часто смеялась, отвечала на остроты и сама чувствовала себя остроумной.

Лишь Джейк почти не притронулся к еде и постоянно смотрел на хозяйку. Стоило взглянуть на него в ответ, как он отводил глаза. Бедняга Джейк.

(Юнис, что нам делать с Джейком?) (Потом, босс, не все сразу.)

Когда Каннингем подошел забрать ее поднос, она с изумлением обнаружила, что омлет, два сэндвича с беконом, стакан сока, полстакана молока и одна из трех сосисок невероятным образом исчезли.

– Кофе, мисс?

– Не знаю. Доктор Хедрик, мне можно кофе?

– Мисс Смит, раз вы можете есть сидя, нет причин запрещать вам есть или пить все, что захочется.

– Тогда я отведу душу. Первый кофе, который мне разрешили за десять лет. Мне маленькую чашечку, а джентльменам большие. Каннингем, у нас есть «Мумм» девяносто седьмого года во льду?

– Конечно, мисс.

– Подайте. – Она немного повысила голос: – А слабаки, которые по утрам шампанское не пьют, могут тихонько выскользнуть за дверь!

Никто не вышел. Когда бокалы наполнились пузырящейся жидкостью, доктор Хедрик предложил тост:

– Джентльмены, – он дождался, пока все мужчины встанут. Иоганн тоже подняла бокал, – за нашу прекрасную и любезную хозяйку! Долгих ей лет!

Раздались возгласы:

– Аминь! Ура! – и звон бьющегося стекла.

Иоганн прослезилась:

– Благодарю вас, джентльмены. Каннингем, новые бокалы.

Когда дворецкий разлил шампанское каждому, она сказала:

– Я хочу предложить еще один тост. – Она сделала паузу, затем продолжила: – За доктора Бойла... и за тебя, мой старый друг Джейк. Без твоей помощи меня бы здесь не было... И за вас, доктор Хедрик, и за всех врачей, что помогали вам и доктору Бойлу... за всех медсестер, которым приходилось терпеть мое хамство. Но этот тост подождет. Я хочу попросить вас почтить... – слезы текли у нее из глаз, голос упал почти до шепота, – память милейшей, добрейшей и самой внимательной девушки на свете... Юнис Бранки.

Все выпили молча. А затем Джейк Саломон обмяк и закрыл лицо руками.

Доктор Хедрик бросился ему на помощь, доктор Гарсия за ним. Иоганн беспомощно смотрела на них.

(Ох, мне стоило это предугадать! Но я ведь от чистого

сердца, дорогая моя.) (Босс, я знаю. Я вам очень признательна. Все хорошо. Джейк должен смириться с моей смертью. И вы тоже.) (Юнис, ты умерла? Правда?) (Босс, не волнуйтесь. Я все равно буду рядом и никогда вас не брошу. Я ведь пообещала. А когда я нарушала обещания?) (Никогда.) (Тогда верьте мне. А сейчас нужно позаботиться о Джейке.) (Как, милая?) (Узнаете, когда придет время. Поговорим наедине.)

Подошел доктор Розенталь:

– Моя дорогая, вам нехорошо?

– Все нормально. Я просто ужасно беспокоюсь за мистера Саломона. Что с ним?

– С ним все будет хорошо. Не волнуйтесь за мистера Саломона. Да, вы вызвали еще один катарсис, который был ему нужен, иначе бы этого не произошло. Что до его физического состояния, то им займется доктор Хедрик... а в карьере Курта Хедрика еще не случалось летальных исходов среди пациентов. У вас дома есть все необходимые лекарства... да и мистер Саломон даже не болен; ему просто необходим отдых и успокоительное.

Покуда прислуга выносила посуду, обеденный стол и стулья, доктор Розенталь сидел с хозяйкой. Наконец вернулся доктор Хедрик с доктором Гарсией.

– Как он? – спросила Иоганн.

– В полусне. Сожалеет, что «устроил сцену» и «причинил неудобства» – его слова. Но не сильно, потому что лекарство, которое я ему дал, не позволяет пациенту долго заниматься

самобичеванием. А как *вы*?

– Хоть в космос посылай, – ответил за нее Розенталь.

– На мониторах тоже без отклонений. Можем продолжать совещание. Мисс Смит, пока вы прихорашивались перед завтраком, я переговорил с мистером Саломоном и получил его одобрение. Я слагаю с себя полномочия вашего лечащего врача.

– Как же так, доктор Хедрик?! Я против!

– Не сердитесь, моя дорогая. Это значит, что вы поправились. Вы здоровы. Вам еще нужно набраться сил, нужен уход, но я вас не бросаю, а перепоручаю доктору Гарсии.

Иоганн посмотрела на Гарсию. Тот кивнул:

– Не волнуйтесь, мисс Смит.

– Но... доктор Хедрик, вы ведь будете меня навещать?

– С радостью. Но не ждите меня скоро. Видите ли... Тут готовится весьма интересная операция по пересадке, которую больше нельзя откладывать. Процедура радикальная, пересаживают сразу сердце и легкие. Теперь все готово, и утром меня пригласили в ней участвовать. Я обещал подумать, но, когда увидел вас сегодня, сразу понял, что у меня нет причин отказываться. Я уже перезвонил и дал согласие. Разумеется, после консультаций с доктором Гарсией и мистером Саломоном. – Хедрик живо улыбнулся. – Поэтому, если позволите, я вас покину.

Иоганн со вздохом протянула руку:

– Поступайте, как считаете нужным.

Хедрик склонился над ее рукой. Доктор Розенталь шутливо спросил:

– Ватку со спиртом дать?

– Идите к черту, Рози! – огрызнулся Хедрик и поцеловал руку.

Иоганн показалось, что он мусолил ее в два раза дольше, чем доктор Розенталь. У нее по коже пошли мурашки, а внутри возникло невероятно странное ощущение. Да, раз уж она женщина, нужно поощрять эту традицию.

(Босс, хотите с ним переспать?) (Юнис!) (Босс, не юлите! Мы с вами теперь сиамские близнецы и ничего не должны друг от дружки скрывать. Вы много лет хотели со мной переспать, но не могли. Вы знали, что хотите этого, и я тоже знала, мы просто никогда об этом не говорили. Со мной вы по-прежнему переспать не можете, но можете с *ним*, если хотите... и это лучший способ его отблагодарить. Только будьте осторожны, дорогуша. Переспите с ним здесь, где вас никто не застукает. У него ревнивая жена, это по всему видно.) (Юнис, что за вздор? Как ты можешь такое предлагать? Я был лучшего о тебе мнения. Ты же хорошая девочка – да и сама замужем!) (А вот и нет, дорогуша! Я уже не замужем! Брак был в силе, «пока смерть нас не разлучит», а я теперь призрак. Впрочем, о моем муже – стереть, заменить, – вдове Джо Бранке нам тоже нужно будет поговорить. Док сейчас уйдет, так что поспешите и томно улыбнитесь ему, если я угадала ваши помыслы. А я угадала.)

Мисс Смит облизнула губы и улыбнулась:

– До свидания, доктор. Я с вами не прощаюсь. Возвращайтесь скорее.

(А вы быстро учитесь, дорогуша!)

– Мисс Смит, – сказал доктор Гарсия.

– Да, доктор?

– Если вы готовы, я позову сестер и мы отсоединим вас от приборов. Если хотите, под общим наркозом. Я думаю, что хватит и местного обезболивания. А чтобы вам не видеть, как я буду возиться, поставим подбородочный экран. Будем проецировать на него книгу, которую вам хотелось бы прочитать, и включим музыку.

– Музыка меня устроит, а вот читать не хочется. Давайте местную анестезию. А можно и вообще без нее, боль меня не беспокоит.

– А меня беспокоит. Поэтому будем делать с местной анестезией.

Больше часа ей пришлось слушать записи нестареющих музыкальных хитов, начиная с классического рока, к которому Иоганн так и не привык, и заканчивая народными песнями, популярными еще до рождения Ионни Шмидта. Манипуляции и прикосновения к телу были даже приятными; сам факт наличия тела после многих дней паралича (и страха навеки остаться овощем, в котором Иоганн Смит в эти дни до конца не признавался даже себе) уже был замечателен, а то, что это тело оказалось таким чувствительным, – и подавно.

Не то что прежняя старая развалина! Последние десять-пятнадцать лет у того тела было единственное достоинство: оно худо-бедно функционировало. Как тот древний, сменивший полдесятка владельцев «Форд-Т», который Иоганн с четырьмя другими юными оболтусами купил за семьдесят долларов в Балтиморе и перегнал через полстраны без фар, тормозов (их заменял задний ход), без прав (какие такие права?), без инструментов, без ничего. Но крепкая неказистая машинка пыхтела тремя цилиндрами (не всегда одними и теми же) и катилась на (предполагаемой) скорости двадцать пять миль в час. Им приходилось то и дело останавливаться и поливать спицы водой, чтобы те не выпали.

Наконец на грунтовой дороге посреди Миссури автомобиль чихнул и встал. Запах не оставлял сомнений – сгорела проводка. Йонни ее починил: обернул сгоревшую изоляцию туалетной бумагой, перевязал бечевкой, потом завел колымагу кривым стартером, и та запыхтела как прежде.

«Где теперь этот крепкий старый драндулет?» – подумала она. И что случилось с ее мужским телом? По завещанию Иоганна оно должно было отойти медицинскому центру, но раз Иоганн не совсем умер, то завещание не вступило в силу. Заспиртовали то тело? Или просто выкинули на помойку? Надо бы спросить.

Несколько раз она почувствовала, как из нее что-то вытаскивают, что вроде бы должно было доставить неприятные ощущения, но почему-то не доставило. Лишь однажды тело

пронзила острая боль, на которую Иоганн не обратила внимания. Потом она почувствовала тошнотворный кисло-сладкий запах и уже почти попросила включить вентиляционную систему, но решила промолчать. Вскоре запах улетучился, и стало ясно, что ее моют.

Две медсестры сменили простыни и подушки, убрали подбородачный экран. Третья все это время придерживала мисс Смит. Затем две сестры вынесли из комнаты бельевую корзину.

– Готово, – сказал доктор Гарсия. – Не так уж неприятно?

– Ничуть. Чувствую себя превосходно. – Она пошевелила пальцами ног, развела и свела бедра. – Превосходно! Теперь я свободна! Доктор, раз меня отключили от мониторов, не говоря уже о канализации, может, избавимся от этой навороченной больничной койки? Чем раньше я переберусь в нормальную постель, тем скорее перестану чувствовать себя инвалидом.

– Гм... а стоит ли спешить? Эта кровать подходящей высоты для процедур – массажа и прочего – и оборудована перилами, которые можно поднимать на время вашего сна. Мисс Смит, каждая медсестра больше всего на свете боится, что больной упадет с кровати.

– Кто я, по-вашему? Новорожденный ребенок?

– Именно, мисс. Ребенок, еще не вполне владеющий своим телом. Дети часто падают. Но я не позволю вам падать. Ни во сне, ни когда будете учиться ходить, ни тем более в

ванне, которую вы очень скоро захотите принять.

(Босс, успокойнее!)

– Доктор, я буду выполнять все ваши указания. Но моя обычная постель тоже многофункциональна. Она оборудована гидроподъемником, а по нажатию кнопки подстраивается под контуры тела. Ее можно поднять на такую же высоту, как эту, и даже выше и опустить до уровня десяти дюймов от пола. Можно сделать то же самое с этой койкой?

– Гм. Нет.

– Мне и впрямь случилось упасть с кровати, лет десять назад. Так испугался, что сразу заказал специальную. Пока еще ходил, устанавливал самую удобную высоту – чуть ниже пояса, чтобы в нее забираться, а для сна опускал к полу.

– Гм. Давайте найдем компромисс. Пообещайте *всегда* опускать ее на минимальную высоту сразу, как ляжете. Даже если не собираетесь спать.

Она улыбнулась:

– Могу дать письменное обязательство, заверить нотариально и внести залог.

– Вряд ли необходимо заходить так далеко. Мисс Смит, нам больше нет нужды постоянно наблюдать за всеми ста тридцатью показателями. Но пока вы не вернетесь к нормальной жизни, я хотел бы следить за вашим сердечным ритмом и дыханием. Койка с системой жизнеобеспечения нужна в первую очередь для этого. Однако мы можем прикрепить вам на грудь передатчик – совсем небольшой, весом в

пол-унции и размером с долларovou монету, – и тогда эта кровать больше не понадобится. Вы даже его не заметите. Его можно не снимать при мытье – он водонепроницаем и цепляется за вас, как бедный родственник.

Она снова улыбнулась:

– Цепляйте!

– Пойду принесу. И позову сестер, чтобы заменили кровать.

– У них не получится. Тут нужна пара здоровенных детей и лебедка. Скажите Каннингему. Но это не к спеху. К слову, о медсестрах – Винни, сходи сполосни ручки. Нам с доктором нужно поболтать.

Рыжеволосая медсестра улыбнулась:

– Дорогуша, я все слышала. Не обращайтесь на меня внимания.

– Винни, спасибо, что навела на меня красоту, когда я сама не могла. Но дело вот в чем. Снаружи я женщина, а внутри – по-прежнему упертый старый хрыч, которому неловко, до смерти неловко обсуждать интимные вопросы в присутствии симпатичной девушки. А обсудить их надо.

– Мисс Герстен, сходите на пост наблюдения и сделайте перерыв. Я вас вызову.

– Хорошо, доктор.

Когда она вышла, Иоганн спросила:

– Уверены, что все микрофоны выключены?

– Мисс Смит, нас никто не услышит.

– Зовите меня Иоганн. Док, разговор будет чисто мужской... и мне стыдно говорить об этом даже с женщиной. Ладно, первый вопрос. У меня в последние несколько дней были... месячные?

Гарсия искренне удивился:

– Вы догадались? Да, у вас только что закончилась менструация. Мы убрали последний тампон во время недавней процедуры; новый не понадобится. Но как вы заметили? Я вроде заранее это предусмотрел и дал вам *bolshoi* обезболивающее. У вас были менструальные боли?

– Ни малейших. Просто чувствовалось, что-то не так... там, внизу... тогда же возникла догадка относительно моего пола. – Она задумалась. – Возможно, дело в тампонах. Там ощущалось что-то чужеродное, а теперь это ощущение прошло.

– Возможно. Обычно в больницах мы пользуемся гигиеническими прокладками, но со всеми этими трубками и прочими штуковинами они бы сильно мешали. Не думал, что вы почувствуете тампон под обезболивающими. Вопреки распространенному мнению, влагалище – далеко не самый чувствительный орган.

– Вот как? Зато мое – вполне! Мне только не удавалось понять, что это за ощущение.

– Тогда ваш случай уникален. Мисс... простите, Иоганн, вас еще что-нибудь беспокоит?

– Нет. Скажите, а мне проводили... как оно там называ-

ется, обследование по женской части?

– Конечно. Вас смотрел лучший гинеколог города доктор Кистра. Первый раз – когда вы были парализованы. Второй – когда спинной мозг сросся, но еще вы были без сознания. Все в порядке.

– Предоставьте мне подробный отчет. Док, черт побери, это теперь мое тело, а я знаю о том, как быть женщиной, меньше, чем моя гроссмуттер знала о самолетах. То есть ничего.

– Если хотите, я сделаю выписку из медицинской карты...

– Конечно!

– ...но я могу объяснить и более понятным языком.

– Давайте.

– У вас здоровое женское тело, физиологический возраст – около двадцати пяти лет, фактический – чуть старше, насколько мне известно. Молочные железы девственны – это не значит, что вы девственница; лишь то, что вы никогда не кормили грудью. Следы полостных операций отсутствуют, вследствие чего можно сделать вывод, что аппендикс у вас на месте и маточные трубы не тронуты...

– То есть я могу забеременеть.

– ...что подтвердилось инфуляцией, когда вы были парализованы. Вы не просто *можете* забеременеть, вы *обязательно* забеременеете, если только не будете полностью воздерживаться от половой жизни, – и даже если таковы ваши намерения, я все равно рекомендую воспользоваться пре-

вентивными мерами контрацепции, скажем поставить ягодичный гормональный имплант на полгода. Как говорится, «не с тобой одним, зверек, такие шутки шутит рок». С женщинами тоже. Особенно с женщинами. Поскольку у вас отрицательный резус, в случае шести потенциальных отцов из семи вы рискуете родить неполноценного или мертвого ребенка. Дело можно поправить, если узнать вовремя, но незапланированная беременность может окончиться трагически. Поэтому постарайтесь ее спланировать, а все остальное время предохраняйтесь.

– Док, с чего вы взяли, что я забеременею? Даже если когда-нибудь выйду замуж, чего я делать не собираюсь? Черт, да у меня было лишь несколько часов, чтобы свыкнуться с мыслью, что я женщина; мне рано думать об *активном* женском поведении. Даже и в таком случае, как одна бабка сказала, «тыщу раз давала, ни разу не рожала».

– Если вы нормально освоитесь с тем, что вы женщина, то будете жить половой жизнью. Иначе рано или поздно окажетесь на исповедальной кушетке у доктора Розенталя или в монастыре. Иоганн, у вашего нового тела идеальный гормональный баланс, из этого и надо исходить. Удалять маточные трубы – не выход. Однажды вы можете об этом пожалеть и впасть в непреодолимую депрессию. А что до бабки, то она не права. Хотя бы потому, что вы уже рожали.

– *Что?!*

(Босс, не лезьте не в свое дело, я сама расскажу, если будет

надо.) (Юнис, замолчи!)

Гарсия удивился:

– Вы не знали? Я полагал, раз тело принадлежало вашей секретарше, то вы знали, что у нее есть ребенок. Или дети.

– Не знал и не верю в это.

Служба безопасности наверняка раскопала бы такой очевидный факт... тем более что Юнис никогда не уходила в отпуск на такой срок, за который можно тайно родить ребенка.

– Боюсь, придется поверить... э... Иоганн. У вас растяжки на животе и ягодицах – они почти незаметны, если кожа незагорелая, да и тогда их легко скрыть косметическими средствами. Но они есть. Конечно, это не стопроцентный признак. Растяжки у женщин и даже у мужчин могут появиться от ожирения, но, как правило, они сигнализируют о прошлой беременности. Но главное доказательство – внешний вид шейки матки. У рожавших женщин она выглядит иначе. Различия заметит даже неспециалист. Вашу я видел лично. Доказательства налицо. Могу сделать фото, если не верите.

(Босс, остановитесь!)

– Хорошо. С вашими доводами не поспоришь.

– Взглянуть на фото вам бы все равно не помешало. Глядишь, будете вести себя осторожнее. Не в укор миссис Бранке, разумеется. Просто предупреждаю, что аппарат по производству детей, который вы от нее унаследовали, абсолютно исправен и будет готов к работе каждый лунный месяц.

Скажем, дней через десять.

– Буду проявлять осторожность.

– Лекция о контрацепции нужна?

– Нет. – Она криво усмехнулась. – Как я понимаю, у меня есть по меньшей мере неделя, прежде чем мне потребуется пояс целомудрия.

– Примерно. По статистике. Но, Иоганн... нет, в данном случае – мисс Смит, знаете, как врачи называют девушек, которые полагаются на календарь?

– Нет. Как?

– «Мамочками».

– А. О!

– Так что не тяните слишком долго. Еще вопросы?

– На сегодня все. Доктор, мне нужно переварить полученную информацию. Спасибо.

– Не за что, мисс Смит. Ну что, меняем кровать?

– Я попрошу Каннингема чуть позже. Хочу сперва отдохнуть. Доктор, прилепите мне этот ваш датчик и попросите сестер не беспокоить меня ближайшие часа два.

– Конечно. Но только если вы позволите поднять перила; эта кровать не опускается к полу.

– Разумеется.

(Ну, Юнис?) (Так вы все-таки хотите услышать историю про моего маленького ублюдка? Босс, какой же вы гадкий.) (Милая, если не хочешь рассказывать – я настаивать не буду. Даже если у тебя тройня от магрибского макака, я все равно тебя люблю.) (Сладкоречивый старый лицемер. Вы же стораєте от любопытства!) (Черта с два я «стораю». Это твое дело, и ничье больше.) (Да не сердитесь вы, босс. Мои дела теперь ваши дела. Мы с вами не разлей вода... и если в вашем старом озабоченном мозгу остались какие-то сомнения, то знайте, я рада, что так вышло. Вы вернули меня к жизни, когда я была мертва как народные песни. Теперь я счастлива. Так что спрашивайте, я отвечу.) (Ладно, дорогуша. Так как ты умудрилась родить? Где время нашла? В твоей биографии, начиная со старшей школы, все чисто.)

(Босс, а в докладе вашей службы безопасности упоминалось, что в старших классах я пропустила полугодие из-за ревматической лихорадки?) (Дай подумать. Да, припоминаю.) (Вот. Лихорадка была не ревматической, а романтической. Мне было пятнадцать, я состояла в группе поддержки баскетбольной команды. Ребята стали чемпионами региональной лиги, а я на радостях залетела.) («Залетела»? Юнис, приличные девушки так не выражаются.) (Ох, босс, иногда вы меня просто бесите. По вашим стандартам мне далеко до

приличной девушки. Но у меня не меньше прав, чем у вас, находиться внутри этой черепной коробки, а может, и больше, так что не учите меня изъясняться лексиконом вашей мамочки. Раньше я хотя бы Джо могла пожаловаться на ваши ханжеские попреки, а теперь некому.)

(Юнис, прости.)

(Ладно, босс. Я на вас не в обиде. Раз судьба соединила нас таким образом, давайте расслабимся и будем получать удовольствие. Если захотите, потом я научу вас быть женщиной, но пока слушайте и не перебивайте.)

Призрачный голос начал произносить слова, запрещенные в далекие дни Иоганновой юности.

(Юнис! Дорогая, тебе это не к лицу!)

(Босс, тише. Я закончу, даже если у вас полетят все предохранители.)

Черета слов продолжилась...

(Вот, пожалуй, хватит. Это полный перечень слов, которые я зареклась произносить в вашем присутствии. А теперь скажите, было ли среди них *хоть одно*, вам неизвестное?)

(Дело не в этом. Зачем вообще произносить слова, оскорбительные для других?)

(Вот я и не произносила. Публично. Но теперь я дома – по крайней мере, мне так кажется. Или мне снова уйти?)

(Нет, нет, нет! А ты разве уходила?) (Еще как. Босс, я же вроде бы умерла. Но теперь я здесь и, с вашего позволения, не хочу никуда уходить. Но это зависит от того, смогу ли я

расслабиться и быть собой, а не трястись над каждым словом, чтобы ненароком вас не оскорбить. Не вижу, каким образом длинные слова латинского происхождения делают меня более воспитанной, чем короткие слова с тем же смыслом. Мы с вами теперь думаем одним мозгом – вашим, – едим одним и тем же ртом – моим – и пишем из одной дырки, так почему бы нам не использовать один словарный запас? К слову, неплохо бы пописать... ах, простите, сэръ, я хотела сказать «опорожнить мочевого пузыря»...)

(Не ерничай, девчонка!)

(Кого это вы девчонкой называете, а, девчонка? Потрогайте-ка себя, давайте, давайте – чувствуете? Неплохие сиськи, а, босс? Помню, как вы на них пялились. Старый козел. У меня аж мурашки по коже бегали. Так вот, раз катетер убрали, то нам очень скоро нужно будет позвонить и вызвать сестру с судном... и у меня не получится покинуть комнату, пока вы пишете. Даже пробовать не хочу – там темно, и я боюсь, что не найду пути назад. Так что либо привыкайте, если не хотите прогонять меня навсегда, либо ваш новый замечательный мочевого пузырь сейчас лопнет.)

(Ладно, Юнис, я понял.)

(Босс, вы снова обиделись?)

(Юнис, я никогда на тебя не обижался. Иногда удивлялся, иногда поражался, а чаще всего наслаждался тем, что ты говоришь и делаешь. Но я ни разу не обижался на тебя. И даже этот твой список грубых слов меня не оскорбил.)

(Ну... раз вы и так все их знали, то и не должны были оскорбиться. А если не знали, то тем более.)

(Хорошо, милая, я постараюсь больше не поправлять тебя. Но заметь – все эти слова были в обиходе задолго до рождения твоей матери. Возможно, даже до рождения твоей бабушки.) (Моей бабуле шестьдесят восемь.) (Вот, значит, я узнал все эти слова и произносил их еще до рождения твоей бабушки – и делал это с удовольствием, ведь тогда они считались греховными. А сейчас для вас, детишек, они вполне обычны.)

(Да, это просто слова. Краткояз.)

(Не краткояз, поскольку они употреблялись до того, как видео испортило язык. Кроме одного... как там... «фримпаться»?)

(А. Стоило его пропустить, босс. Это из современного жаргона. Свингеры так говорят. Глагол, включающий все виды совокупления...) (Ха! Эх, молодежь, в моем детстве было два десятка глаголов, означающих «фримпаться», новых и старых, не считая общеизвестной нецензурщины.) (Босс, не перебивайте... все возможные способы соединить любое число тел, начиная с двух, в любой комбинации всех шести полов, включая такие варианты, узнав о которых вы бы с кровати упали. Немудрено, что вы его не слышали. Свинг – недавнее изобретение.)

(Да слышал я его. У меня есть для тебя новость, деточка.)

(Да, сэр? То есть да, мисс Смит, дорогуша. «Мисс Смит» –

я чуть не расхохоталась, когда впервые услышала. Но мне нравится, ведь это относится к нам обеим. Кстати, как вам Роза? Он руку целовал активнее, чем многие мужики себя в койке ведут.) (Радость моя, да мысли у тебя в голове не только грязные, но еще и весьма непоследовательные.) (Еще бы у меня не было грязных мыслей – я же в *вашей* голове!) (Тихо, Юнис, моя очередь говорить. Этот твой свинг – штука не новая. У древних греков было для него слово. И у римлян. И на протяжении всей истории. В викторианской Англии оргии были в моде. Во времена моей молодости их устраивали в самом сердце Библейского пояса, хоть тогда это было опасно. Юнис, раз уж мы с тобой решили поговорить по душам, признаюсь: всем из того, что делала, видела или слышала ты, я занимался еще до рождения твоей бабушки – и неоднократно, если мне это нравилось. Невзирая на риск.)

Другой голос на некоторое время умолк.

(Может, сейчас мы просто раньше начинаем. Риска почти нет, да и правил поменьше.)

(Сомневаюсь).

(А я уверена. Я же сказала, что мне было пятнадцать, когда я залетела. А первый секс у меня был за год до этого.)

(Юнис, милая, главная разница между молодыми и старыми, причина так называемого разрыва между поколениями, разрыва, который существовал всегда, – неспособность молодежи понять, что старики и впрямь были когда-то молодыми... А старики помнят свою молодость, будто она бы-

ла на прошлой неделе, и злятся, когда окружающие считают, будто старый хрыч всю жизнь был старым хрычом.)

(Босс?)

Голос прозвучал ласково и нежно.

(Да, радость моя?)

(Босс, я всегда чувствовала, что вы молоды душой, несмотря на все эти старческие пигментные пятна. Я знала это, когда была жива, и мне больно было видеть вас в таком дряхлом теле. Я разделяла вашу боль. Даже плакала, возвращаясь домой, особенно когда вы в сердцах говорили что-то, за что потом извинялись. Я очень хотела, чтобы вы поправились, но понимала, что это невозможно. Первой – вместе с Джо – подписала договор, как только бумаги пришли в Клуб редкой крови. Я бы еще раньше подписала, но боялась, что вы узнаете и запретите мне.)

(Юнис, Юнис!)

(Не верите?)

(Верю, милая, верю... просто я сейчас разрыдаюсь.)

(Босс, высморкайтесь и прекратите. Все хорошо, что хорошо кончается. Давайте я расскажу про своего маленького ублюдка, чтобы отвлечь вас от давно уже не насущных проблем?)

(Ох... только если ты сама этого хочешь. Юнис, любовь моя. Моя единственная.)

(Я же сказала, что хочу рассказать. Так что слушайте. История долгая, поэтому готовьтесь слушать и пообещайте

не слишком впечатляться. *Пожалуйста*, босс. Подробности моей интимной жизни помогут вам в вашей. Нашей. Или вы всерьез не собираетесь быть «активной женщиной», как сказали доктору Гарсии?)

(Ух, Юнис, не знаю. Я женщина еще совсем недавно и плохо понимаю, чего хочу. Дорогая, да я по-прежнему заглядываюсь на женщин вместо того, чтобы вести себя как женщина. Взять хотя бы нашу рыженькую...)

(Я заметила.)

(Я слышу сарказм? Или ревность?)

(Что? Босс, дорогой, я не ехидничаю. Нам надо быть добрее друг к другу. А ревность для меня – пустой звук. Просто, когда Винни накладывала нам макияж, вы заглядывали ей в вырез халата каждый раз, когда она нагибалась. И я тоже. Она не носит лифчик. Мило, правда? Винни женственна и прекрасно это знает. Если бы у вас не только мозги были мужскими, но и тело, я бы ее на километр не подпустила.)

(Ты вроде говорила, что не ревнуешь?)

(Я и не ревную. Просто намекаю, что Винни завалила бы вас при малейшей возможности. Но я ее не осуждаю. Ничего против девушек не имею. С ними тоже может быть здорово.)

Иоганн не сразу нашелся что сказать.

(Юнис, то есть ты, гм, хочешь сказать, что ты... что у тебя когда-то были... отношения... с...)

(Босс, мы не в начале двадцатого века живем, уже двадцать первый наступил. Говорите начистоту. Хотите спро-

силь, не лесбиянка ли я?) (Нет, что ты! То есть в какой-то степени именно это я и хотел узнать. По крайней мере, прояснить твои слова. Поскольку это вроде бы невозможно... Ты ведь была замужем... или брак был прикрытием? Предполагаю...) (Дорогой, хватит предполагать. По чесноку! Я не лесбиянка, и Джо не гомосексуалист. Он как мартовский кот – всегда готов трахнуть и делает это классно. Если только не уходит с головой в свое рисование – тогда он забывает обо всем. Но гомосексуализмом никого из моих ровесников не напугаешь, ни словом, ни фактом. Правительство, по сути, поощряет его, твердя нам с детского сада, что надо сокращать рождаемость. Если бы я принесла клятву Билитис, то вряд ли подхватила бы ту «ревматическую лихорадку». Нет, девушки, конечно, милые, и я никогда не питала к ним отвращения, но меня всегда так сильно интересовали мальчишки, что в сторону Голубой улицы не тянуло. А вы, босс, в какой команде? То вы рассказываете мне, что пускаете слюни на Винни, то сердитесь, что я тоже пускаю на нее слюни. Так что вы собираетесь делать с нашим телом, дорогой? Вы правша, левша, обоерукий или вообще безрукий? Меня устроит любой вариант, кроме последнего. У меня ведь есть право голоса?)

(Конечно.)

(Не знаю, босс. Вы так возмутились, когда я предложила отблагодарить доктора Хедрика в койке. А от идеи переспать с девушкой вообще взвились. Уж не думаете ли вы всерьез

защитить себе это место?)

(Юнис, не болтай ерунду! Милая, я счастлив, что мы вместе и что между нами по-прежнему есть разрыв поколений. На сей раз виноват я, поскольку всю жизнь очень следил, что говорю женщине, – даже в постели...)

(А мы с вами в постели!)

(Вот именно. И говорить с тобой откровенно – по чесноку, как ты выразилась, – мне даже труднее, чем свыкнуться с тем, что я женщина. Еще до того, как доктор Хедрик подтвердил мои опасения, я оценил, какие сложности... и не только... ждут меня в роли женщины... причем молодой... и богатой.)

(«Богатой». Об этом я и не думала.)

(Юнис, любовь моя, придется нам подумать! Разумеется, мы будем вполне активной женщиной...)

(Ура!)

(Тише, дорогая. Будь мы бедны, мы попросили бы твоего Джо принять нас обратно – если бы он согласился. Но мы вовсе не бедны. Мы ужасающе богаты, а богатство куда труднее растратить, чем нажить. Поверь мне. Лет в семьдесят пять я попытался избавиться от части капитала при жизни, чтобы не оставлять внукам. Но отдать деньги, не растратив почти всё в процессе, сложнее, чем засунуть джинна обратно в бутылку. Поэтому я сдался и просто составил завещание таким образом, чтобы моим якобы внукам достались сущие крохи.)

(Якобы?)

(Якобы. Юнис, моя первая жена была прекрасной девушкой вроде тебя. Но она умерла родами, оставив мне сына, который также давно погиб. Агнес взяла с меня слово, что после ее смерти я женюсь на другой, что я и сделал почти сразу. В том браке у меня родилась дочь; ей не было и года, когда моя вторая жена подала на развод. Я женился в третий раз – еще одна дочь, еще один развод. Я мало общался с дочерями и пережил обеих, не говоря об их матерях. Но подумай, Юнис, у тебя ведь такая же редкая группа крови: как, по-твоему, она наследуется?)

(Не знаю.)

(Я думал, знаешь. У меня математический склад ума, и стоило мне увидеть таблицу наследования групп крови, я тут же усвоил ее, как таблицу умножения. Потеряв первую жену, я заранее позаботился, чтобы во время родов второй и третьей жен рядом присутствовали подходящие доноры. У второй жены была вторая группа, у третьей – третья. Лишь спустя годы я выяснил, что у обеих моих якобы дочерей была первая группа.)

(Я что-то не понимаю, босс.)

(Юнис, у детей человека с четвертой группой крови не может быть первой группы. Разумеется, девочек я ни в чем не винил. Я любил бы Эвелин и Роберту – хотел полюбить, старался, – но матери не подпускали их ко мне и настраивали против меня. Я был им не нужен... пока не выяснилось, что

после меня останется чертова уйма денег. Тогда они принялись ко мне подлизываться. Я считаю, что ничего не должен своим внукам, потому что они фактически *не мои* внуки. А ты как думаешь?)

(Хм... босс... думаю, что мне не стоит высказываться по этому поводу.)

(Да? А кто пять минут назад говорил, что мы должны быть друг с другом абсолютно откровенны?)

(Ну... Босс, с вашими выводами не поспоришь, но с вашей логикой я не согласна. Наследственность – не самое главное. Мне кажется, вы держите давнюю обиду, а это плохо. Плохо для вас, босс.)

(Девушка, вы не понимаете, что говорите.)

(Может, и так.)

(Никаких «может». Ребенок есть ребенок. Детей нужно любить и заботиться о них – иначе к чему все эти мучения? Юнис, как я уже говорил, моя первая жена была похожа на тебя. Агнес была моей Аннабель Ли, и мы любили друг друга сильнее, чем можно любить, но это продолжалось лишь год. Она умерла, родив мне сына. Я любил его так же сильно. Когда он погиб, во мне тоже как будто что-то умерло... и я сдуру решил жениться четвертый раз в надежде, что у меня родится еще сын. Но мне повезло – детей так и не появилось, и развод стоил мне лишь денег.)

(Босс, я вам сочувствую.)

(Нечего тут сочувствовать. Что было – то прошло. Вот

что: Юнис, когда мы поднимемся с постели, напхни мне найти и показать тебе армейский жетон сына. Он должен быть в шкатулке с драгоценностями. Больше у меня от него ничего не осталось.)

(Конечно. Но это так мрачно. Давайте смотреть вперед, а не назад?)

(Все зависит от того, как смотреть. Я не скорблю о сыне; я им горжусь. Он погиб как герой, сражаясь за Родину. Но на этом жетоне указана его группа крови. Первая.)

(Ох.)

(Да, первая. Как и дочери, сын биологически не мой. И все равно я его любил.)

(Да, но... вы узнали об этом только благодаря жетону? После его смерти?)

(Черта с два. Я знал это со дня его рождения, а подозревать начал, еще когда Агнес только сказала мне о своей беременности. Но я смирился с этим. С достоинством носил рога и держал подозрения при себе. Каждая из жен внесла свой вклад в мой статус рогоносца. У меня были не козлиные рожки, а ветвистые олени рога! Мужа, который ожидает от брака иного, ждет жестокое разочарование. Я же никогда не питал иллюзий и ничему не удивлялся. Я и сам набирался любовного опыта с замужними женщинами начиная со школьных лет. Думаю, так происходит в каждом поколении. Но голова от рогов болит только у глупца, который воображает, будто *его* жена не такая, как все, даже когда у него

предостаточно свидетельств обратного.)

(Босс, вы думаете, *все* женщины такие?)

(Нет, что ты! В молодости я знал достаточно пар, пришедших к алтарю абсолютно невинными и сохранивших верность друг другу на всю жизнь. Даже среди твоего поколения такие наверняка есть.)

(Наверное, встречаются. Но я не из их числа.)

(Я тоже. Никакой статистикой этого не докажешь. Юнис, секс – единственная вещь, о которой лгут абсолютно *все*. Но моя мораль такова: мужчина, который до брака не упускал случая поразвлечься, не должен ждать верности от жены. Иначе он дурак. Я не был таким дураком. Давай расскажу тебе об Агнес.

Она была сущим ангелом. Ангелом легкого поведения – и это значит именно то, что значит. Агнес любила всех, кого успела встретить за свою короткую жизнь. Для нее это было так же естественно, как дышать. Она... Юнис, ты говорила о раннем сексуальном опыте?)

(Я начала в четырнадцать. Маленькая шлюшка.)

(Маленькая – возможно. Но не шлюшка. Как и моя Агнес. Она никогда не была шлюхой и с радостью рассталась с девственностью, когда ей было двенадцать. Я...)

(*Двенадцать?!*)

(Удивлена? То-то же. Твое поколение считает, что придумало секс, а раньше его не было. Агнес была развита не по годам. Тогда и в шестнадцать мало кто начинал, насколько

я мог судить – обычно не раньше семнадцати-восемнадцати. Наверное. Точно знать, что переспал с девственницей... ну, я не эксперт. Однако даже по тем временам Агнес не поставила рекорд; со мной в школе училась девочка, которая первый раз дала, как выражались дети в то время, в одиннадцать – а с виду оставалась тихоня тихоней, регулярно ходила в воскресную школу, и все наши учителя ее обожали.

Моя ненаглядная Агнес была такой же, только не притворялась хорошей, а правда была хорошая. Просто не видела ничего греховного в сексе.)

(Босс, а в нем и нет ничего греховного.)

(А я разве говорю, что есть? Но меня тогда терзали угрызения совести, пока Агнес не вправила мне мозги. Ей было шестнадцать, мне – двадцать. Ее отец преподавал в захолустном колледже, где я учился. Одним воскресным вечером они пригласили меня на ужин. Тогда и случился наш первый раз. На диване в гостиной. Все произошло так быстро, что я удивился и даже испугался.)

(Чего, милый? Ее родителей?)

(Ну да. Они были наверху и вряд ли спали. Агнес была еще слишком юна – возраст согласия тогда составлял восемнадцать лет, и хотя меня это никогда не останавливало, но ребята в таких случаях нервничали. А в тот вечер я вообще ничего не ждал и не был готов.)

(Готов к чему?)

(Мы не предохранялись. Мне оставалось учиться год, де-

нег и работы не было, и жениться по залету не улыбалось.)

(Босс, контрацепция – забота девушки. Поэтому я чувствовала себя такой дурой, когда залетела. У меня и в мыслях не было требовать, чтобы парень на мне женился, – да я и не знала, кто из них отец. Поняв, что залетела, я стиснула зубы и созналась родителям. Меня крепко отругали; папе предстояло заплатить штраф, ведь у меня еще не было лицензии на деторождение. Родители сказали все, что обо мне думают, но о женитьбе речи не заводили. Они не спрашивали, от кого ребенок, и сама я об этом не говорила.)

(А ты не знала от кого, Юнис?)

(Ну... Точно не знала. Расскажу по чесноку. Вся баскетбольная команда и три девочки из группы поддержки ночевали в одной гостинице под присмотром тренера и физрука. Только они за нами не присматривали – отправились кутить в город. Так что мы собрались в номере мальчиков. Кто-то раздобыл травы. Марихуаны. Я затянулась пару раз, мне не понравилось, и я налегла на джин с имбирным элем. Он был мне почти так же в новинку, зато куда вкуснее. Совершенно не думала заняться групповухой; в нашей школе этим не увлекались, и у меня был постоянный парень, которому я не изменяла... ну, почти не изменяла. В баскетбол он не играл. Но тут капитан группы поддержки решила раздеться, и понеслось. Я подсчитала, что у меня еще дня два безопасных, и тоже разделась. Последней из трех. Никто меня не принуждал, не насиловал. За что мне винить ребят?

Вот только оказалось, что никаких двух безопасных дней у меня не было, и к середине января я почти точно знала, что залетела. Потом сомнений не осталось. Родители отослали меня на юг к тетке лечиться от «ревматической лихорадки». Спустя двести шестьдесят девять дней после той чемпионской игры я вернулась в школу – как раз к началу учебного года. И выпустилась вместе с моим классом.)

(А что с твоим ребенком, Юнис? Это мальчик или девочка? Сколько ему сейчас лет? Двенадцать? И где он сейчас?)

(Босс, я не знаю. Я подписала согласие на усыновление, чтобы отец получил обратно уплаченный штраф, если найдутся приемные родители с лицензией на ребенка. Босс, по-вашему, это справедливо? Пять тысяч долларов были для отца огромной суммой, а ведь те, кто живет на пособие, не платят ничего и даже имеют право на бесплатный аборт. Почему так?)

(Милая, ты опять сменила тему. Что с ребенком?)

(Мне сказали, что он родился мертвым. Но я слышала, так часто говорят, если девушка подписала отказ и кто-то хочет взять ребенка.)

(Можно выяснить. Если ребенок рождается мертвым, то и штрафом не облагается. Отец тебе не сказал?)

(Я не спрашивала. Тема была щекотливой, босс. Официально у меня была «ревматическая лихорадка», а не беременность без лицензии. И хорошо, наверное, потому что в восемнадцать мне без всяких вопросов дали лицензию на

троих детей.)

(Юнис, не важно, что вы там придумали. Если твой ребенок жив, мы можем его найти!)

Другой голос не ответил. Иоганн наседавал:

(Ну что, Юнис?)

(Босс, пусть мертвые хоронят своих мертвецов.)

(Ты не хочешь детей?)

(Дело не в этом. Вы сказали, вам было не важно, что сын не ваш. Думаю, вы были правы. Но это работает и наоборот. Если где-то и живет этот ребенок, которому сейчас почти тринадцать, то я для него чужая. Не любящая, воспитавшая его мать. Я никто. Во всех смыслах никто – не забывайте, ведь официально меня убили.)

(Юнис! Бедная Юнис!)

(Видите? Если даже мы отыщем этого мальчика или девочку, то не сможем признаться, что я на самом деле жива – вернулась к жизни в вашей голове. О таком публично не заявляют, если не хотят оказаться в смиренной рубашке.) Она вздохнула. (Я бы хотела ребенка *от вас*, будь такое возможно. Расскажите мне еще об Агнес. Я правда на нее похожа?)

(Очень. Не внешне, разумеется. Но если бы я верил в переселение душ – а я не верю, – у меня было бы искушение думать, что ты – переродившаяся Агнес.)

(А если так? Босс, почему вы в это не верите, босс?)

(Гм... а ты веришь?)

(Нет. Вернее, не верила, хотя почти все мои друзья верят. Я не видела причин верить в то или другое, поэтому помалкивала. Но, босс, когда тебя убивают, а ты не умираешь, невольно закрадываются всякие мысли. Босс, дорогой, вы ведь думаете, я плод вашего воображения?)

Ответа не последовало. Голос продолжал:

(Босс, не стесняйтесь признаться, я не обижусь. Я знаю, что я – это я. Мне доказательства не нужны. Но они нужны вам. Признайтесь, дорогой. Будьте со мной откровенны.)

Она снова вздохнула.

(Юнис, мне и впрямь надо удостовериться. Но... если я сошел с ума... если ты лишь вымысел моего собственного разума... то лучше мне об этом не знать. Милая, прости... но, когда ты сказала, что не хочешь искать своего ребенка, я почувствовал облегчение.)

(Я знаю, что вы почувствовали... и знаю почему. Босс, не стоит спешить. У нас впереди уйма времени. Расслабьтесь и наслаждайтесь моментом. Доказательства придут сами собой – вам станет известно что-то, что могла знать только я. И тогда вы успокоитесь.)

Иоганн кивнула – сама себе.

(Это логично, Юнис. Совсем как в прежние времена, когда я изводился по пустякам, а ты журила меня, словно мать сына.)

(Я по-прежнему буду журить вас, когда понадобится, и буду любить вас всегда. Но кое-что все же требует спешки.)

(Что?)

(Судно! Если вы не хотите, чтобы мы напрудили в постель.)

(Черт!)

(Спокойно, босс. Привыкайте.)

(Проклятье, я *не хочу*, чтобы мне подсовывали судно, словно горшок ребенку! Знаешь, что случится? Ничего! Я зажмусь и ничего не смогу из себя выдавить. Юнис, вон за той дверью моя личная уборная. Можем мы попросить отвести нас туда... и оставить на некоторое время?)

(Босс, вы же сами знаете. Вы позовете медсестру. Она станет вас отговаривать. Вы будете настаивать. Потом она пойдет искать доктора Гарсию. Когда он придет, то вы станете спорить с ним. Устав от вашего упрямства, он вызовет Джейка. К тому времени, как Джейк придет, мы надуем в постель.)

(Юнис, я сейчас рассержусь! Ладно, давай попросим чертово судно.)

(Босс, погодите. У нас получится опустить перила?)

(А?)

(Если получится, можем сходить в туалет без спроса.)

(Юнис... я ведь не вставал больше года!)

(Это было прежде, чем вы обзавелись пусть и подержанным, но все равно почти что новеньким, женским телом.)

(Думаешь, мы сможем идти?)

(Давайте проверим. Если голова закружится, ухватимся за

перила и опустимся на пол. Уж ползти-то мы точно сможем.)
(Давай!)

(Так как же устроены эти перила?)

Разобраться с перилами оказалось непросто. Очевидного способа опустить их не было. Неудивительно, если они нужны для защиты плохо соображающего пациента, конструкция и не должна оставлять ему возможности их убрать.

(Юнис, нам придется все-таки звать сестру. Черт!) (Босс, не сдавайтесь так быстро. Должна быть кнопка на пульте. Если развернуться головой к изножью, думаю, мы сумеем дотянуться по пульта.)

Иоганн подтянула колени и развернулась. К ее удивлению, новое тело оказалось восхитительно гибким. Она просунула правую руку между прутьями, но до пульта не дотянулась – зато поняла, как работают боковые перила. В изножье кровати, под пружинами, с каждой стороны находилось по защелке, до которых (по мнению разработчиков) больной, нуждающийся в перилах, ни за что бы добрался.

Она разомкнула левую защелку, и перила легко опустились. Иоганн рассмеялась.

(Неплохо выходит, напарник?) (Неплохо, босс. Держитесь за край и спустите ноги. Только не опрокиньтесь, а то нам несдобровать!)

Иоганн спустила ноги на пол и неуверенно встала, держась за кровать. Все тело дрожало.

(Голова кружится.) (Еще бы. Скоро пройдет. Помедлен-

нее. Босс, мне кажется, мы сможем дойти... но давайте не рисковать. Лучше ползком. Если вдруг потеряем равновесие и шмякнемся на ковер, Винни пулей прилетит – и ближай-шие дни нас даже кормить будут сквозь перила. Что думаете?) (Думаю, что нам срочно нужно в сортир, чтобы не пришлось говорить, будто лужу на полу оставила кошка. Поползли.)

Спуститься на пол труда не составило, а вот ползти было трудно: колени заплелись в больничной рубашке. Иоганн села – новое тело легко принимало такие позы, которые не давались даже двенадцатилетнему Йонни.

Дивиться не было времени. Короткий халатик снялся легко; спереди он застегивался на магнитную полосу. А вот больничная рубашка застегивалась сзади.

(Липучки?) (Завязки. Обычный бантик. Босс, аккуратнее, не затяните на узел.)

Рубашка последовала за халатиком. Теперь можно было ползти без помех. Иоганн раздвинула заветную дверь и оказалась у цели.

Некоторое время спустя она с облегчением выдохнула.

(Мне лучше.) (Мне тоже. Обратно попробуем пройти? Главное, чтобы было за что уцепиться. А можем подозвать стул, и пусть едет перед нами.) (Дойду.)

Ноги больше не подкашивались. Идти было легче, чем когда-либо за последние двадцать лет. Однако она все равно держалась ближе к стене. Ванную комнату давно оборудова-

ли поручнями, чтобы немощный старик ненароком не упал. Иоганн оказалась перед высоким трюмо в конце гардеробной.

(Боже, Юнис, какая же ты красавица!)

(Боже, какие мы неухоженные! Босс, вы только взгляните, какие у нас ногтищи на ногах! Когти! И – о боже! – грудь обвисла! Живот обмяк!)

(Ты прекрасна. Сногшибательна. Юнис, радость моя, я всегда мечтал увидеть тебя абсолютно голой. Мечта сбылась.)

(Рада за вас. А я бы предпочла привести себя в порядок, прежде чем показываться вам. На голове опять бардак. И... да, как я и думала. От нас воняет.) (Эй!) (Извините, ляпнула не подумав. Босс, мы не вернемся в постель, пока не примем горячую пенную ванну. Это приказ высшего командования. С обвисшей грудью за один день ничего не сделаешь, а вот помыться нужно обязательно.) Она обернулась и рассмотрела ягодицы. (Ох! Задница у девушки, конечно, должна быть, но не такая здоровенная!) (Юнис, у тебя самая красивая попка в штате. Во всей стране.) (Была когда-то. И снова будет, обещаю. Завтра начнем делать зарядку. Потихоньку все подтянем.) (Как скажешь. Но ты все равно самое прекрасное создание, какое я видел в жизни. Постой-ка. Юнис, ты ведь надевала лифчик к тому образу русалки?)

Она хихикнула.

(Ну что вы! Босс, на мне была только краска. Просто грудь

у меня тогда была крепкая; Джо нарадоваться не мог, когда с ней работал. В тот раз я максимально перед вами обнажилась.)

(А сейчас, по-твоему, как? А, красotka?)

(Я имею в виду, до того как меня убили. Когда я еще была вашей «хорошей» девочкой, которая не смела раздеться настолько, насколько хотелось бы вам, старый козел. Хотя вы могли бы легко увидеть меня голой – и куда более красивой, – стоило вам только попросить.)

(Теперь я каждый день буду приходить сюда и пялиться в зеркало.)

(Кто же вам запретит, тело-то теперь ваше. Но положите сюда гимнастический коврик, чтобы одновременно заниматься. Почти все упражнения лучше делать перед большим зеркалом. Думаю, мы...)

Дверь распахнулась.

– Мисс Смит!

Иоганн чуть не подскочила от неожиданности и грубо ответила:

– Мисс Герстен, какого черта вы врываетесь ко мне в ванную без стука?

Медсестра пропустила грубость мимо ушей, поспешно подскочила и обняла пациентку за талию:

– Обопритесь на мое плечо, я уложу вас обратно в постель. Как же так! Что скажет доктор Гарсия? Он меня убьет! С вами все в порядке?

Иоганн заметила, что медсестричка вот-вот расплачется.

– Конечно. Все хорошо. – Иоганн попыталась освободиться, но быстро поняла, что Винни куда сильнее, чем кажется. – Но вы не ответили на мой вопрос.

Теперь медсестра и впрямь расплакалась:

– Умоляю, не спорьте со мной! Давайте уложим вас, пока вы не упали и не ушиблись! Может, доктор Гарсия не слишком рассердится.

Видя, что девушка напрочь утратила профессиональное спокойствие, Иоганн позволила отвести себя в спальню и усадить на кровать. Рыженькая Винни перевела дух:

– Вот! Теперь крепко держите меня за шею, и я подниму ваши ноги. Вот нехорошая девочка! Так меня напугала!

Иоганн не послушалась:

– Винни...

– Да, милая? Ложитесь, не надо сердить доктора.

– Не гоните лошадей. Собираетесь наябедничать – идите и ябедничайте. Я подержусь за кровать, не упаду.

Медсестра была в отчаянии:

– Мисс, хотите, чтобы меня уволили? В черный список внесли? Что плохого я вам сделала?

– Винни, дорогая моя.

– Да?

– Не говорите ничего доктору Гарсии. – Она приобняла медсестру за талию. – Хорошо?

Та покраснела, но не отстранилась.

– Ну... я должна. Таковы правила.

– Должны, но не расскажете. И я не расскажу. Это будет нашей тайной. Никому ни слова.

– Ну, если вы не расскажете, то и я.

– Обещаете?

– Обещаю.

Иоганн поцеловала ее. Винни оторопела и сжалась, но не уклонилась. Переведя дух, она разомкнула губы, и поцелуй продолжился.

Наконец медсестра освободилась и хрипло прошептала:

– *За это* меня точно уволят.

Она не уточнила, за что именно, и, казалось, не заметила, что Иоганн свободной рукой поглаживает ее грудь.

– Тогда остановимся. Пора мне прилечь – нет, не помогайте, я сама справлюсь.

Иоганн справилась. Медсестра накрыла ее покрывалом и вновь напустила на себя серьезный вид:

– А теперь давайте оденемся. – Она подняла с пола халат и больничную рубашку. – Что за безобразница! Раскидываете вещи по полу, пугаете меня.

– Бросьте их в корзину для грязного белья. Я их больше не надену.

– Ну-ну, дорогая. Халатик можете не надевать, а вот рубашку наденьте. Хотите, свежую принесу?

– Винни, я больше не стану носить эти дурацкие ангельские одеяния. Халат можете повесить рядом на стул, а вот

больничную рубашку я больше не надену. Буду лежать голой.

– Доктор Гарсия...

– Хватит пугать меня доктором Гарсией. Мы ведь договорились?

Медсестра закусила губу:

– Ну... да.

– Не его дело, в чем мне спать. Пока мне не принесут нормальную одежду, я останусь голой. Или... а вы спите здесь? Может, у вас есть лишняя ночная рубашка? Женского фасона?

– Да, я ночую здесь. Но одолжить рубашку не могу. Я... сама сплю голой.

– Разумно.

– Я видела ночные сорочки, пеньюары и прочее в вашей гардеробной.

– Черт побери! Кто их туда приволок?

– Не знаю, мисс Смит. Их привезли, когда... ну, когда стало понятно, что они вам понадобятся.

– Умно. А размер подходящий? Знать бы еще, какой у меня размер.

– Безусловно! Я помогала снимать мерки.

– Прекрасно. Найдите мне самую изящную сорочку – я попрактикуюсь быть женщиной.

– С удовольствием. – Медсестра вышла.

(Лесба. Буч.) (Юнис, что ты несешь? Конечно, она симпатичная... а мне как раз в голову пришло, как к ней подка-

тить. Пришлось покопаться в памяти; навыки слегка подзабылись.) (Я сказала «буч»! Вам понравилось с ней целоваться.) (А тебе разве нет?) (Еще как. Она целуется так, что не оторваться. Но я, в отличие от некоторых, не ханжа. Не вы ли делали круглые глаза, когда я говорила, что с девушками тоже может быть хорошо? Вы, вы, старый озабоченный лицемер. И буч!)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.